

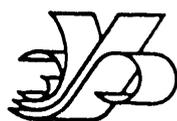
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Периодический научный журнал

№ 1 (121)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Главный редактор
д-р экон. наук, проф. *И.А. Максимцев*

Заместители главного редактора:
д-р экон. наук, проф. *Е.А. Горбашко*, д-р экон. наук, проф. *В.А. Плотников*

Члены редакционной коллегии:
д-р филол. наук, проф. *О.В. Александрова*, д-р экон. наук, проф. *И.И. Антонова*,
д-р экон. наук, проф. *А.В. Бабкин*, д-р экон. наук, проф. *Г.Л. Багиев*, д-р экон. наук, проф. *В.Я. Белобрагин*,
д-р экон. наук, проф. *О.С. Белокрылова*, д-р экон. наук, проф. *Ю.В. Вертакова*,
д-р философ. наук, проф. *З.Т. Голенкова*, член-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. *И.И. Елисеева*,
д-р социол. наук, проф. *Н.Л. Захаров*, д-р экон. наук, проф. *А.Е. Карлик*,
д-р экон. наук, проф. *Е.А. Мальшев*, д-р экон. наук, проф. *Д.Ю. Миропольский*,
д-р экон. наук, проф. *Л.А. Миэринь*, д-р филол. наук, проф. *Г.Г. Молчанова*,
академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.В. Окрепилов*, д-р экон. наук, проф. *А.Н. Петров*,
д-р экон. наук, проф. *А.В. Полянин*, д-р социол. наук, проф. *Н.А. Пруель*,
д-р геогр. наук, проф. *В.А. Разумовский*, д-р филол. наук, проф. *И.Б. Руберт*,
д-р экон. наук, проф. *Т.А. Салимова*, д-р социол. наук, проф. *В.И. Сигов*,
д-р филол. наук, проф. *Т.П. Третьякова*, академик РАН, д-р экон. наук, проф. *В.И. Трухачев*,
д-р филол. наук, проф. *В.Е. Чернявская*, д-р филол. наук, проф. *В.А. Ямшианова*

Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

До 2013 года научный журнал «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» издавался под названием «Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов».

С 2014 года название журнала изменено в связи с реорганизацией университета-учредителя. Преемственность выпуска и редакционной политики сохранены. Изменения коснулись лишь наименования журнала.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). РИНЦ – база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

Ответственность за достоверность приводимых статистических данных, фактов, ссылок на источники несут авторы статей. При перепечатке материалов ссылка на «Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета» обязательна.

Все публикуемые в журнале материалы проходят обязательное рецензирование. В публикации автору может быть отказано в случае отрицательной рецензии либо несоответствия материала профилю издания, что определяется отсутствием экспертов в предметной области статьи в составе рецензентов. В переписку с авторами отклоненных рукописей редакция не вступает, присланные материалы не возвращаются.

Подписные индексы по каталогу агентства «Роспечать» – **15395** и **37154**.
Условия подписки приведены на последней странице журнала.

Учредитель издания – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-57287.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

- Рукинов М.В.** Векторы технологических трансформаций и перспективы безопасного развития экономики России в условиях нового технологического уклада 7
- Боркова Е.А.** Политика устойчивого развития и управление «зеленым» ростом 16

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Жуковская И.Е., Ишназаров А.И., Жуковский А.Д.** Инновационные тенденции влияния передовых информационно-коммуникационных технологий на экономическое развитие Узбекистана в условиях формирования цифровой экономики..... 23

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

- Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л.** Экологическое налогообложение как инструмент устойчивой налоговой политики 31
- Курышева С.В., Батырова Д.К.** Обобщенная оценка сезонного фактора при изучении динамики НДС России..... 40
- Макаров И.Н., Шамрина И.В., Самойлова Т.Д.** Формирование учетно-статистической системы и особенности анализа производственного потенциала в условиях смены технологических укладов 44
- Дмитриева Г.С.** Цифровые технологии в банковском секторе экономики 49

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

- Гнездилов Ю.В., Литвиненко А.Н.** Потребительский рынок и преступления на потребительском рынке как факторы экономической безопасности: понятия и классификация 54
- Чуянов Ю.В., Растова Ю.И.** Дискуссия о соотношении понятий «здравоохранение» и «социальная сфера» 58

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИЯТИЙ, РЕГИОНОВ И ОТРАСЛЕЙ

- Сергеева И.Г., Чеботарь А.В., Харламов А.В.** Оценка применения информационных технологий и систем в инновационной деятельности организации 62
- Присяжная Р.И.** Актуальные вопросы развития креативных индустрий в РФ и их роль в повышении конкурентоспособности регионов..... 67
- Олифир Д.И.** Городская агломерация как сложная самоорганизующаяся система с диссипативными свойствами 73

Манина М.В., Овечкина А.И., Петрова Н.П. Актуальные вопросы развития государственно-частного партнерства в Ленинградской области.....	79
---	----

МЕТОДОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ УПРАВЛЕНИЯ

Аркин П.А., Захаренко Е.А., Шиян Н.Д., Аркина К.Г. Методические вопросы производственной логистики участка нанесения металлических покрытий в приборостроении	86
Булочников П.А., Лавров В.В. Сравнительный анализ качества управления субъектами Российской Федерации	92
Тихомиров Н.Н., Шамина О.А. Модель стратегического управления малым предприятием печатных средств массовой информации	101

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Давыдов С.А., Сигов В.И., Рогова А.М. Парадигма социальной защиты средневековья: опыт Восточной и Западной Европы.....	107
Молодьякова Э.Б., Попазова О.А. Управление персоналом банковского сектора в условиях цифровизации экономики	113

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ

Хабибулина Э.А. Валентность и дистрибуция немецких прилагательных цвета.....	119
---	-----

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Аветисян А.В. Современное состояние системы местного самоуправления и актуальные проблемы его развития в Республике Армения.....	123
Алиев У.А. Управление человеческими ресурсами предприятий в условиях роста напряженности в социально-трудовых отношениях.....	130
Алфименко С.С. Риски бюджетного процесса: от совершенствования понятийного аппарата к методологии минимизации.....	135
Асалханова С.А. Формирование единого информационного пространства в цифровой экономике.....	144
Деркач В.А. Классификация угрожающих факторов в сфере государственно-частного партнерства в России	148
Медведев В.М. Нормативно-методические аспекты подготовки кадров в сфере управления городской средой	152
Мягких А.А. Оптимизация общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в России	156
Некрасова Т.Н. Анализ влияния недобросовестных практик на рынок финансовых услуг	163
Сморудов И.Е. Совершенствование управленческого инструментария образовательной организации высшего образования.....	167
Хайрутдинов И.Р. Нефтехимическая отрасль в России: тенденции и прогнозирование	171
Халил М.Р.А. Приоритеты государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики	176

CONTENTS

THEORY AND PHILOSOPHY OF ECONOMY

Rukinov M.V. Vectors of technological transformations and prospects of Russia's secure development in the new technological paradigm.....	7
Borkova E.A. Sustainability policy and green growth management.....	16

GLOBALIZATION PROCESSES

Zhukovskaya I.E., Ishnazarov A.I., Zhukovsky A.D. Innovative tendencies of influence of advanced information-communication technologies on the economic development of Uzbekistan in the digital economy formation conditions.....	23
---	----

FINANCIAL SECTOR OF ECONOMY

Vylkova E.S., Tarasevich A.L. Environmental taxation as an instrument of sustainable tax policy	31
Kuryshcheva S.V., Batyrova D.K. Generalized assessment of the seasonal factor in the study of the dynamics of VAT in Russia	40
Makarov I.N., Shamrina I.V., Samoiloa T.D. Formation of the accounting and statistical system and features of the analysis of production potential in the conditions of a change in technological structures.....	44
Dmitrieva G.S. Digital technologies in the banking sector of economy	49

STATE REGULATION OF ECONOMY

Gnezdilov Yu.V., Litvinenko A.N. Consumer market and crimes in the consumer market as economic safety factors: concepts and classification.....	54
Chuyanov Yu.V., Rastova Yu.I. Discussion on the relationship of the «health care» and «social sphere» concepts	58

ECONOMY OF ENTERPRISES, REGIONS AND BRANCHES

Sergeeva I.G., Chebotar A.V., Kharlamov A.V. Evaluation of information technologies and systems usage for the innovative activities of organization	62
Prisyazhnaya R.I. Actual issues of the creative industries development in the Russian Federation and their role in the regions competitiveness increasing.....	67
Olifir D.I. Urban agglomeration as a complex self-organizing system with dissipative properties.....	73
Manina M.V., Ovechkina A.I., Petrova N.P. Topical issues of public-private partnership development in the Leningrad region	79

MANAGEMENT

Arkin P.A., Zakharchenko E.A., Shiyani N.D., Arkina K.G. Methodological issues of production logistics at the application of metal coatings in instrument.....	86
Bulochnikov P.A., Lavrov V.V. Comparative analysis concerning quality of regional management in Russian Federation	92
Tihomirov N.N., Shamina O.A. Model of strategic management of small enterprise of print media	101

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MANAGEMENT AND ECONOMY

Davydov A.S., Sigov V.I., Rogova A.M. The paradigm of social protection of the middle ages: the experience of Eastern and Western Europe	107
Molodkova E.B., Popazova O.A. Personnel management of the banking sector in the conditions of digitalization of the economy	113

PROBLEMS OF LINGUISTICS AND COMMUNICATIONS THEORY

Khabibulina E.A. The valency and distribution of german color adjectives.....	119
--	-----

YONG RESEARCHERS' WORKS

Avetisyan A.V. The current state of the local self-governance system and actual problems of its development in the Republic of Armenia	123
Aliev U.A. Management of human resources of enterprises in the conditions of growth of tension in social and labor relations.....	130
Alfimenko S.S. Risks of the budgetary process: from improvement of the conceptual apparatus to the minimization methodology.....	135
Asalhanova S.A. Formation of a single information space in the digital economy	144
Derkach V.A. Classification of threat-forming factors in the public-private partnership market in Russia	148
Medvedev V.M. Normative and methodological aspects of training in the field of urban environment management	152
Miagkikh A. A. Optimization of the national system of identification and support of gifted and talented youth in Russia.....	156
Nekrasova T.N. Influence of unfacilitative practices on the financial services market	163
Smorudov I.E. Improvement of management tools of the higher education organization	167
Khayrutdinov I.R. Petrochemical industry in Russia: trends and forecasts	171
Khalil M.R.A. Priorities of sustainable development and green economy formation in the state regulation	176

Рукинов М.В.

ВЕКТОРЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЗОПАСНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

***Аннотация.** Происходящая технологическая трансформация мировой экономики создает, наряду с новыми возможностями, значительные риски для традиционных бизнес-моделей компаний и конкурентных преимуществ национальных экономик. Это означает, что необходимо выявить состав и характер проявления этих рисков и предложить рекомендации по минимизации негативных последствий, связанных с переходом к новому технологическому укладу. Методологической основой статьи выступает общенаучный метод анализа и синтеза, а также метод стратегических матриц. В статье выявлены основные векторы технологических трансформаций, заключающиеся в цифровизации на основе «умной» автоматизации, переход к аддитивному производству, смена энергетической парадигмы (постепенный отказ от углеродной, и прежде всего основанной на нефти энергетике) и изменение модели взаимодействия хозяйствующих субъектов на основе платформенного и экосистемного подхода. Систематизированы основные угрозы и возможности, связанные с переходом к новому технологическому укладу по характеру их проявления (на микро- и макроуровне). Описаны проблемы, которые препятствуют адаптации российской экономики к технологическим трансформациям. Сформулированы рекомендации по обеспечению эффективности национальной экономики России в условиях нового технологического уклада. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в разработке методических принципов для формирования стратегии адаптации российской экономики к происходящим технологическим трансформациям.*

***Ключевые слова.** Технологическая трансформация, технологический уклад, цифровизация, искусственный интеллект, безуглеродная энергетика, аддитивное производство, экосистемы, платформы.*

Rukinov M.V.

VECTORS OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATIONS AND PROSPECTS OF RUSSIA'S SECURE DEVELOPMENT IN THE NEW TECHNOLOGICAL PARADIGM

***Abstract.** The technological transformation of the global economy creates, along with new opportunities, significant risks for traditional business models of companies and for competitive advantages of national economies. It means that there is a need for identification of composition and nature of these risks and for recommendations that would help to minimize negative consequences related to this technological transition. The methodological basis of this paper is the general method of analysis and synthesis as well as a method of strategic matrices. The paper identifies main vectors of technological transformations that include digitiza-*

ГРНТИ 06.75.02

© Рукинов М.В., 2020

Максим Владимирович Рукинов – кандидат экономических наук, докторант Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Контактные данные для связи с автором: 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., 10 (Russia, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoe road, 10). Тел.: 8 (812) 466-65-58. E-mail: a97440533@protonmail.com.

Статья поступила в редакцию 09.01.2020.

tion on the basis of “smart” automation, transition to additive production, change of the energy paradigm (gradual transition to carbon-free energy, and first of all – to the energy from non-oil sources) and change of the model of interaction of business agents on the basis of ecosystem and platform approach. Main threats and opportunities linked to this technological change are systemized on the basis of criterion of their nature (micro- or macrolevel). Problems that hinder the adaptation of the Russian economy to this technological change are described. Recommendations that could help to ensure the efficiency of the Russian economy on the new technological paradigm are formulated. Theoretical and applied value of the paper consists in the methodological foundations for strategies of adaptation of Russian economy to the technological change.

Keywords. *Technological transformation, technological paradigm, digitization, artificial intellect, carbon-free energy, additive production, ecosystems, platforms.*

Введение

Переход к новому технологическому укладу [Глазьев, 2010; Глазьев, 2013], сопровождающийся перестройкой моделей взаимодействия между хозяйствующими субъектами и сменой поведения потребителей, создает новые возможности для предприятий и стран, которые сумеют использовать эту трансформацию в своих интересах, но при этом является источником угроз для организаций, которые слишком привязаны к своим стандартным бизнес-моделям. Эта трансформация носит подрывной характер, она резко снижает эффективность традиционных бизнес-моделей по сравнению с новыми подходами к организации бизнеса и создает риски ликвидации ряда компаний, бывших лидерами предыдущего технологического уклада, и даже целых отраслей, игравших ранее важную роль в экономике. По этой причине представляется необходимым выполнить анализ основных направлений технологических и организационных преобразований, связанных с переходом к новому технологическому укладу (ТУ) и обусловленных этим новыми угрозами экономической безопасности.

В данной статье мы выполним анализ вышеуказанных изменений, рассмотрим, как они влияют на экономическую безопасность России и сформулируем краткие рекомендации по адаптации отечественной экономики к новому ТУ. Наша статья носит концептуальный характер и основана на анализе научных работ и новостных источников. Мы используем преимущественно общенаучный метод анализа и синтеза.

Технологии нового уклада

Рассматриваемые трансформации чаще всего связываются с цифровизацией [Бабкин и др., 2017; Бодрунов, Демиденко, Плотников, 2018; Маркова, 2018; Плотников, 2018; Устюжанина, Сигарев, Шеин, 2017; Эпштейн, 2018], однако такой подход значительно упрощает ситуацию. Новый ТУ не исчерпывается цифровыми технологиями, хотя они играют важную роль в новой парадигме организации хозяйственной деятельности. Помимо все более широкого распространения информационно-компьютерных технологий (ИКТ), глубокие изменения переживают технологии промышленного производства и энергетика, а также модели межорганизационных взаимодействий [Орехова, Заруцкая, 2019], [Устюжанина, Сигарев, Шеин, 2017]. Ниже мы рассмотрим эти факторы по отдельности.

Информационные технологии совершили качественный скачок, позволивший добиться значительных успехов в области создания искусственного интеллекта [Цветкова, 2017] (ИИ) и интернета вещей. Благодаря этому различные единицы техники (производственное оборудование, транспортные средства, военная техника и т.д.) могут непрерывно собирать информацию о внешней среде, обмениваться ею друг с другом без участия человека, сообщать ее центральному координирующему элементу (часто именуемому «искусственный интеллект», ИИ), который – также без участия человека, на основе заранее разработанных алгоритмов – принимает решения об оптимальной стратегии поведения в текущей ситуации и доводит эти решения до координируемых им единиц техники, которые воплощают их в жизнь. За счет этого многократно повышается скорость принятия решений, их точность и быстрота выполнения, и, как следствие, качество выполнения соответствующим производственным (транспортным, военным и т. д.) комплексом своих функций.

Цифровые («умные») технологии охватывают самые разные аспекты функционирования как экономики, так и общества в целом, а также жизни отдельного человека:

1. «Умный» завод, на котором производственная деятельность осуществляется с минимальным привлечением живого труда [Дородных, Курбанов, 2019; Крылатков, Калинина, 2018], [Zuehlke, 2010]. На завод в автоматическом режиме поступают заказы, формируются цифровые двойники готовых изделий, заказы на отдельные комплектующие и элементы в автоматическом режиме передаются субподрядчикам, собирается готовое изделие и передается логистическому оператору для доставки. Очередность производства и загрузка оборудования определяются автоматически, что позволяет минимизировать простои. Наличие цифровых двойников позволяет сократить время производственных испытаний, а также переналадки оборудования. Производство осуществляется фактически под заказ, что дает возможность устранить издержки, связанные с хранением сырья, комплектующих и полуфабрикатов, т.е. в полной мере реализовать потенциал организационной модели «точно в срок»;

2. «Умный» транспорт, обходящийся без участия человека (и, шире, «умная» логистика [Бекмурзаев, Курбанов, Курбанов, 2018]). Транспортное средство получает информацию от центрального диспетчерского пункта (функционирующего на основе ИИ) о наличии запроса на перевозку и предполагаемом маршруте, самостоятельно прибывает в точку отправления, получает там объект для перевозки (груз или пассажира) и доставляет его в точку назначения. Выбор оптимального маршрута производится путем непрерывного обмена информацией с центральным диспетчерским пунктом, который гибко отслеживает информацию на дороге. Оптимальное поведение на транспортной магистрали формируется самим транспортным средством, которое отслеживает ситуацию на магистрали в своем непосредственном окружении (при частичном участии центрального диспетчерского пункта);

3. «Умный» город, в котором происходит непрерывный сбор информации о транспорте (пробки, происшествия, доступность парковочных мест, загруженность транспортных средств и т.д.), безопасности, возможности проведения досуга и т.д., на основе которой центральный ИИ принимает решения (в сфере своей ответственности) и разрабатывает рекомендации для внешних пользователей (жителей города, локальных компаний и т.д.) относительно наиболее эффективного использования городских и их собственных ресурсов;

4. «Умный» дом, также на основе ИИ, формирующий оптимальные условия проживания человека в соответствии с установленными алгоритмами (от содействия в организации распорядка дня и управления микроклиматом до самостоятельного заказа необходимых товаров и оплаты коммунальных счетов).

Перечень, приведенный выше, разумеется, не является полным. Трансформируется энергетика, сфера финансов [Котляров, 2018], образование, медицина, государственное управление [Князьнеделин, Бекмурзаев, Титов, 2019], военное дело [Хазбиев, 2019] и т.д. Все перечисленное означает значительно большее вмешательство ИИ в хозяйственную, социальную и личную жизнь (с частичным устранением человека от принятия определенных решения и вытеснения его из ряда видов деятельности) и резкий рост рисков, связанных с возможностью неконтролируемого поведения или недобросовестного использования ИИ. Однако это, как предполагается, будет компенсироваться повышением качества и эффективности выполнения соответствующих процессов, большей индивидуализацией конечного продукта и освобождением человека от рутинной деятельности.

Эффективность ИИ и информационных технологий в целом будет возрастать и далее, поскольку прогнозируется прорыв в области квантовых вычислений. Создание квантового компьютера, во-первых, значительно повысит быстродействие информационных систем, и, во-вторых, позволит обеспечить практически абсолютную защиту информации.

Промышленность постепенно мигрирует в сторону аддитивного производства (3D-печати) [Ульянов, 2017; Bogers, Nadar, Bilberg, 2016], при котором, в отличие от ранее применявшихся технологических процессов, сразу формируется конечное изделие, а не заготовка, подлежащая дальнейшей обработке. Это снижает затраты материалов и повышает качество продукции. Это также значительно упрощает взаимодействие между заказчиками и изготовителями конечного продукта. Если в традиционной модели организации промышленного производства продукт выпускался на мощностях исполнителя и затем доставлялся заказчику, то новая технологическая парадигма допускает, что конечный продукт будет непосредственно изготавливаться у заказчика, на установленном у него оборудовании для аддитивного производства (т.е. на 3d-принтере). Поставщик этого продукта будет обеспечивать заказчика сырьем для 3d-печати, обслуживать принтер и периодически обновлять программное обеспечение (или предоставлять временный доступ к возможности выпуска того или иного продукта).

Аналогично, производители принтеров основной доход будут получать не от продажи оборудования, а от его обслуживания [Ульянов, 2017].

Хотя переход к аддитивному производству представляет собой технологическую инновацию, очевидно, что он содержит в себе инновацию организационную (изменяется модель взаимодействия заказчика и поставщика) и продуктовую (от продажи готового продукта поставщик переходит к обслуживанию деятельности заказчика). Речь идет о дальнейшей сервисизации промышленного производства.

В энергетике происходят два взаимосвязанных процесса [Глазьев, 2010; Глазьев, 2013; Мастепанов, 2019; Сазонов, Уланов, 2018]: переход к безуглеродным технологиям (декарбонизация энергетики), заключающаяся в замещении ископаемого горючего топлива (нефти и продуктов, полученных на ее основе, каменного угля и т.д.) альтернативными источниками энергии; расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – солнечные, ветровые, приливные и т.д. электростанции. Из традиционных способов получения электроэнергии сюда относятся гидроэлектростанции.

Будучи изначально неконкурентоспособными по цене по сравнению с традиционными источниками энергии, ВИЭ за счет совершенствования технологий, роста выпуска и законодательной поддержки постепенно приближаются по ценовым параметрам к традиционной энергетике. Присущий ВИЭ важный недостаток – нестабильность выработки энергии (из-за высокой зависимости от погодных факторов) – корректируется благодаря совершенствованию управления энергосистемами, что позволяет стабилизировать их функционирование.

Что касается безуглеродных технологий, то в первую очередь необходимо отметить непрерывный рост доли электромобилей. Этому способствует законодательная поддержка электромобилей в развитых странах (наиболее жесткое законодательное и налоговое давление на автомобили с двигателями внутреннего сгорания осуществляется в Европе, где предполагается фактически вытеснить их с рынка в ближайшие десятилетия), совершенствование технологий хранения электроэнергии и развитие инфраструктуры.

Распространению электромобилей благоприятствует сравнительная простота электродвигателей, что облегчает применение автоматизации в автомобильном транспорте (замещение водителей автопилотами). Расширение применения электромобилей связано не только с экологическими соображениями, но и с необходимостью повысить качество жизни населения. Наибольшее количество автомобилей приходится на места компактного проживания людей (города и городские агломерации). Двигатели внутреннего сгорания являются источником выхлопных газов и шума, тогда как у электродвигателей эти проблемы отсутствуют.

Еще одной революцией в энергетике является применение водорода как источника энергии [Куликов, 2019]. Сфера его использования очень широка – если электродвигатели пока представлены преимущественно на автотранспорте, то водород может использоваться на водном транспорте, в металлургии (в настоящее время тестируются доменные печи на водороде) и т.д.

Подчеркнем, что важной предпосылкой этой энергетической революции стало стремление развитых стран обеспечить свою энергетическую и экологическую безопасность [Круглова, 2018] за счет перехода к экологически чистым и потенциально намного менее опасным (по сравнению с атомной энергетикой, у которой после аварии на Фукусиме сложился крайне неблагоприятный имидж) источникам энергии, не зависящим от поставок от государств, в финансировании которых (путем закупки у них энергоносителей и выплаты сырьевой ренты) развитые страны не заинтересованы.

Наконец, происходит переход от вертикальных производственно-сбытовых цепочек к платформенным моделям организации бизнеса и экосистемам [Клейнер, 2019; Орехова, Заруцкая, 2019; Gawer, Cusumano, 2014; Parker, van Alstyne, Choudary, 2016]. Платформа обеспечивает возможность гибкого взаимодействия между большим количеством потребителей и провайдеров определенного ресурса. Изначально платформы использовались в сфере услуг (примерами могут быть гостиничная платформа Airbnb, платформа заказа такси Uber, торговая платформа Avito, платформа для подбора персонала Headhunter и т.д.) и финансов (краудфандинговые платформы), однако постепенно они распространяются и в сектор промышленного производства, позволяя заказчику найти удобного и эффективного поставщика необходимых ресурсов [Сморозинская, Катиков, 2017]. Они также используются в области инновационных разработок, повышая эффективность применения инноваций (как это имеет место в случае платформы Android).

Платформы можно рассматривать как следующий этап отказа предприятий от собственных активов (предшествующим этапом можно считать использование аутсорсинга [Котляров, 2015; Курбанов, Плотников, 2012]). В отличие от аутсорсинга, где заказы размещаются у одного партнера на долгосрочной основе у одного провайдера, платформа позволяет привлекать большое количество исполнителей на разовой основе. Благодаря платформам потребители соответствующего ресурса снижают свои издержки (оплачивается только реальное использование ресурса), а провайдеры могут увеличить эффективность его использования (за счет более высокой загрузки).

Экосистемы (или, иначе, метафирмы) представляют собой совокупность фирм, координирующих свою деятельность для производства конечного продукта (или набора продуктов). В ряде случаев экосистема функционирует как совокупность компаний, объединившихся вокруг центрального ядра [Котляров, 2017], и оказывающих потребителям услуги в партнерстве с ядром и отчасти в его интересах (в России так работает экосистема «Сбербанка»). Использование такой модели снижает издержки центрального ядра на организацию непрофильных для него сервисов (поскольку их предоставлением занимаются партнеры ядра), а потребители получают доступ к более широкому набору услуг.

Использование платформ меняет не только организацию хозяйственной деятельности, но и поведение потребителей. У них исчезает потребность в постоянном владении определенными товарами – например, автомобилями: им становится проще и удобнее получать временный доступ к этому благу только на тот период, когда они испытывают в нем потребность. Это избавляет потребителей от издержек (финансовых и временных), связанных с владением соответствующим благом [Котляров, 2016]. В свою очередь, эти блага из материальных товаров фактически становятся сервисами [Невская, Баронина, 2018], что соответствует тенденции роста роли услуг в экономике.

Новый технологический уклад: возможности и угрозы для России

Эти технологические и организационные изменения создают для экономики России как новые возможности, так и новые угрозы, которые проявляются на микро- и макроуровне (см. табл.). Эти возможности и риски тесно связаны друг с другом.

Таблица

Анализ возможностей и угроз, связанных с переходом к новому технологическому укладу, для национальной экономической безопасности России

	Возможности	Угрозы
Микроуровень	Возможность возникновения новых компаний-лидеров (в открывающихся нишах) на национальном и глобальном уровне	Вытеснение с рынка прежних компаний-лидеров из-за их более низкой эффективности по сравнению с фирмами, использующими новые технологии и бизнес-модели (а также из-за их несоответствия новым условиям ведения бизнеса). Захват российского рынка иностранными компаниями за счет их более высокого уровня технологического развития и больших ресурсов
Макроуровень	Возможность компенсации технологического отставания национальной экономики и завоевания нишевого технологического лидерства за счет ускоренного развития в отдельных отраслях	Ликвидация конкурентных преимуществ и источников рентабельных доходов страны из-за переключения иностранных контрагентов на новые технологии (т. е. исчезновение значительной части национального экономического потенциала). Консервация и углубление технологического отставания национальной экономики из-за неспособности освоить новые технологии. Усиление технологической зависимости от зарубежных стран (из-за отсутствия собственных технологий)

Более высокая эффективность новых технологий и новых моделей организации бизнеса создает для компаний-новичков, использующих эти технологии и бизнес-модели, возможность выхода на рынок, занятый компаниями-лидерами прежней волны. Конкурировать с этими лидерами, используя технологии прежней волны, практически невозможно, поскольку они в совершенстве освоены лидерами, а масштаб их деятельности обычно настолько велик, что новичок не может ни создать сопоста-

вимые по масштабу производственные мощности (чтобы добиться соответствующего эффекта экономии на масштабе производства) из-за недостаточности средств для инвестиций, ни – тем более – обеспечить себе сопоставимый объем продаж (поскольку рынок занят лидерами, и переманить к себе клиентов исключительно сложно).

Новые, подрывные, технологии, с одной стороны, ликвидируют конкурентное преимущество прежних лидеров, а с другой стороны – на ранних стадиях своего существования сравнительно низкозатратны и упрощают выход на рынок. Однако освоение новых технологий осуществляется новыми компаниями, а не технологическими лидерами прежней волны, которые понесли значительные затраты на формирование своих производственных мощностей в соответствии с ситуацией прежнего технологического уклада, и не готовы списать эти мощности в утиль, а свои инвестиции в них – в потери. Компании-новички, которые не связаны такими инвестициями, легко формируют инновационные производственные мощности и выходят на рынок, вытесняя с него прежних лидеров.

Таким образом, происходящие технологические изменения открывают для России окно возможностей. В случае надлежаще подобранных мер стимулирования наша страна теоретически может создать новых технологических лидеров и за счет ускоренного перехода к новому ТУ ликвидировать свое технологическое отставание (поскольку придется не устранять свое отставание в рамках прежнего уклада – фактически именно эта задача решалась в ходе сталинской модернизации, – а вместе с другими государствами начинать со старта в новом ТУ).

Кроме того, в ходе происходящей технологической революции будет иметь место пересборка глобальных производственных цепочек, как с географической точки зрения (в рамках нового ТУ распределение конкурентных преимуществ между государствами будет отличаться от существующих), так и с точки зрения состава участников (поскольку сменятся компании-лидеры мировой экономики). Это создает для России возможность занять в этих новых производственных цепочках достойное место [Дементьев, Новикова, Устюжанина, 2016], позволяющее присваивать большой объем добавленной стоимости.

Фактически это означает, что России необходимо переключиться на поддержку новых технологий и инновационных компаний, чтобы таким образом создать в нашей стране будущих лидеров ТУ, а также разработать дорожную карту перехода к новому технологическому укладу и обеспечить ее ресурсами (на первых порах – преимущественно государственными, поскольку инвестиционные риски, связанные с технологической трансформацией, очень велики). При этом чем скорее будет произведен такой переход, тем с меньшими затратами он будет связан [Глазьев, 2013], и тем выше вероятность того, что положительный потенциал технологической трансформации будет полностью реализован в целях обеспечения лидерства российской экономики.

Но создание таких лидеров, как и ликвидация технологического отставания, пока являются только возможностью, для реализации которой как руководству нашей страны, так и инвестиционному сообществу нужно специально прилагать усилия, тогда как угрозы, перед лицом которых находится российская экономика, уже существует, и наступление связанных с ними негативных эффектов представляется гораздо более вероятным, чем использование благоприятных возможностей технологической трансформации. Реализации благоприятных возможностей перехода к новому ТУ препятствуют следующие факторы:

1. Зависимость России от иностранных поставок высокотехнологичных ресурсов, что препятствует ведению инновационных разработок. Причем это касается не только микроэлементной базы, но и исходного сырья (например, лития для аккумуляторов). В ситуации санкций (когда возможность закупки отдельных видов ресурсов отсутствует) и волатильности валютного курса проведение инновационных разработок становится сложным и затратным процессом;

2. Недостаточно благоприятный инвестиционный климат, препятствующий привлечению средств венчурными производственными проектами. Как следствие, авторы перспективных разработок активно вытесняются за рубеж, в результате чего эти разработки реализуются и коммерциализируются в других странах и поступают в Россию уже в виде иностранных продуктов;

3. Малое количество качественных рабочих мест с высокой оплатой труда, которые порождали бы потребность в систематической автоматизации и роботизации. Высокая доля в России неквалифицированных рабочих мест и сравнительно низкая оплата труда минимизируют стимулы компаний к внедрению инновационных капиталоемких и трудозамещающих технологий;

4. Важная проблема заключается в том, что ни отечественный бизнес, ни государственные заказчики не испытывают доверия к инновационным разработкам российских предприятий, и предпочитают покупать продукты-аналоги у иностранных производителей. Это связано с тем, что заказчики не хотят брать на себя риски, связанные с сотрудничеством с малоизвестными поставщиками, и желают приобретать продукцию, уже имеющую позитивный имидж на соответствующем рынке. В частности, как показала практика, даже после решения о том, что в производстве продукции в интересах госзаказа должно использоваться отечественное оборудование, российские производители стремятся любым путем получить разрешение на приобретение иностранного станка вместо российского аналога, поскольку доверие к зарубежной продукции выше [Ульянов, 2018]. Однако в результате формируется замкнутый круг: отсутствие репутации мешает получать заказы, а при отсутствии заказов и опыта реального использования продукта невозможно сформировать репутацию;

5. Недооценка рисков перехода к новому ТУ, из-за чего как у государства, так и у лидеров российского рынка отсутствуют планы адаптации к новым технологическим и организационным условиям [Сечин, 2019]. В частности, отсутствуют программы разработки отечественных электромобилей, не создается необходимая для них инфраструктура, слабо поддерживаются проекты в области технологий хранения электроэнергии, наконец, пока не осуществляются инвестиции в разработку и производство природных ресурсов, необходимых в рамках нового ТУ (в частности, лития и водорода);

6. Действительная реализация мероприятий, связанных с переходом к новому ТУ, с одной стороны, требует готовности брать на себя ответственность за соответствующие решения, а с другой стороны, может повлечь за собой значимые перестановки в составе российской элиты (из-за смены стратегических направлений развития экономики и нового распределения ресурсов). К сожалению, по очевидным причинам российская элита к таким шагам не готова, а в силу высокой концентрации собственности в нашей стране и большой роли государственного сектора экономики проведение соответствующих мероприятий новым игроками, не связанными с элитными группами, невозможно в силу нехватки ресурсов.

Необходимо формирование комплекса мероприятий, которые позволили бы устранить эти проблемы. К числу таких мероприятий можно отнести налоговые льготы для стратегических проектов (в т.ч. для проектов освоения природных ресурсов – лития, редкоземельных металлов, водорода и т.д.), субсидирование инновационных разработок в прорывных отраслях, преференции при закупках отечественной инновационной продукции, причем не только в рамках закупок для государственных и муниципальных нужд, но и для закупок компаний с государственным участием (это значительно расширило бы потенциальный рынок сбыта для российских производителей), а также программы поддержки экспорта отечественных инновационных товаров. Также необходимо оказывать содействие в переходе российских компаний на инновационные производственные и организационные технологии. В частности, проводимое перевооружение российской промышленности должно происходить на основе новых цифровых и аддитивных технологий, а не просто путем закупки станков. Необходимо финансировать часть инвестиций, связанных с таким техническим перевооружением.

Важную роль в реализации перехода к новому ТУ могут сыграть Национальная технологическая инициатива (НТИ) и технологические платформы [Филин, 2019]. Однако пока состав предложенных направлений развития в рамках НТИ и одобренных технологических платформ вызывает вопросы. В частности, налицо избыточное внимание к цифровизации экономики, тогда как другие аспекты перехода к новому ТУ в этих платформах не учитываются. Большое значение придается сервисной составляющей (например, такие направления, как HealthNet), но при этом во многом за рамками рассмотрения остается производство. При таком подходе есть риск построения высокотехнологичной экономики услуг, опирающейся на иностранные производственные и технологические ресурсы. Как следствие, в этом случае сырьевой характер экономики преодолен не будет, а затраченные бюджетные средства не создадут мультипликативного эффекта.

Естественным следствием перехода к новому ТУ является вытеснение с рынка (или значительное ослабление) компаний, которые не смогут адаптироваться к новым технологическим и организационным условиям. Среди этих компаний есть предприятия, на которых основывается национальная экономическая безопасность России в настоящее время (нефтегазовая отрасль). Необходимо, чтобы эти компании либо адаптировались к условиям нового ТУ, либо замещались инновационными российскими компаниями-лидерами новой технологической волны. В противном случае они будут устране-

ны с рынка иностранными фирмами, что причинит нашей национальной экономической безопасности значительный ущерб.

Заключение

Проделанный выше анализ позволяет утверждать следующее:

- происходящая технологическая трансформация представляет собой переход к новому технологическому укладу и не сводится к одной цифровизации экономики. Важными составляющими этого уклада являются использование аддитивных технологий, трансформация энергетики (переход к инновационным энергоносителям и внедрение зеленой энергетики), распространение новых моделей организации бизнеса и потребления продукции;
- переход к новому ТУ создает для национальной экономической безопасности нашей страны как важные возможности, так и высокие риски. В случае реализации благоприятного сценария Россия сможет ликвидировать свое технологическое отставание и оптимизировать свое положение в глобальных цепочках создания стоимости. Однако если будет реализован неблагоприятный вариант, то наша страна не только усилит свое технологическое отставание от ведущих мировых государств (в т. ч. и от наших геополитических соперников) и попадет в еще большую зависимость от поставок высокотехнологичных ресурсов, но и утратит свои существующие конкурентные преимущества и источники рентных платежей. Это значительно ослабит экономический потенциал нашей страны, подорвет (возможно, критически) национальную экономическую безопасность и оборонную мощь России;
- существующая институциональная среда в России делает более вероятным реализацию негативного сценария. Для устранения этого риска необходима разработка подкрепленной финансовыми ресурсами дорожной карты перехода к новому технологическому укладу. При этом необходимо отчетливое понимание того, что новый ТУ не сводится к цифровизации, а представляет собой комплексное явление, охватывающее широкий спектр информационных, промышленных и организационных технологий, и этот комплексный характер должен быть отражен в рекомендуемой дорожной карте;
- снизить отраслевые риски, связанные с переходом к новому ТУ, можно при помощи развития вертикальных производственных цепочек на основе нефтегазового сырья, инновационной реиндустриализации национальной экономики на основе «умной» автоматизации и аддитивных производств, развития производства и добычи новых энергетических ресурсов (прежде всего, лития и водорода) и кооперации с иностранными государствами в области технологий промышленного ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н.* Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10. № 3. С. 9-25.
2. *Бекмурзаев И.Д., Курбанов А.Х., Курбанов Т.Х.* Направления и этапы построения логистических систем на основе использования цифровых технологий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 4. С. 5-9.
3. *Бодрунов С.Д.* Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // Управленец. 2019. Т. 10. № 5. С. 2-8.
4. *Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А.* Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 43-54.
5. *Глазьев С.Ю.* Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). 2010. № 2. С. 4-10.
6. *Глазьев С.Ю.* О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // Вестник РАЕН. 2013. Т. 13. № 1. С. 29-35.
7. *Дементьев В.Е., Новикова Е.С., Устюжанина Е.В.* Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 1. С. 17-30.
8. *Дородных Е.Е., Курбанов А.Х.* Трансформация управления производством на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в условиях цифровизации экономики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 6. С. 57-61.

9. *Клейнер Г.Б.* Экономика экосистем: шаг в будущее // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 1. С. 40-45.
10. *Князьнеделин Р.А., Бекмурзаев И.Д., Тутов В.А.* Повышение эффективности системы государственных закупок на основе цифровых платформ // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2019. № 2. С. 53-61.
11. *Котляров И.Д.* Нетипичные формы организации хозяйственной деятельности // *Экономическая наука современной России*. 2017. № 1. С. 22-40.
12. *Котляров И.Д.* Аутсорсинг как форма межфирменной кооперации: теоретический анализ // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2015. № 5. С. 19-31.
13. *Котляров И.Д.* Организация автотранспортного обслуживания на основе коммерческого каршеринга // *Мир транспорта*. 2016. Т. 14. № 6. С. 78-85.
14. *Котляров И.Д.* Финтех: сущность и модели реализации // *ЭКО*. 2018. № 12. С. 23-39.
15. *Круглова И.А.* Развитие энергетической инфраструктуры в аспекте стандартов «зеленой экономики» и обеспечения экономической безопасности // *Ученые записки Международного банковского института*. 2018. № 2. С. 7-15.
16. *Куликов С.* Первый хочет стать главным // *Эксперт*. 2019. № 48. С. 46-51.
17. *Курбанов А.Х., Плотников В.А.* Аутсорсинг: история, методология, практика. М.: Инфра-М. 2012. 112 с.
18. *Крылатков П.П., Калинина Н.Е.* Эволюция цифрового пространства современного машиностроительного предприятия // *Организатор производства*. 2018. Т. 26. № 3. С. 7-18.
19. *Маркова В.Д.* Влияние цифровой экономики на бизнес // *ЭКО*. 2018. № 12. С. 7-22.
20. *Мастепанов А.М.* Нефть в перспективном мировом энергетическом балансе: на перепутье мнений и оценок // *Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом*. 2019. № 4. С. 5-8.
21. *Невская А.А., Баронина Ю.А.* Автомобиль как услуга в России: эволюция рынка и подходов иностранных инвесторов // *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2018. № 3. С. 166-176.
22. *Орехова С.В., Заруцкая В.С.* Интеграция бизнеса: эволюция подходов и новая методология // *Журнал экономической теории*. 2019. Т. 16. № 3. С. 554-574.
23. *Плотников В.А.* Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2018. № 4. С. 16-24.
24. *Сазонов Д.Ю., Уланов В.Л.* Возобновляемые источники энергии как фактор риска развития российских энергетических компаний // *Известия Российской академии наук. Энергетика*. 2018. № 4. С. 3-13.
25. *Сечин И.И.* Цена нестабильности // *Эксперт*. 2019. № 45-46. С. 26-31.
26. *Сморodinская Н.В., Катюков Д.Д.* Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // *Экономическая политика*. 2017. Т. 12. № 6. С. 72-101.
27. *Ульянов Н.* Технологии на вырост: развитие аддитивных технологий в России // *Эксперт*. 2017. № 24. С. 30-36.
28. *Ульянов Н.* Взять свое // *Эксперт*. 2018. № 6. С. 26-31.
29. *Устюжанина Е.В., Сигарев А.В., Шеин Р.А.* Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. № 12. С. 2238-2253.
30. *Филин С.А.* Стратегические технологические платформы как основа технологической безопасности России в будущем // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2019. Т. 15. № 1. С. 18-34.
31. *Хазбиев А.* Интеллект в ударе // *Эксперт*. 2019. № 14. С. 76-81.
32. *Цветкова Л.А.* Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // *Экономика науки*. 2017. Т. 3. № 2. С. 126-124.
33. *Эпштейн Д.Б.* О влиянии цифровой экономики на экономический рост // *Вопросы политической экономии*. 2018. № 4. С. 78-90.
34. *Bogers M., Hadar R., Bilberg A.* Additive manufacturing for consumer-centric business models: Implications for supply chains in consumer goods manufacturing // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. V. 102. P. 225-239.
35. *Gawer A., Cusumano M.A.* Industry Platforms and Ecosystem Innovation // *Journal of Product Innovation Management*. 2014. V. 31 (3). P. 417-433.
36. *Parker G.G., van Alstyne M.W., Choudary S.P.* Platform revolution. How networked markets are transforming the economy and how to make them work for you. New York: W.W. Norton & Company, Inc., 2016. 336 p.
37. *Zuehlke D.* Smart factory. Towards a factory-of-things // *Annual Reviews in Control*. 2010. V. 34 (1). P. 129-138.

ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЕ «ЗЕЛЕНЫМ» РОСТОМ

Аннотация. В данной статье рассмотрены тенденции развития зеленого финансового рынка как одного из инструментов, способствующих сбалансированному развитию зеленых инвестиций в рамках концепции устойчивого развития. На основании этого выделены проблемы, влияющие на текущую ситуацию в стране и мире в рамках решения задач устойчивого развития. Также охарактеризованы пути дальнейшего развития российского и мирового рынка зеленого финансирования.

Ключевые слова. Устойчивость развития, зеленые инвестиции, инвестиционно-финансовая система, факторы ESG.

Borkova E.A.

SUSTAINABILITY POLICY AND GREEN GROWTH MANAGEMENT

Abstract. This article discusses the development trends of the green financial market as one of the instruments contributing to the balanced development of green investments within the framework of the concept of sustainable development. Based on this, problems are identified that affect the current situation in the country and the world in the framework of solving the problems of sustainable development. The ways of further development of the Russian and world green finance market are also described.

Keywords. Sustainability, green investments, investment financial system, ESG factors.

Введение

Концепция устойчивого развития (sustainable development) традиционно рассматривается как соединение воедино социальной, политической и экономической сфер деятельности человека. Развитие инновационных финансовых инструментов может способствовать улучшению процессов устойчивого развития и при поддержке государства может быть организовано сбалансированное развитие рынка зеленых инвестиций. Мир постепенно учится жить в рамках концепции и правил устойчивого развития.

В 2015 году, а именно 25 сентября 193 страны приняли «Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года», которая определила 17 глобальных Целей устойчивого развития (ЦУР). Новые ЦУР носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития [6, 7, 10, 11, 22]. ЦУР носят комплексный характер и актуальны для всех стран, но каждая страна составляет из них список приоритетных целей, необходимость в решении которых существует в первую очередь.

Глобальная инвестиционно-финансовая система тоже глубоко вовлечена в процесс устойчивого развития. Она всё в большей мере учитывает факторы ESG (environmental, social and governance), учитывающие три ключевых составляющих устойчивого развития (экологическая, социальная и корпоративная управленческая ответственность), которые легли в основу такого понятия, как «ответствен-

ГРНТИ 06.03.07

© Боркова Е.А., 2020

Елена Аркадьевна Боркова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: e.borkova@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 03.01.2020.

ные/зеленые инвестиции» [3, 13]. «Зеленые» инвестиции – это вложения в экологически чистые и ресурсосберегающие технологии.

Такие вложения подразумевают инвестиции в различные программы и проекты, обычно целью которых является развитие «зеленой» экономики. Вместе с тем, существующие как национальные, так и международные системы агрегирования статистических показателей, имеющие открытый доступ, представляют информацию в иной классификации и в части инвестирования всех отраслей экономики (не только «зеленых») в проекты, реализуемые в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов [14].

С развитием глобализации и ростом влияния транснациональных корпораций и их доли в глобальной экономике, основной фокус концепции устойчивого развития и зеленых инвестиций стал смещаться от национального уровня к корпоративному. Многие финансовые рынки в настоящее время по всему миру проявляют большой интерес к вопросам устойчивого развития. При поддержке государства рынки ценных бумаг могут сыграть огромную роль в достижении ЦУР (см. рис. 1) [20].

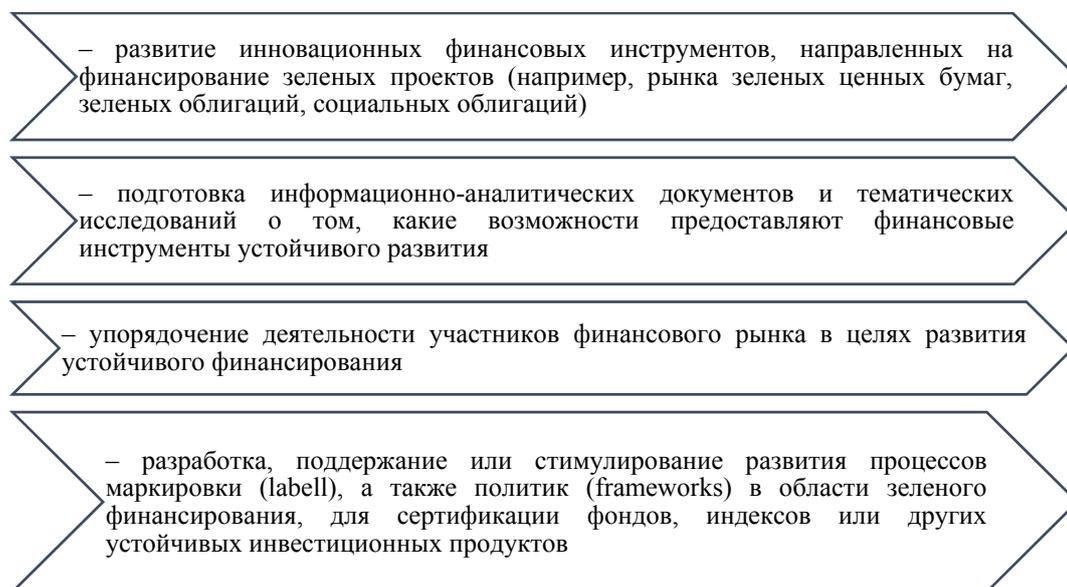

Рис. 1. Меры по укреплению и поддержке ЦУР в содействие зеленым инвестициям

Особенности страновых моделей «зеленого» финансирования

Система «зеленого» финансирования включает в себя широкий спектр финансовых организаций и классов активов и предусматривает как государственное, так и частное финансирование [2, 5, 21].

Некоторыми странами сделаны значительные шаги в этом направлении. Например, Народный банк Китая (People's Bank of China, PBoC) вместе с шестью другими правительственными учреждениями, включая Комиссию по регулированию Ценных бумаг Китая (China Securities Regulatory Commission, CSRC), в 2016 г. выпустил руководство по созданию зеленой финансовой системы (Guidelines for Establishing the Green Financial System), которое является частью усилий правительства Китая по созданию зеленой финансовой системы и улучшению функционирования рынка капитала в распределении ресурсов и обслуживанию реальной экономики.

В этом руководстве описаны рекомендации, направленные на усовершенствование правил и положений в отношении зеленых облигаций, также рекомендации по разработке стандартов для проверки зеленых облигаций и рейтингов зеленых кредитов. Руководство нацелено поддержать разработку индексов зеленых облигаций, индексов зеленых акций и сопутствующих финансовых продуктов [17]. По оценкам Народного банка Китая, 85-90% инвестиций, необходимых для достижения цели «экологической цивилизации», должны исходить от частного капитала. Таким образом, можно констатировать что экологическая политика Китая в своем развитии перешла от слов по поводу необходимости препятствовать загрязнению окружающей среды к действиям и экологическим требованиям.

В Бразилии в 2017 году при инициативе регионального банка развития (Inter-American Development Bank) была создана Лаборатория финансовых инноваций, которая создала рабочие группы по зеленым финансам, зеленым облигациям, финтех и рабочую группу по финансовым инструментам для социального воздействия. Лаборатория существует при поддержке Бразильской комиссии по ценным бумагам и биржам (Brazilian Securities and Exchange Commission, CVM) и Бразильской ассоциации развития (Brazilian Development Association) и работает в направлении создания и разработки финансовых инструментов, ориентированных на устойчивое развитие.

В 2018 году Европейская комиссия опубликовала предложения о разработке нормативного акта, устанавливающего рамки и единые критерии для определения того, какая экономическая деятельность является экологически и социально устойчивой. Европейская комиссия учредила Техническую экспертную группу по устойчивому финансированию (Technical Expert Group on Sustainable Finance) для оказания помощи в разработке таксономии, в создании стандарта зеленых облигаций ЕС, в улучшении раскрытия информации, связанной с климатом, в разработке низкоуглеводных индексов [12].

Также в 2018 году Управление по рынку капитала Марокко (Moroccan Capital Market Authority) при поддержке Международной финансовой корпорации (IFC) выпустило Принципы по экологическим, социальным и устойчивым облигациям (Guidelines on green, social and sustainable bonds) [19]. В этом документе представлен обзор принципов, которым должны соответствовать эмитенты зеленых облигаций, а также производится порядок проведения сертификации зеленых облигаций.

И таких примеров, касающихся перехода к зеленым инвестициям, можно привести довольно много (Нидерланды, Кения, Малайзия и др.). В таблице представлены регулирующие органы финансового рынка, осуществляющие деятельность в поддержку ЦУР, функционирующие в различных странах мира.

Таблица

Регулирующие органы на финансовом рынке

Страна	Регулирующий орган
Австралия	Австралийское агентство по пруденциальному регулированию (Australian Prudential Regulation Authority)
Бразилия	Комиссия Бразилии по ценным бумагам и биржам (Brazilian Securities and Exchange Commission)
Канада	Комиссия по ценным бумагам провинции Альберты (Alberta Securities Commission). Канадские администраторы ценных бумаг (Canadian Securities Administrators)
Чили	Управление по ценным бумагам и страхованию Чили (Chilean Superintendency of Securities and Insurance)
Китай	Комиссия по регулированию ценных бумаг Китая (China Securities Regulatory Commission)
Гонконг	Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам Гонконга (Hong Kong Securities and Futures Commission)
Индия	Совет по ценным бумагам и биржам Индии (Securities and Exchange Board of India)
Индонезия	Управление финансовых услуг Индонезии (Financial Services Authority Indonesia)
Япония	Японское агентство финансовых услуг (Japanese Financial Services Agency)
Кения	Управление рынков капитала (Capital Markets Authority)
Малайзия	Комиссия по ценным бумагам Малайзии (Securities Commission Malaysia)
Марокко	Управление марокканского рынка капитала (Moroccan Capital Market Authority)
Нидерланды	Голландское управление по финансовым рынкам (Dutch Authority for the Financial Markets)
Новая Зеландия	Управление финансового рынка Новой Зеландии (New Zealand Financial Market Authority)
Перу	Управление рынками ценных бумаг Перу (Peruvian Superintendency of Securities Markets)
ЮАР	Управление по финансовому рынку Южной Африки (South African Financial Sector Conduct Authority)
Турция	Совет по рынкам капитала Турции (Turkish Capital Markets Board)
Великобритания	Управление по контролю за финансовой деятельностью (Financial Conduct Authority)

Источник: Sustainable Stock Exchanges Initiative.

В глобальном контексте процесс экологизации рассматривается как ключевой элемент стратегии устойчивого развития. Вовлечение в этот процесс все большего числа стран приводит к формированию глобальных договоренностей, которые не только требуют от каждой страны-участницы договора официальной декларации политики перехода к «зеленой» экономике, но и практического подтверждения этих намерений реальными действиями в области экологизации промышленного производства, пользования природными ресурсами, транспортной и иной инфраструктуры, «озеленения» национальной финансовой системы. И многие страны делают значительные шаги в этом направлении.

Так, например, 6 февраля 2019 года филиппинская энергетическая компания AC Energy стала эмитентом климатических облигаций в объеме \$410 млн. Средства от выпуска облигаций будут направлены на финансирование проектов компании в области возобновляемой энергетики стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Вьетнама, Филиппин и Индонезии. Данный выпуск облигаций стал первым выпуском сертифицированных климатических облигаций, номинированным в долларах, который был размещен на Сингапурской фондовой бирже (Singapore Stock Exchange).

19 февраля 2019 года второй по величине банк Испании Banco Bilbao Vizcaya Argentaria осуществил первый выпуск структурных зеленых облигаций (structured green bonds) на собственной блокчейн-платформе. В ходе частного размещения страховая компания Mapfre инвестировала €35 млн в долговые обязательства сроком на шесть лет. Структурные облигации отличаются от традиционных облигаций привязкой купона к различным активам, например, курсам валют, стоимости акций, значениям индексов. Купон выпущенных облигаций банка Banco Bilbao Vizcaya Argentaria привязан к ставке пятилетнего свопа в евро (euro swap rate).

Общее количество членов Ассоциации ответственного инвестирования PRI – Principles for Responsible Investment – увеличилось в течение 2018 года на 21% и достигло 2 232 членов. Среди новых членов Ассоциации ответственного инвестирования PRI, в частности, корпоративные пенсионные фонды швейцарской фармацевтической компании Novartis и британской энергетической компании National Grid, государственный пенсионный фонд Таиланда (The Government Pension Fund of Thailand), государственный пенсионный фонд штата Гавайи (Hawaii Employees' Retirement System) и др. Наибольшее число новых членов, вступивших в Ассоциацию ответственного инвестирования PRI, представляют США, Канаду, Великобританию и Ирландию.

Ассоциация ответственного инвестирования PRI планирует ввести с 2020 года обязательное раскрытие информации о принятых мерах в области управления рисками изменения климата для своих членов. В течение 2019 года раскрытие данной информации будет осуществляться на добровольной основе. Наиболее крупные и экономически развитые страны («Группа двадцати») рассматривают развитие «зеленой» экономики как одно из основных направлений решения проблемы глобального изменения климата. В свою очередь, «зеленый» рост обеспечивается за счет развития и повышения эффективности «зеленого» финансирования, предполагающего взаимодействие государственных и рыночных институтов и механизмов [14].

Российский опыт регулирования и климатическая проблема

21 сентября 2019 года было подписано постановление Правительства РФ о принятии Парижского соглашения по климату. Основная цель данного соглашения – предотвратить изменение климата и удержать прирост глобальной средней температуры к концу XXI века в пределах «намного ниже» 2°C сверх доиндустриальных показателей (участники соглашения намерены приложить усилия к ограничению роста температуры уровнем 1,5°C). По мнению ученых-климатологов, главным антропогенным фактором глобального потепления является углекислый газ, поступающий в атмосферу в основном с выбросами промышленных предприятий. В связи с этим, именно снижение уровня выбросов CO₂ стало целевым показателем для реализации Парижского соглашения.

Предшествовавший этому документу Киотский протокол (1997 года) обязывал страны-участницы сократить выбросы парниковых газов относительно уровня 1990 года на 5,2% [18]. Парижское соглашение не устанавливает общемировые нормативы снижения выбросов, а каждая страна-участница определяет целевые показатели самостоятельно (предполагается, что участники соглашения будут пересматривать их каждые пять лет). Для стран, не достигающих заявленных показателей, меры наказания не предусмотрены, но учет таких стран ведется в целях оказания им возможной помощи.

Для выполнения обязательств, предусмотренных соглашением, Россия установила цель снизить выбросы парниковых газов «до уровня 70-75% выбросов 1990 года к 2030 году при условии максимально возможного учета поглощающей способности российских лесов» [15]. Существует мнение, что подобное ограничение может иметь значимые негативные последствия для экономики РФ. Эти опасения связаны с тем, что ряд исследователей [1] отмечает низкую оценку поглощающей способности российских лесов, приведенную в углеродном балансе страны.

Помимо этого, РСПП выражает опасения, что введение «углеродного налога» может нанести ущерб российской промышленности [16]. По мнению АКРА, оценку потенциальных рисков замедления экономического роста в связи с принятием Парижского соглашения нужно проводить с учетом корректной оценки поглощающей способности российских лесов.

По оценке Росгидромета, в 2017 году выбросы парниковых газов в CO_2 -эквиваленте оказались на уровне 2,2 млрд т, что с учетом поглощения углерода лесами страны (580 млн т) эквивалентно 1,6 млрд т. Если сравнивать это с объемом выбросов парниковых газов в 1990 году (по разным оценкам – от 2,3 до 3,1 млрд т), то даже по самым консервативным подсчетам сейчас выбросы CO_2 составляют 69% от уровня 1990 года, что укладывается в указанный выше целевой диапазон 70-75%.

Надо сказать, что 2018 год стал годом, в котором выбросы углерода за последние семь лет стали самыми большими в мире и выросли на 2,0% по сравнению с предыдущим годом (см. рис. 2), эксперты на прямую связывают такой рост с увеличением спроса на энергию [4].

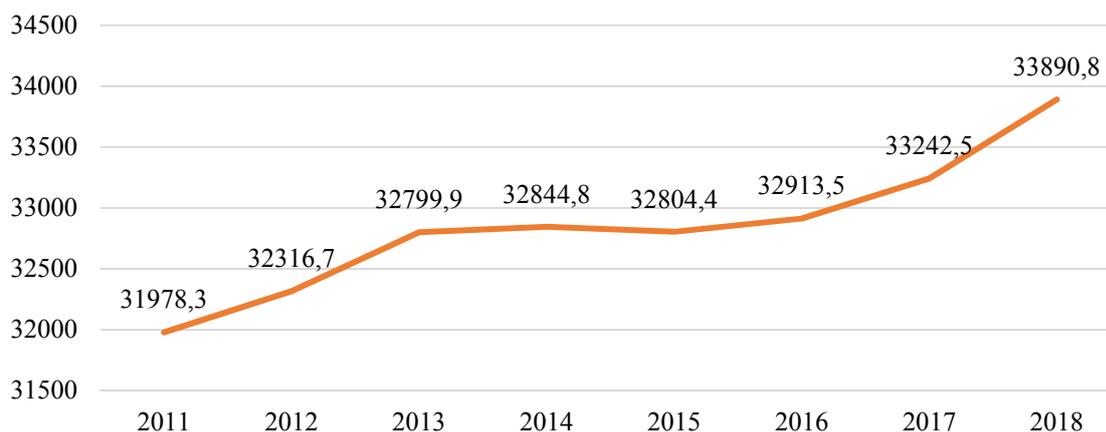

Рис. 2. Выбросы CO_2 в мире, млн тонн

На саммите ООН по климатическим изменениям, в рамках 73-й Генассамблеи этой международной организации, 77 стран обязались к 2050 году полностью остановить выбросы парниковых газов в атмосферу, еще 70 государств пообещали расширить свои национальные планы по данному вопросу уже к 2020 году. К примеру, Франция заявила, что не будет вести торговлю со странами, которые не соблюдают Парижское соглашение по климату, Германия будет добиваться «углеродного нейтралитета» к 2050 году,

Кроме того, 12 стран обещали внести средства в «Зеленый климатический фонд». Великобритания до 2025 года выделит дополнительно £11,6 млрд на борьбу с климатическими изменениями. Индия к 2022 году планирует увеличить производство энергии из возобновляемых источников до 175 ГВт, а позже – и до 450 ГВт. Китай сократит ежегодные выбросы парниковых газов на 12 млрд тонн [8]. Пакистан обязался в ближайшие пять лет высадить 10 млрд деревьев. И т.д.

Заключение

С каждым годом глобальный рынок все больше включается в процесс устойчивого развития и ответственного инвестирования, учитывающего факторы экологии, социального благополучия и гуманного корпоративного управления. Россия находится в самом начале пути следования этому мировому тренду. «Зеленые» инвестиции имеют огромный потенциал для устойчивого развития, но для его ис-

пользование нужен механизм финансирования подобных инвестиций. Для построения такого механизма в России необходимо принять соответствующее политическое решение [9].

Важным аргументом сегодня для инвесторов становится то, насколько компания заинтересована в привлечении инвестиций и придерживается принципов ESG. Оценить это позволяют публичные данные, которые отражаются в специальной нефинансовой отчетности. Существует целый ряд международных инициатив и организаций в области ответственных финансов, среди которых Глобальный договор ООН, Глобальная инициатива по отчетности (GRI), Инициатива по климатическим облигациям (СВІ) и пр. Эти структуры – каждая в силу своих компетенций – собирают отчетность ESG, ведут статистику, создают стандарты и системы верификации «зеленых» и социальных проектов. Нам представляется, что этот опыт необходимо активнее внедрять и в РФ, для чего необходима корректировка инструментов соответствующей государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор методик учета выбросов и поглощения лесами парниковых газов из атмосферы / А.Н. Филиппук, Н.В. Малышева, Б.Н. Моисеев, В.В. Страхов // Лесохоз. информ.: электрон. сетевой журн. 2016. № 3. С. 36-85.
2. Барсукова М.А., Боркова Е.А., Ватлина Л.В. Управление экономической устойчивостью в условиях инновационного развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 54-57.
3. Боркова Е.А., Тимченко М.Н., Маркова А.А. Инвестиции в зеленые технологии как инструмент экономического роста России // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 87-91.
4. Выбросы CO₂ BP. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/co2-emissions.html> (дата обращения 28.10.2019).
5. «Зеленое финансирование» в России: создание возможностей для «зеленых» инвестиций аналитическая записка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://documents.shihang.org/curated/zh/699051540925687477/pdf/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (дата обращения 10.11.2019).
6. Зеленые финансы: повестка дня для России. Диагностическая записка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/content/document/file/51270/diagnostic_note.pdf (дата обращения 10.12.2019).
7. Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. Б.Н. Порфирьева. СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. 327 с.
8. К 2050 году 77 стран обязались прекратить выброс парниковых газов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7731525/KS-DK-16-001-EN-N.pdf/cc2b4de7-146c-4254-9521-dcbd6ebfafa6> (дата обращения 17.12.2019).
9. Кабир С.К. «Зеленые» инвестиции и устойчивое развитие: поиск баланса? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.academia.edu/39305827/> (дата обращения 17.01.2019).
10. Казанцева А.Н. Вопросы разработки и реализации государственной политики в сфере производства и обращения экологически чистой продукции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 16-20.
11. Конкурентоспособность и прорывное позиционирование в посткризисный период / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2011. 298 с.
12. Ковалев Ю.Ю. Концепция устойчивого развития и ее реализация в ЕС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28100/1/iuro-2014-134-08.pdf> (дата обращения 17.10.2019).
13. Ответственные инвестиции / РБК + Тематическое приложение к ежедневной деловой газете РБК. Четверг, 6 июня 2019. № 80 (3035).
14. Отчет о научно-исследовательской работе. Практический опыт поддержки «зеленого» финансирования (на примере стран «Группы двадцати») (заключительный). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/06/main/2017_practical_20.pdf (дата обращения 13.12.2019).
15. Официальный документ о национально определяемом вкладе выбросов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www4.unfccc.int> (дата обращения 17.05.2019).
16. СМИ сообщили об отказе правительства вводить предложенный Чубайсом налог. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/936877/2019-10-28/smi-soobshchili-ob-otkaze-pravitelstva-vvodit-predlozhennyi-chubaisom-nalog> (дата обращения 28.10.2019).
17. Устойчивое развитие и зеленые инвестиции. № 2, февраль. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://investinfra.ru/frontend/images/PDF/NAKDI_green_Feb-2019.pdf (дата обращения 10.03.2019).
18. Energy, transport and environment indicators 2016 edition. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7731525/KS-DK-16-001-EN-N.pdf/cc2b4de7-146c-4254-9521-dcbd6ebfafa6> (дата обращения 01.01.2020).

19. Guidelines on green, social and sustainable bonds. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magrachevpledge.com/wp-content/uploads/2017/11/AMMC-BROCHURE-VGB.pdf> (дата обращения 06.01.2019).
20. How securities regulators can support the Sustainable Development Goals. A sharing of experiences. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sseinitiative.org/wp-content/uploads/2018/10/SSE-Regulator-Report-compressed.pdf> (дата обращения 13.12.2019).
21. *Vertakova Y., Plotnikov V.* Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // *Economic Annals XXI*. 2017. Vol. 166 (78). P. 4-10.
22. *Vertakova Y.V., Plotnikov V.A.* The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2019. Vol. 9 (4). P. 194-201.

Жуковская И.Е., Ишназаров А.И., Жуковский А.Д.

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЛИЯНИЯ ПЕРЕДОВЫХ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УЗБЕКИСТАНА
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

***Аннотация.** В статье на основе анализа научной литературы, эконометрического моделирования, статистических данных рассмотрены современные тенденции инновационного влияния информационно-коммуникационных технологий на экономическое развитие Узбекистана. Авторами показано, что в условиях формирования цифровой экономики передовые информационно-коммуникационные технологии являются важным фактором развития отраслей и сфер национальной экономики.*

***Ключевые слова.** Инновации, информационно-коммуникационные технологии, эффективность, технологические решения, цифровая экономика.*

Zhukovskaya I.E., Ishnazarov A.I., Zhukovsky A.D.

**INNOVATIVE TENDENCIES OF INFLUENCE OF ADVANCED
INFORMATION-COMMUNICATION TECHNOLOGIES
ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF UZBEKISTAN
IN THE DIGITAL ECONOMY FORMATION CONDITIONS**

***Abstract.** Based on the analysis of scientific literature, econometric modeling, and statistical data, this article discusses current trends in the innovative impact of information and communication technologies on the economic development of Uzbekistan. The authors showed that in the context of the digital economy, advanced information and communication technologies are an important factor in the sectors and spheres of the national economy.*

***Keywords.** Innovation, information and communication technologies, efficiency, technological solutions, digital economy.*

Введение

В условиях становления цифровой экономики особое значение приобретает инновационная деятельность экономических субъектов. В Республике Узбекистан развитие инновационной составляющей

ГРНТИ 06.52.00

© Жуковская И.Е., Ишназаров А.И., Жуковский А.Д., 2020

Ирина Евгеньевна Жуковская – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой информационных технологий в экономике Ташкентского государственного экономического университета.

Акрам Исмоилович Ишназаров – старший преподаватель кафедры эконометрики Ташкентского государственного экономического университета.

Андрей Дмитриевич Жуковский – помощник ректора по международным вопросам и инновациям Института законовещения и управления Всероссийской полицейской академии (г. Тула).

Контактные данные для связи с авторами: 100066, Узбекистан, г. Ташкент, пр. Ислама Каримова, 49 (Uzbekistan, Tashkent, Islam Karimov av., 49). Тел.: +998 (93) 510-91-65. E-mail: irishka.165@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 05.12.2019.

в экономическом развитии страны является одним из основных приоритетов. Год от года все эффективнее в Узбекистане развивается цифровая экономика, давая новый импульс различным отраслям и сферам национальной экономики. Совершенствуется правовая база, развиваются все новые и новые технологии, например «блокчейн», big data, выполняются проекты, связанные с проблемой «искусственного интеллекта», получают распространение различные технологические платформы. Однако, наряду с выполненными разработками, ещё остается целый класс задач, которые можно решить только благодаря внедрению инновационных и информационно-коммуникационных технологий в деятельность предприятий и организаций отраслей и сфер национальной экономики.

Целью исследования является выявление инновационных тенденций влияния передовых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономическое развитие Узбекистана в условиях формирования цифровой экономики. В этой связи необходимо решение следующих задач: проведение многофакторного регрессионного анализа по инновационным составляющим в развитии национальной экономики на основе эффективного применения ИКТ; анализ параметров расчётной модели; проверка на надежность параметров многофакторной регрессионной модели; выявление инноваций, которые оказывают наибольшее положительное влияние на развитие национальной экономики.

Анализ литературы по теме

Об актуальности данного научного направления свидетельствуют многочисленные публикации зарубежных и отечественных ученых. Так, К. Фримен [11], Р. Нельсон [13] в своих исследованиях провели анализ влияния научно-технического прогресса на экономический рост страны. Академик А. Аганбегян [1] в своих многочисленных работах показал, что только передовые технологические решения, инновационные технологии способны создать как технические, так и экономические преимущества для эффективного функционирования объектов на рынке.

В работах Андриюшкевич О.А. и Денисовой И.М. [2], Горбашко Е.А. [6] определены основные элементы инновационной составляющей развития общества и их характеристики, а в работе ученых Ю. Сан и Ф. Лю [14] тщательно изучены процессы создания новых технологий и их влияние на различные сферы жизни людей и общества. Систематизации решений при работе с открытыми инновационными системами посвящены труды А. Шинкевич и С. Кудрявцевой [10]. Многие ученые сходятся во мнении, что в современный период развития цифровой экономики можно выделить 4 основные модели инновационной системы [2]. В частности, ученые выделяют: евроатлантическую, восточно-азиатскую, альтернативную модели и модель «тройной спирали».

В статье Е.В. Балацкого и Н.А. Екимовой «Инновационно-технологические матрицы и национальные стратегии экономического развития» [4] представлено подробное описание каждой из вышеупомянутых моделей и сделан вывод о том, что в данном аспекте необходимо проводить дальнейшие исследования по развитию национальных инновационных систем с помощью инструментария инновационно-технологических матриц. Вопросам применения инноваций в управлении электронным бизнесом и электронной коммерцией в современный период посвящен целый ряд работ Л.В. Лapidус [9].

Очень интересное и богатое научными обоснованиями исследование проведено учеными Juraneck, D. Schinder, G. Schjelderup [12]. В частности, исследователи в ходе изучения влияния программного обеспечения, интеллектуальных систем, инновационных разработок, патентов, товарных знаков на рост производства, доказали, что любая инновационная составляющая в конечном итоге положительно влияет на производственные процессы и общую эффективность функционирования предприятия.

Формирование цифровой экономики подразумевает использование технологии больших данных. В этой связи, нельзя не отметить научные работы узбекских ученых, таких как С.С. Гулямов [7], Р.Х. Аюпов [3], Б. А. Бегалов [5], И.Е. Жуковская [8] и др. В работах указанных ученых показано, что именно инновации и передовые ИКТ в современный период развития служат залогом эффективности функционирования отраслей и сфер национальной экономики Республики Узбекистан. Публикации, представленные в таких журналах как International Research Journal of Finance and Economics; European Journal of Interdisciplinary Studies, Canadian Journal of Economics; International Journal of Business and Management, IEA Policy Analysis и др., также показывают актуальность данного научного направления.

Как известно из литературных источников, инновация представляет собой внедрённое новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком. Исходя из этого, обязательными свойствами научно-технической инновации являются высокая степень новизны, способность к материализации в производстве с целью получения прибыли для удовлетворения

определенных потребностей, а также применимость на практике в различных сферах деятельности. Ключевыми критериями инновации являются не только наличие новой идеи, но и ее реализация на практике.

Методология исследования

Эмпирическая основа исследования включает в себя данные статистических ежегодников и обзор междисциплинарных научных исследований, проводимых как в Республике Узбекистан, так за ее пределами – в странах дальнего и ближнего зарубежья. Как показывает практика, оценка влияния инновационных факторов на развитие цифровой экономики невозможна без применения эконометрических методов и моделей. В качестве методологии исследования был выбран многофакторный регрессионный анализ.

Для проведения многофакторного регрессионного анализа в качестве зависимой переменной в многофакторной регрессионной модели была выбрана стоимость инновационной продукции, а независимыми переменными являются экспорт услуг ИКТ, общие расходы на программное обеспечение, темпы роста ВВП на одного занятого, чистый приток прямых иностранных инвестиций, занятость в наукоемких службах, интернет-электронное участие за 1991-2018 гг. Перед тем как построить многофакторную регрессионную модель, проведем описательную статистику (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика переменных (данные за 1991-2018 гг.)

Переменные	Mean	Max	Min	Std. dev.
Стоимость инновационной продукции (Y)	27360,36	199682,1	7,4	46564,6
Экспорт услуг ИКТ (X ₁)	348,03	1050,0	23,0	282,47
Общие расходы на программное обеспечение (X ₂)	928,39	2553,0	201,0	606,96
Занятость в наукоемких службах (X ₃)	1278,0	2354,0	678,0	486,54
Интернет-электронное участие (X ₄)	18,93	84,7	0,1	25,67

Составлено авторами.

По каждой из рассматриваемых переменных будем анализировать максимальное, минимальное и среднее значения. На основе таблицы 1 проведем корреляционный анализ, данные которого представим в виде табл. 2. Для построения многофакторной регрессионной модели необходимо провести корреляционный анализ между переменными. Корреляционный анализ дает возможность оценить степень взаимосвязи между переменными и выявить мультиколлинеарность между независимыми переменными (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционная матрица

Correlation					
t-Statistic					
Probability	Y	X1	X2	X3	X4
Y	1.000000				

X ₁	0.919547	1.000000			
	11.93135	-----			
	0.0000	-----			
X ₂	0.912015	0.369866	1.000000		
	11.33809	1.29806	-----		
	0.0000	0.0000	-----		
X ₃	0.897784	0.194860	0.267711	1.000000	
	10.39384	1.09515	1.157596	-----	
	0.0000	0.0000	0.0000	-----	
X ₄	0.955227	0.264357	0.328918	0.360663	1.000000
	16.46205	1.15835	1.309171	1.23833	-----
	0.0000	0.0000	0.0000	0.0000	-----

Примечания: Covariance Analysis: Ordinary. Sample: 1991-2018. Included observations: 28.

Рассчитано авторами.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа. Между зависимой переменной (Y) и экспортом услуг ИКТ (X_1), общими расходами на программное обеспечение (X_2), занятыми в наукоемких службах (X_3) и интернет-электронным участие существуют тесные связи. Эти переменные будут участвовать в многофакторной эконометрической модели. В корреляционной матрице не наблюдается мультиколлинеарности между независимыми переменными. Линейная многофакторная регрессионная модель имеет вид:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 X_1 + \beta_2 X_2 + \dots + \beta_n X_n + \varepsilon,$$

где Y – зависимая переменная, X_i – независимые переменные, ε – случайная ошибка.

Результаты расчета линейной многофакторной регрессионной модели в программе EViews 9 представлены в таблице 3. Проанализируем расчетную модель. Коэффициент детерминации (R^2) рассматривают, как правило, в качестве основного показателя, отражающего меру качества регрессионной модели, описывающей связь между зависимой и независимыми переменными. Расчетный коэффициент детерминации по выбранным переменным равен $R^2 = 0,9624$. Это показывает, что зависимая переменная – стоимость инновационной продукции – на 96,24% зависит от переменных, включенных в многофакторную регрессионную модель. Остальные 3,76% – влияние прочих факторов.

Таблица 3

Регрессионный анализ

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
X1	213.9232	72.38378	2.955403	0.0071
X2	41.94592	12.88044	3.256559	0.0035
X3	185.9704	38.51366	4.828688	0.0001
X4	1927.425	278.8711	6.911527	0.0000
C	115184.6	26597.47	4.330662	0.0002
R-squared	0.962441	Mean dependent var		27360.36
Adjusted R-squared	0.955910	S.D. dependent var		46564.60
S.E. of regression	9777.504	Akaike info criterion		21.37399
Sum squared resid	2.20E+09	Schwarz criterion		21.61188
Log likelihood	-294.2358	Hannan-Quinn criter.		21.44672
F-statistic	147.3445	Durbin-Watson stat		1.780279
Prob(F-statistic)	0.000000			

Примечания: Dependent Variable: Y. Method: Least Squares. Sample: 1991-2018. Included observations: 28.

Рассчитано авторами с помощью программы EViews 9.

Расчетная линейная многофакторная регрессионная модель имеет вид:

$$\hat{Y} = 115184,6 + 213,92X_1 + 41,94X_2 + 185,97X_3 + 1927,42X_4.$$

График фактических значений зависимой переменной, расчетных значений по многофакторной регрессионной модели и остатков приведен на рис. 1. Проанализируем параметры расчетной модели. Коэффициент при X_1 показывает, что увеличение экспорта услуг ИКТ на 1 млн сум. приведет к увеличению инновационной продукции в среднем на 213,9232 млн сум. Увеличение общих расходов на программное обеспечение на 1 млн сум. приведет к увеличению инновационной продукции в среднем на 41,9459 млн сум. Увеличение количества занятых в наукоемких службах на один процент приведет к увеличению инновационной продукции в среднем на 185,9704 млн сум. Увеличение интернет-электронного участия предприятий на 1 единицу приведет к увеличению инновационной продукции в среднем на 1927,425 млн сум.

Проверка расчетной модели на статистическую значимость осуществляется с помощью F-критерия Фишера. Если расчетное значение F-критерия больше критического значения, то расчетная модель является статистически значимой и ее можно использовать для прогнозирования зависимой переменной. В нашем случае: $F_{\text{расч.}} = 147,34 > F_{\text{крит.}} = 2,7141$. Следовательно, расчетная модель является статистически значимой.

Проверим надежность параметров многофакторной регрессионной модели. Для этого используем t-критерий Стьюдента. Если расчетные значения t-критерия по независимым переменным больше

критического значения, то параметры многофакторной модели являются надежными. Критическое значение t-критерия Стьюдента равно 2,0639. Из таблицы 3 видно, что все расчетные значения t-критерия Стьюдента больше, чем критическое значение. Это доказывает, что выбранные в расчетной модели независимые переменные являются надежными (значения вероятностей (prob.) независимых переменных меньше 0,05).

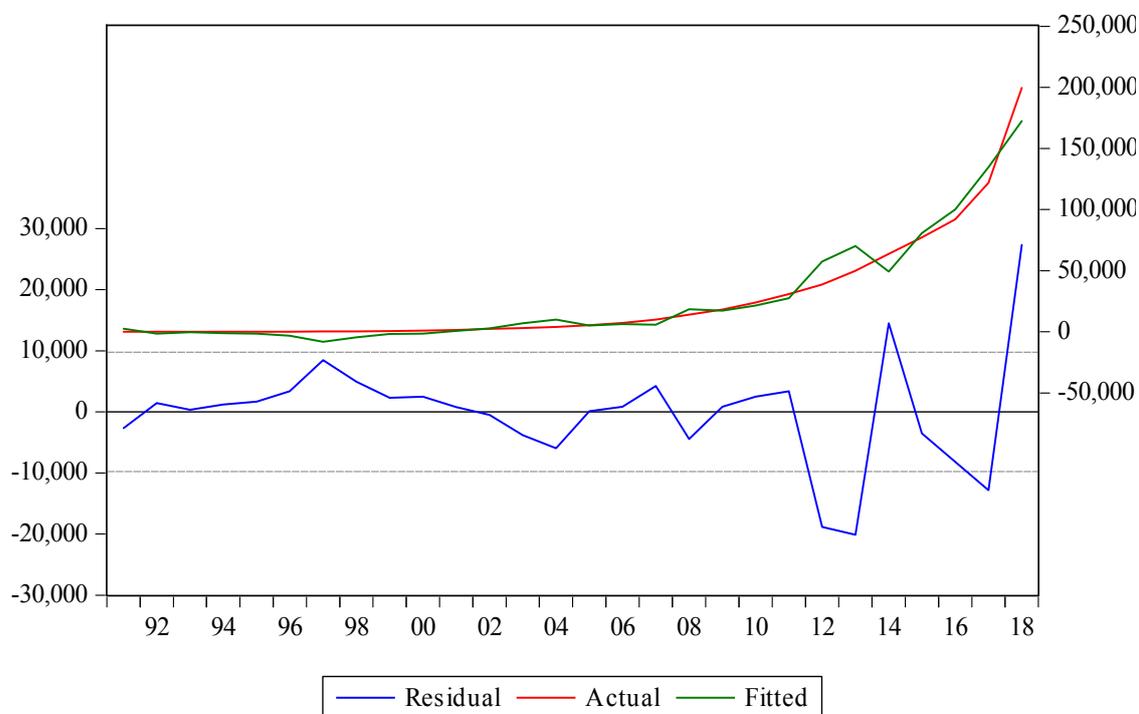

Рис. 1. Фактические, расчетные и остаточные значения зависимой переменной (составлено авторами)

Проверим наличие автокорреляции в рядах остатков модели. Для этого используется критерий Дарбина-Уотсона. Расчетное значение критерия Дарбина-Уотсона равно 1,78. При 5%-ном уровне значимости нижняя граница значения критерия Дарбина-Уотсона равна $DW_L=1,10$, а верхняя граница значения критерия Дарбина-Уотсона равна $DW_U=1,75$. Данное обстоятельство показывает, что в рядах остатков отсутствует автокорреляция.

Анализ и результаты

Исследования ученых и научные эксперименты показывают, что на сегодняшний день невозможно отметить все функции, которые выполняют инновации в сфере экономического и социального развития. Последствием внедрения инноваций является формирование новых отраслей экономики. В рамках этой функции можно выделить два типа инноваций: улучшающие и радикальные. Улучшающие инновации лишь дорабатывают, совершенствуют уже существующий продукт, в то время как радикальные инновации предлагают совершенно новый продукт, метод или услугу и способствуют появлению новых отраслей, которые в будущем становятся доминирующими.

Как показывает опыт, инновации оказывают влияние на развитие экономики страны в долгосрочной перспективе. В начале эры постиндустриального и информационного общества инновации стали основой экономического роста. Они влияют на все стороны жизнедеятельности общества, в том числе и на экономическую составляющую. Международный и отечественный опыт показывает, что инновационная деятельность ведет к повышению конкурентоспособности как страны, так и отдельного физического лица, предприятия, организации.

Это видно хотя бы на примере того, что если организация внедряет в свое производство инновационный продукт, пользующийся спросом, то это способствует повышению ее конкурентоспособности перед другими организациями, находящимися в том же сегменте рынка, вследствие чего появляется возможность создания естественной монополии и получения сверхприбыли. Организации-конкуренты,

в свою очередь, стремятся конкурировать путем разработки и внедрения своих инновационных идей с целью разрушить монополию. Инновационная деятельность является основой обеспечения производственной, информационной и экономической безопасности, а также укрепления обороноспособности страны.

Вследствие развития новых технических и организационных решений, создаются условия для обновления производственных процессов на предприятиях. Снижаются издержки производства за счет использования технологий, позволяющих переводить процесс производства в автоматический режим (без участия человека), сокращать объемы использования энергии, воды и т.п. Улучшается качество производимой продукции. Инновации способствуют производству продуктов с новыми или улучшенными характеристиками, предоставлению более качественных услуг, максимально соответствующих человеческим потребностям. Всё это ведет к получению более высокой прибыли [5].

Как показывает практика, инновации являются фактором роста качества образования. С использованием современных достижений науки происходит формирование предпосылок творческого раскрытия личности, максимальное развитие природных способностей обучающихся. Инновации в образовании ведут к увеличению количества квалифицированных кадров. Это особенно необходимо на этапе их переподготовки. Следовательно, происходит повышение как общей, так и специальной профессиональной подготовки кадров.

Таким образом, можно сказать, что инновационная деятельность стимулирует появление новых идей в решении глобальных проблем человечества. В том числе, новых способов борьбы с международным терроризмом, вакцин против неизлечимых болезней. Большинство проблем невозможно решить без новых методик и продуктов с заранее заданными свойствами. Решение глобальных проблем человечества, основанное на тесном взаимодействии всех стран мира (обмене информацией, результатами научных работ и т.п.) должно быть первостепенной задачей стран мирового сообщества. Вместе с тем, введение инноваций способствует повышению уровня жизни населения.

Получение положительных результатов при осуществлении инновационной деятельности благоприятно сказывается на доходах физических лиц. Внедрение потребительских инноваций делает жизнь человека более комфортной (например, за счет создания бытовой техники). Появление новых средств связи открывает доступ к большему объему информации, что способствует культурному и профессиональному развитию. Практически каждая инновация в той или иной степени способствует удовлетворению потребностей человека. Создание инновации способствует повышению самооценки человека, осознанию своей социальной полезности.

Исходя из того, что существует множество направлений инновационной деятельности, каждая конкретная инновация, относящаяся к определенному виду деятельности, сфере производства, территории выполняет определенные функции. Большую роль в инновационной деятельности играют современные информационно-коммуникационные технологии.

Узбекистан в последние годы осуществляет поэтапные реформы по внедрению ИКТ во все сферы, включая государственное управление и предоставление государственных услуг, что позволило добиться значительного прогресса в реализации концепции электронного правительства в стране. Развитие системы «Электронное правительство» позволяет повысить прозрачность принятия решений в государственном секторе, повысить прозрачность работы бизнеса, увеличить инвестиционную привлекательность экономики и снизить уровень коррупции. Решение этих задач без развития отрасли информационных технологий – как инструмента – невозможно.

На рис. 2 представлен удельный вес телекоммуникационных услуг в общем объеме услуг связи и информатизации по регионам Узбекистана за первое полугодие 2019 года, в процентах. Как видно из рис. 2, высокие темпы роста отмечены в Джизакской (99,2%), Сырдарьинской (98,2%), Самаркандской (97,8%), Кашкадарьинской (97,0), Андижанской (96,8), Навоийской (96,7%), Хорезмской (96,6%), Наманганской (96,4%) областях [15]. Увеличение объема можно объяснить влиянием целого ряда факторов, таких как оплата за товары посредством кредитных карт, Интернет-продажи, открытие новых торговых центров, оптимизация гостиничного сектора, сферы общественного питания, расширение услуг образовательных организаций и индустрии развлечений на основе ИКТ.

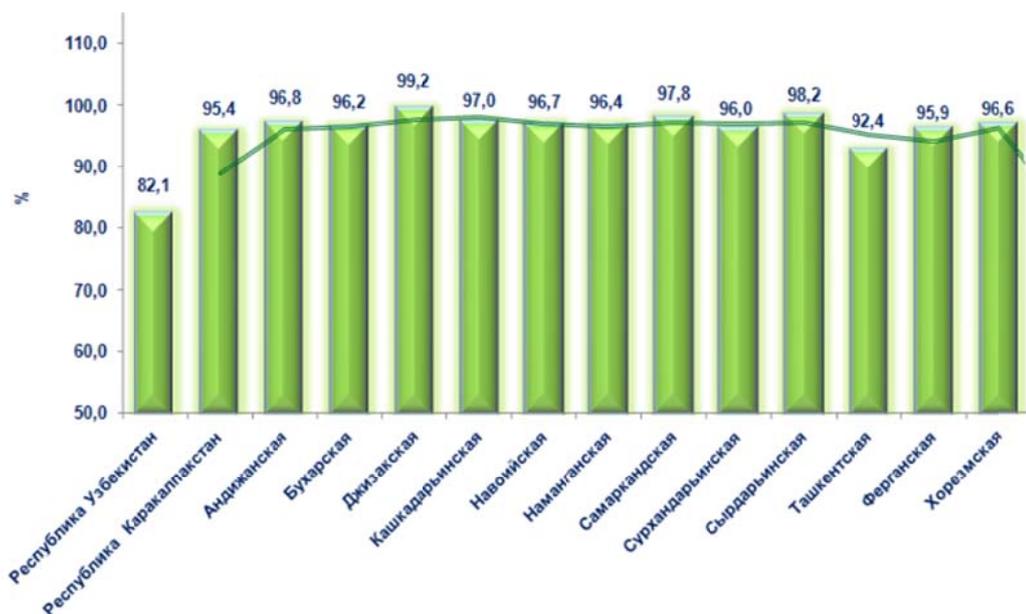

Рис. 2. Удельный вес телекоммуникационных услуг в общем объеме услуг связи и информатизации по регионам Республики Узбекистан за январь-июнь 2019 года, % [15]

Развитие инновационной инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий отражается на росте основных макроэкономических показателей страны. В таблице 4 представлены макроэкономические показатели развития Республики Узбекистан за январь – февраль 2019 года. Из таблицы 4 видно, что рост макроэкономических показателей составляет от 105,6% до 130,3%, что объясняется целым рядом факторов, таких как оптимизация управленческих процессов, обновление материально-технической базы, улучшение качества производимых товаров, в том числе и внедрением современных ИКТ и инноваций в различных отраслях и сферах экономики.

Таблица 4

Макроэкономические показатели Республики Узбекистан (млрд сум.) [15]

Наименование показателя	январь-февраль 2019 г.	в % к январю-февралю 2018 г.	январь-февраль 2018 г. в % к январю-февралю 2017 г.
Промышленная продукция	44109,2	107,2	108,0
Потребительские товары	12807,5	120,8	105,0
Строительные работы	5312,0	106,3	95,1
Розничный товарооборот	20 862,2	105,6	102,0
Услуги, всего	26 102, 2	115,7	110,7
Внешнеторговый оборот, \$ млн	6 392,8	125,4	180,0
Экспорт	3 036,8	120,4	214,3
Импорт	3 356,0	130,3	155,6

Опыт показывает, что высокотехнологичные инновационные разработки способствуют как повышению эффективности управленческих процессов в отраслях и сферах национальной экономики, так расширению и развитию рынка товаров и услуг в различных сферах экономики, в том числе и в сфере ИКТ. Это, в конечном итоге, способствует повышению уровня жизни населения страны.

Заключение

В условиях формирования цифровой экономики роль инновационных технологий имеет тенденцию к росту. Постоянное соперничество в целях достижения конкурентоспособности на рынке заставляет отдельные корпорации, предприятия, отрасли и сферы экономики постоянно разрабатывать и внедрять инновационные решения. Технические и технологические инновации требуют постоянного роста

интеллектуализации человеческого капитала, мобильного распространения передовых знаний, широкого привлечения инвестиций в страну, прочной защиты прав собственности на интеллектуальные инновационные продукты.

Как свидетельствует опыт внедрения инноваций в отраслях и сферах национальной экономики, все они направлены на эффективное функционирование объектов экономики. Например, внедряя инновации в систему здравоохранения, стимулируя труд медицинских работников можно повысить качество медицинского обслуживания, а, следовательно, и продолжительность жизни населения. Практика показывает, что повсеместное внедрение инновационных разработок, в конечном итоге, служит повышению реальных доходов и качества жизни населения.

Таким образом, можно сказать, что в условиях формирования цифровой экономики инновационные разработки и передовые ИКТ являются важным фактором, способствующим формированию инновационных моделей и механизмов проектирования, производства и сбыта продукции на основе применения современных технологических решений, способствующих повышению конкурентоспособности экономических субъектов и экономики страны в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А. Как подстегнуть ВВП: ставка на «умную экономику» ускорит рост экономики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/biznes/349545-kak-podstegnut-rost-vvp-stavka-na-umnuyu-ekonomiku-uskorit-rost-economiki> (дата обращения 12.09.2019).
2. Андрюшкевич О.А., Денисова И.М. Особенности формирования национальных инновационных систем // Анализ и моделирование экономических процессов / под ред. В.З. Беленького, Н.А. Трофимовой. М.: ЦЭМИ РАН, 2013. С. 24-48.
3. Аюпов Р.Х. Пути развития электронного бизнеса в Узбекистане. Т.: Формат полиграф, 2016. 205 с.
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Инновационно-технологические матрицы и национальные стратегии экономического развития // Управленец. 2019. Т. 10. № 5. С. 9-19. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-5-2
5. Бегалов Б.А., Жуковская И.Е. Методологические основы влияния информационно-коммуникационных технологий на развитие национальной экономики: монография. Т.: Иктисодиет, 2018. 178 с.
6. Горбашко Е.А. Влияние цифровизации на качество жизни с позиций устойчивого экономического развития // Сборник статей по итогам XIV международной научно-практической конференции «Современный менеджмент: проблемы и перспективы». СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019.
7. Гулямов С.С. Raqamli iqtisodiyotda blokcheyn texnologiyalari. Т.: Iqtisod Molia, 2019. 396 с.
8. Жуковская И.Е. Инновационные подходы к управленческим процессам в условиях становления цифровой экономики // Вестник факультета управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4. С. 21-29.
9. Латидус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией. М.: ИНФРА-М, 2017. 281 с.
10. Шинкевич А.И., Кудрявцева С.С. Управление открытыми национальными инновационными системами в экономике знаний. Казань: Казанский национальный исследовательский технический университет имени А.Н. Туполева, 2014.
11. Freeman C. Technology policy and economic performance: Lessons from Japan. L.: Frances Pinter, 1987. 495 p.
12. Juraneck S., Schindler D., Schjelderup G. Transfer pricing regulation and taxation of royalty payments // Public Economic Theory. 2018. Vol. 20 (1). P. 67-84.
13. Nelson R.R. National innovation systems: A comparative analysis. N.Y.: Oxford University Press, 1993.
14. Sun Y., Liu F. A Regional perspective on the structural transformation of China's national innovation system since 1999 // Technological Forecasting & Social Change. 2010. Vol. 77 (8). P. 1311-1321.
15. Официальный сайт Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.stat.uz (дата обращения 16.12.2019).

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОЙ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ

***Аннотация.** В статье определена значимость экологического налогообложения для обеспечения устойчивого роста экономики. Исследованы вопросы развития экологического налогообложения в странах ОЭСР и их партнерах по налогам на использование различных видов энергии и топлива, по налогообложению транспортных средств в разрезе отраслей, содержания автодорог, авиаперелетов и налогов на свалки и отходы. Выявлены основные тенденции прошлых лет и сформулированы перспективы развития экологического налогообложения.*

***Ключевые слова.** Налог, налогообложение, экологические налоги, транспортный налог, налогообложение отходов.*

Vylkova E.S., Tarasevich A.L.

ENVIRONMENTAL TAXATION AS AN INSTRUMENT OF SUSTAINABLE TAX POLICY

***Abstract.** The significance of environmental taxation to ensure sustainable economic growth is determined. The issues of the development of environmental taxation in OECD countries and their partners on taxes on the use of various types of energy and fuel for the taxation of vehicles by industry, road maintenance, air travel and landfill and waste taxes are studied. The main trends of past years are identified and the prospects for the development of environmental taxation are formulated.*

***Keywords.** Tax, taxation, environmental taxes, transport tax, waste taxation.*

Введение

Экологические налоги вводятся правительствами стран по разным причинам: от увеличения государственных доходов до сдерживания экологически вредного поведения или покрытия конкретных расходов на инфраструктуру. Получение государственных доходов долгое время являлось наиболее важным обоснованием для введения этих налогов. В некоторых странах повышение доходов за счет налогов, связанных с окружающей средой, является частью более широких реформ всей налоговой системы. Они проводятся, например, чтобы сделать ее менее искаженной и более благоприятной для роста и занятости за счет уменьшения налогообложения рабочей силы или прибыли корпораций [2, 4, 8].

ГРНТИ 06.73.15

© Вылкова Е.С., Тарасевич А.Л., 2020

Елена Сергеевна Вылкова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург).

Алексей Леонидович Тарасевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Вылкова Е.С.): 199178, РФ, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43 (Russia, St. Petersburg, V.O., Sredny av., 57/43). Тел.: 8 (812) 335-94-94. E-mail: vylkova-es@ranepa.ru.

Статья поступила в редакцию 10.01.2020.

С экологической точки зрения, главная привлекательность налогов, связанных с окружающей средой, заключается в том, что они обеспечивают экономически эффективное средство смягчения негативных экологических последствий от процессов производства и потребления. Повышая цену на экологически вредные виды поведения, налоги способствуют снижению загрязняющей активности участников экономической деятельности. Экологические налоги дают экономическим субъектам гибкость в выборе путей снижения вредного поведения, что повышает их эффективность по сравнению с такими централизованными мерами как стандарты.

Современное состояние экологического налогообложения

В целом, темпы экологической налоговой реформы в 2019 году замедлились. Реформы были более ограниченными как по количеству, так и по объему, по сравнению с предыдущими годами. В частности, в меньшей чем ранее степени повышались налоги на использование энергии (например, акцизы на топливо и налоги на углерод). По сравнению с предыдущими годами гораздо меньше стран ввели реформы, направленные на расширение использования налогов на энергию и повышение налоговых ставок. Напротив, некоторые страны снизили налоги на использование энергии или отменили реформы, которые были ранее введены.

Изменения в налогообложении в транспортном секторе, кроме использования энергии, также очень незначительное. Интересно, что ограниченные реформы, которые были осуществлены в этой области, часто включали налогообложение менее традиционных налоговых баз, таких как авиаперевозки и использование дорог. Такая ситуация противоречит целям политики стран по сохранению климата и окружающей среды и их стремлению повысить эффективность своей налоговой системы.

Вместе с тем, у экологических налогов есть большой потенциал для улучшения инструментария налоговой политики при одновременном снижении вредного поведения. Так, в недавнем отчете ОЭСР и Международного транспортного форума (МТФ) (см.: <https://dx.doi.org/10.1787/87b39a2f-en>) исследуется взаимодействие, казалось бы, противоречивых целей налогов, связанных с окружающей средой, для увеличения государственных доходов и управления поведением в направлении сокращения вредных видов деятельности на примере автомобильного транспорта. В нем показано, как могут изменяться налоговые поступления по мере сокращения использования ископаемого топлива в транспортных средствах в будущем.

На основе анализа сценариев и моделирования для Республики Словении до 2050 года в отчете приводится комплексная оценка налогообложения автомобильного транспорта. В нем также содержатся рекомендации о том, как налоговая политика может адаптироваться к сокращению использования ископаемого топлива в долгосрочной перспективе, если целью является поддержание доходов на текущих уровнях с учетом соображений справедливости и эффективности. Анализ учитывает дополнительные налоговые базы в автомобильном транспорте, помимо использования топлива, в частности запасы транспортных средств и пройденные расстояния.

Анализ показывает, что налоговые поступления от использования дизельного топлива и бензина в личных автомобилях в Словении в ближайшие десятилетия могут существенно снизиться. Поскольку технологическим изменениям требуется время, чтобы ими охватить весь автопарк, налоговые поступления от топлива снижаются постепенно, что оставляет некоторую свободу для адаптации налоговой политики. Заблаговременная постепенная подготовка к налоговой реформе позволит плавно адаптироваться к технологическим изменениям в автопарке, снизить риск сбоя и создать пространство для разработки и реализации необходимых сопутствующих мер.

Плавная эволюция доходов в долгосрочной перспективе достигается за счет постепенной и всеобъемлющей налоговой реформы; переход от налогов на топливо к налогам на пройденные расстояния может способствовать более устойчивой налоговой политике в долгосрочной перспективе. Постепенно увеличивая налоги на топливо или углерод до уровней, которые отражают внешние затраты на использование ископаемого топлива, и постепенно вводя тарифы на транспортные средства, основанные на расстоянии, чтобы отражать внешние затраты на вождение, можно перенести налогообложение на альтернативную и, вероятно, более стабильную налоговую базу.

Сущность экологических налогов

Экологические налоги в различных странах включают любые обязательные платежи органам государственного управления, взимаемые на основе налогообложения, которые, как считается, имеют особое

экологическое значение. Сохранение окружающей среды не обязательно является основным обоснованием для их введения, но, тем не менее, налоги значительно влияют на загрязнение. Экологические налоги покрывают широкий спектр областей, включая агрохимикаты, энергетику, использование дорог, транспортные средства, отходы, забор воды и загрязнение воды.

Доходы от экологических налогов в последние 5 лет сильно различались по странам: от 0,7% ВВП в Соединенных Штатах до 4,0% ВВП в Дании и Словении, составляя в среднем чуть более 2%. Экологические налоговые поступления, измеряемые как доля ВВП, снизились в подавляющем большинстве стран. Выросли они только в семи из 38 стран ОЭСР и партнеров этой организации (Эстония, Греция, Израиль, Италия, Латвия, Словения, Турция) (https://dx.doi.org/10.1787/tax_wages-2019-en).

Понимание тенденций доходов от экологических налогов требует рассмотрения структуры налоговой политики, а также ее последствий. Доходы от экологических налогов зависят как от налоговых ставок, так и от налоговой базы, к которой применяются эти ставки. Поэтому для анализа доходов необходимо различать инструмент политики и эффекты инструмента.

Например, налоговые поступления от транспортных средств в стране могут быть относительно низкими, поскольку ставки налога низкие или налоговая база является узкой, если налогом охвачено только ограниченное количество транспортных средств. В качестве альтернативы, низкие доходы от налогообложения транспортных средств могут быть результатом высокого налога на автотранспортные средства именно потому, что этот налог побудил водителей приобретать более эффективные или более малолитражные транспортные средства.

Доходы, собранные за счет налогов на использование энергии (акцизы на топливо и налоги на углерод), составили более половины всех экологических налоговых поступлений во всех странах – порядка 75% общих экологических налоговых поступлений, что является давней тенденцией. Автомобильные и другие транспортные налоги являются второй по важности категорией экологических налогов с точки зрения доходов. В основном они включают единовременные налоги на регистрацию транспортных средств и ежегодные налоги на их пользователей или владельцев. Другие экологические налоги, как правило, не являются основным источником государственных доходов.

Потенциал экологических налогов в качестве инструмента для устойчивой налоговой политики остается большим во всех странах, потому что экологические налоги часто устанавливаются ниже внешних затрат, связанных с экологически вредным поведением. Постепенное повышение экологических налогов до уровней, отражающих эти внешние затраты, и расширение их применения может привести к получению дополнительных государственных доходов при одновременном смягчении негативных экологических последствий.

Тем не менее, разработка эффективной и действенной налоговой политики требует не только увеличения доходов и управления внешними затратами. Важное значение для успеха реформы налоговой системы охраны окружающей среды имеют проблемы справедливости и равенства [1, 3]. Экологическая налоговая реформа, например, внедрение более высоких и широко применимых налогов на энергию или углерод, включает широкий круг заинтересованных сторон: домохозяйства, бизнес-структуры, государственные органы. Более высокие налоги на энергию и углерод не обязательно приводят к более высоким налоговым обязательствам для домашних хозяйств в долгосрочной перспективе [6, 9]:

- во-первых, домохозяйства приспосабливаются к более высоким затратам на энергию с течением времени за счет сокращения потребления энергии, например, путем перехода к более энергоэффективным действиям или сдерживанию потребления энергии. Более высокие цены на энергоносители стимулируют разработку заменителей;
- во-вторых, более высокие цены на энергоносители могут спровоцировать повышение заработной платы, которое может содержать части повышения налога в зависимости, например, от типа и продолжительности соглашений о заработной плате и степени индексации заработной платы;
- в-третьих, системы социального обеспечения могут действовать как автоматический стабилизатор. Социальные льготы, которые приспосабливаются к уровням цен, автоматически повысят платежи, когда цены на энергоносители возрастут;
- в-четвертых, страны, ожидающие, что повышение цен на энергоносители вызовет особые проблемы у бедных, могут принять соответствующие меры политики, чтобы смягчить их последствия: например, поощрение использования заменителей (использование общественного транспорта вме-

сто личных автомобилей для поездок на работу). Также могут быть приняты меры по поддержке тех домохозяйств, которые непропорционально пострадали от налоговой реформы в краткосрочной перспективе, но которые не могут легко адаптироваться к реформе из-за бюджетных ограничений. Адресная поддержка малоимущих может быть реализована в виде социальных пособий или налоговых льгот, подлежащих выплате в зависимости от дохода. Альтернативой адресной поддержке является единовременная выплата всем домохозяйствам. Поскольку единовременные выплаты приносят пользу большему количеству домохозяйств, они распределяют меньше денег среди бедных, чем целевые трансферты, когда фиксированная сумма, потраченная правительством.

Важным моментом при разработке мер, сопровождающих реформу экологического налогообложения, является поддержание стимулов для снижения вредного для окружающей среды поведения. Такие стимулы не изменяются, когда поддержка поступает через общую систему социальных пособий или через единовременные пособия, поскольку повышение цен на вредное для окружающей среды поведение остается неизменным. Напротив, поддержка конкретных домохозяйств путем предоставления им налоговых льгот или понижения ставок ослабляет их стимул к изменению экологически вредного поведения.

Аналогичным образом, оказание прямой поддержки домохозяйствам в заранее определенных целях (например, с помощью ваучеров на использование энергии или на основе расстояния в пути) противодействует цели сохранения окружающей среды, не препятствуя потенциально вредной деятельности. Правительства должны лучше информировать домохозяйства о преимуществах налоговой реформы, например, с точки зрения предоставления государственных услуг за счет государственных доходов, а также улучшениях окружающей среды и здоровья.

«Климатические» налоги

В период с 2012 по 2018 гг. ряд стран продолжали принимать меры для сохранения климата, увеличивая налоги на энергию и углерод и выбросы, но прогресс был медленным.

Ценообразование на выбросы углерода позволяет странам плавно направлять свою экономику по пути углеродно-нейтрального роста. В странах ОЭСР измеряется разрыв между фактическими ценами на углерод и реальными затратами на ликвидацию последствий выбросов углерода в окружающую среду, уровень которых в настоящее время составляет порядка 66%, что свидетельствует, что цены на углерод выросли в последние годы, но требуется гораздо более быстрый рост. Разрыв в ценах на углерод также широко варьируется между странами: от 27% в Швейцарии до 95% в Индонезии. Разрыв в ценах на углерод также существенно различается по секторам. Он равен или превышает 80% в производстве электроэнергии, промышленности, жилищном и коммерческом секторах. Самый низкий показатель на автомобильном транспорте – 17%.

Это является следствием давней тенденции налогообложения использования энергии в автомобильном секторе для целей получения доходов, но это не означает, что автомобильный сектор обязательно имеет наилучшие возможности для плавного перехода к низкоуглеродной экономике без дополнительных мер. Большой разрыв в ценах на углерод в нетранспортных секторах отражает значительный потенциал в разных странах для укрепления цен на углерод либо путем увеличения налогов, где они в настоящее время низкие, либо путем покрытия выбросов, где они по-прежнему не ограничены по ценам.

На уровне страны низкий или нулевой разрыв означает для инвесторов, что страна стремится декарбонизироваться при низких затратах и что она стимулирует компании к конкуренции и процветанию в экономике с низким уровнем выбросов углерода. И, наоборот, высокий разрыв указывает на одно из двух нежелательных состояний экономики: чрезмерно дорогостоящие усилия или низкие усилия по сокращению выбросов CO₂. Разрыв в ценах на углерод сократился за последние 5 лет в таких странах, как Корея, Мексика, Великобритания, Франция.

Следует указать, что в 2018-2019 годах, в отличие от предыдущих лет, реформы налогов на энергоносители были не более частыми, чем другие виды налоговых реформ, связанных с экологией. Лишь немногие страны продолжают повышать или продлевать налоги на использование энергии для обеспечения экологической устойчивости и увеличения доходов. Так, Израиль в транспортном секторе начал постепенно отменять частичное освобождение от акцизов на дизельное топливо для грузовых автомобилей, автобусов и такси, а Южная Африка увеличила общий налог на топливо. Как и в преды-

дущие годы, Финляндия немного увеличила ставку налога на топливо для отопления. Корея реформировала налогообложение топлива, используемого для производства электроэнергии, подняв ставку налога на уголь, одновременно снизив ставку на сжиженный нефтяной газ, но ожидая общего положительного влияния на доходы.

Исландия увеличила ставку налога на углерод в 2019 году и планирует дальнейшее повышение на 2020 год, но использование угля остается необлагаемым налогом. Великобритания планирует перейти к выравниванию тарифов на газ и электричество в связи с взиманием платы за изменение климата в 2020 году, что повлечет за собой увеличение объема используемого газа и снижение тарифов на электроэнергию. Южная Африка запланировала введение налога на углерод на июнь 2020 года. В Эстонии вступили в силу налоговые реформы по увеличению акциза на природный газ, в Нидерландах увеличены акцизы на природный газ и снижен налог на электроэнергию.

В 2019 году в странах ОЭСР происходило более частое снижение налогов на энергию и углерод, чем в предыдущие годы. Две страны расширили налоговые льготы на топливо, используемое в сельском хозяйстве: Финляндия за счет увеличения возврата налога на легкое топливо, используемое в сельском хозяйстве, и Швеция, уменьшив углеродный налог на дизельное топливо, используемое в сельском и лесном хозяйстве. Льготные тарифы для конкретных секторов доступны в большом количестве стран. Они ослабляют стимул для загрязнителей принимать участие в общих усилиях по сокращению выбросов в стране и, тем самым, потенциально увеличивают затраты на борьбу с ними.

Одна страна, Дания, снизила налоговые ставки на электрическое отопление. Три страны снизили налоги на топливо в автомобильном транспорте: Великобритания заморозила ставки пошлин на топливо в транспортном секторе. Франция отменила свои планы по согласованию ставок налога на дизельное топливо и бензин на основе содержания углерода. Мексика продлила налоговые льготы на бензин и дизельное топливо. В 2019 году Швеция приостановила автоматическое повышение на 2% налогов на дизельное топливо и бензин, которое вступило в силу в 2018 году, в дополнение к автоматической корректировке ставок налога на инфляцию.

Обобщение изменений в налогах на использование энергии представлено в таблице 1.

Таблица 1

Изменения в налогах на использование энергии

Вступает в силу	Увеличение налоговой базы		Уменьшение налоговой базы	
	2018	2019 или позже	2018	2019 или позже
Топливо с указанием сектора:				
сельское хозяйство	Испания		Финляндия	Швеция
производство электроэнергии		Корея, (Нидерланды)		Корея
обогрев	Финляндия	Финляндия		Дания
транспорт	Бельгия, Франция, Израиль, Швеция, ЮАР	ЮАР	Швеция, Мексика	Франция, Великобритания, Мексика
Топливо, все сектора	Бельгия, Франция, Корея, Латвия, Дания, Швеция		Эстония, Великобритания, Дания	Швеция, (Великобритания)
Налог на углерод	Исландия, Франция, Норвегия	Исландия, (ЮАР)		Франция

Примечание: страны в скобках только объявили о реформах.

Источник: составлено авторами на основе OECD Annual Tax Policy Reform Questionnaire.

Из таблицы 1 и приведенной выше информации следует, что страны перестают повышать налоги на энергию, что может свидетельствовать о снижении энтузиазма в отношении политики в области климата и окружающей среды или использовании инструментов, основанных на ценах. Это также может быть следствием политических или социальных соображений, проблем с конкурентоспособно-

стью или отражением изменения в акценте с налогообложения топлива на налогообложение других баз, таких как автомобили или виды деятельности и услуги, которые вытекают из использования энергии, например, вождение, электричество, отопление.

Независимо от его обоснования, ослабленное внимание к усилению налогообложения использования энергии в 2019 году контрастирует с необходимостью закрыть разрыв в ценах на углерод, чтобы подготовить экономику к переходу в режим функционирования с низким уровнем выбросов углерода. Налоги на энергию и углерод являются экономически эффективным политическим инструментом для сокращения выбросов, что делает их особенно привлекательными для политики в области климата в стране по сравнению с другими вариантами. Странам необходимо тщательнее разрабатывать налоговые реформы в части налогообложения использования энергии.

Например, налоговая реформа может быть сосредоточена, во-первых, на пересмотре и поэтапной отмене существующих налоговых льгот и льготных налоговых режимов, предоставляемых конкретным эмитентам (как это было сделано в Израиле, где было исключено освобождение от использования дизельного топлива для грузовых автомобилей, автобусов и такси). Во-вторых, реформа может быть сосредоточена на использовании энергии в тех секторах, где налоги в настоящее время сравнительно низки, например, на отопительном топливе (как это было сделано в Финляндии) и на пользователях в промышленности, жилищном и коммерческом секторах, которые обычно облагаются налогами ниже уровней, преобладающих в автомобильном транспорте.

Экологические транспортные налоги

Реформирование налогообложения транспортных средств в странах ОЭСР и партнерах имеет также небольшую динамику, но приняты решения по использованию менее обычных налоговых баз. Изменения в традиционные налоги на автотранспортные средства, такие как налоги на регистрацию и использование транспортных средств, были введены в пяти странах ОЭСР в 2019 году, при этом наблюдалось, в основном, снижение налоговых баз. Исключением являются Норвегия, которая отменила специальный вычет из регистрационного налога на такси, и Ирландия, где регистрационный налог на легковые автомобили с дизельным приводом был увеличен с целью улучшения состояния окружающей среды и здоровья населения.

В то же время, Ирландия ввела возврат регистрационного налога за транспортные средства, которые ввозятся в страну только временно. Великобритания повысила ставки акцизов на автомобили, микроавтобусы и мотоциклы в соответствии с индексом розничных цен, однако ставки налогов для грузовых автомобилей оставались замороженными. Транспортные налоги были также снижены в Финляндии и Японии.

Определенным преимуществом налогов на транспортные средства является их относительно низкое административное бремя, но с точки зрения внешних затрат они не являются оптимальным инструментом для ориентации потребителей на привычки вождения без загрязнения окружающей среды. В частности, налоги на транспортные средства могут учитывать только средний уровень загрязнения транспортного средства, но не внешние расходы, связанные с поведением при вождении. Очевидно, что налоги на транспортные средства являются относительно дорогим способом сокращения выбросов и могут привести к высоким упущенным налоговым поступлениям.

В двух странах были введены изменения в налогообложении транспортных средств с альтернативным топливом. Ирландия по регистрационному налогу продлила на один год льготный налоговый режим для гибридов и гибридов с подключаемыми модулями и установила для частного использования электромобилей компаний освобождение от налога электрических служебных автомобилей с рыночной стоимостью ниже 50 тыс. евро на три года. Наоборот, Турция ожидает увеличения доходов от недавно введенного налога на электромобили, хотя налоговая ставка ниже, чем для автомобилей, работающих на ископаемом топливе.

Налоговые льготы для электромобилей широко распространены [7, 10]. Они дают сильный стимул для перехода автопарка в сторону менее загрязняющих транспортных средств, но могут быть дорогими с точки зрения упущенного дохода в зависимости от их конструкции. Например, в Норвегии льготный режим налогообложения транспортных средств и другие льготы стимулировали спрос на электромобили в последние годы, но привели к значительному падению государственных доходов от налогообложения транспортных средств.

Постепенный поэтапный отказ от налоговых льгот для электромобилей будет необходим для поддержания доходов после перехода к низкоуглеродному вождению. Кроме того, преференциальный налоговый режим для альтернативных транспортных средств, вероятно, будет регрессивным, поскольку домохозяйства с низкими доходами вряд ли будут инвестировать существенные суммы в дорогие электромобили [5].

Также произошли некоторые изменения в налогообложении менее традиционных налоговых баз, таких как использование дорог и авиаперелеты. Страны в рамках сотрудничества "Eurovignette" (Дания, Люксембург, Нидерланды и Швеция), которые применяют дорожные пошлины к большегрузным транспортным средствам, движущимся по автомагистралям, увеличат ставки с 1 июля 2020 г. Нидерланды дифференцируют тарифы по перевозкам в зависимости от уровня загрязнения.

Налогообложение использования автомобильных дорог может дополнить налоги на топливо в транспортном секторе, в частности, когда произойдет переход на более экономичные и альтернативные транспортные средства, что может привести к размыванию традиционных налоговых баз на топливо. Южная Африка увеличила сбор за дорожно-транспортные происшествия, связав его с литром используемого топлива.

Что касается авиаперевозок, Норвегия планирует изменить существующую единую тарифную ставку для авиапассажиров, вылетающих из Норвегии, применяемую для внутренних и международных рейсов, на тариф из двух частей. Стоимость будет снижена с 80 до 75 норвежских крон за билет для европейских направлений, в то время как для неевропейских направлений она возрастет до 200 норвежских крон. Дифференциация тарифов по расстоянию является желанным событием, поскольку внешние затраты тесно связаны с пройденными расстояниями.

Тип топлива и класс билета также имеют значение для расходов, связанных с полетом. Некоторые существующие налоги на билеты уже различают бизнес- и эконом-класс. Например, пассажир в экономическом классе обычно занимает меньше места по сравнению с пассажиром в бизнес- или первом классе и должен нести ответственность за большую долю расходов, связанных с полным перелетом. Налог в зависимости от класса билета, вероятно, будет также более прогрессивным.

Международная авиация, как правило, не облагается налогами на энергию или на выбросы углерода, за исключением рейсов в пределах Европейского экономического пространства, которые включены в Европейскую систему торговли квотами на выбросы. Поэтому налоги на авиапассажиров могут быть истолкованы как альтернативный инструмент налогообложения энергии в международной авиации. Налогообложение услуг, получаемых от использования энергии (то есть пройденных расстояний), может представлять стабильный источник дохода для бюджетов, но требует тщательного планирования для надлежащего отражения внешних затрат от использования энергии. Более эффективным способом учета внешних затрат будет цена на энергию или углерод, которая напрямую отражает использование топлива и выбросы углерода.

Наконец, несколько стран (Финляндия, Ирландия и Португалия) скорректировали налоги на автотранспортные средства, чтобы учесть новую всемирную процедуру испытаний легковых автомобилей (WLTP). WLTP измеряет потребление топлива и выбросы CO₂ от легковых автомобилей, а также выбросы загрязняющих веществ и основывается на обновленных лабораторных испытаниях с использованием данных реального вождения. Предполагается, что новый протокол испытаний будет лучше соответствовать дорожным характеристикам, чем ранее, с новым европейским циклом вождения (NEDC).

В таблице 2 содержится обобщение информации об изменениях в налогах на автотранспорт и другие транспортные налоги

Несмотря на их потенциал для улучшения экологических результатов и увеличения доходов, объем других налогов, связанных с окружающей средой, остается ограниченным. Прочие налоги, связанные с окружающей средой, редко находятся в центре внимания стран при проведении налоговой реформы. 2019 год был годом исключительно низких амбиций в этой сфере. Только Нидерланды увеличили налоги на свалку и сжигание отходов, как было объявлено в 2018 году, а Словацкая Республика увеличила плату за удаление отходов с целью сокращения отходов и предотвращения свалки отходов.

К сожалению, большинство стран упускают широкие возможности для увеличения доходов бюджета и улучшения экологических результатов, в случае введения налогов за негативные внешние эф-

факты, которые экономические субъекты создают, потребляя или производя такие экологические налоговые базы как пластик, отходы или химикаты.

Заключение

С точки зрения экологической политики, налоги, имеющие налоговую базу, связанную с окружающей средой, помимо энергопотребления и транспортных средств, таких как производство отходов, пластмассы или использование химикатов, могут привести к сильному воздействию на поведение производителей и потребителей в отношении снижения вредных видов деятельности. Например, в некоторых европейских странах были введены налоги на захоронение отходов, обычно взимаемые с веса или объема захороненных отходов.

Таблица 2

Изменения в налогах на автотранспорт и другие транспортные налоги

	Увеличение налоговой базы		Уменьшение налоговой базы	
	2018	2019 или позже	2018	2019 или позже
Вступает в силу				
Транспортный налог	Великобритания, ЮАР		Аргентина	Финляндия, Япония
Регистрационный налог		Великобритания, Ирландия, Норвегия, (Нидерланды)		Великобритания, Ирландия, Япония
Транспортные средства, работающие на альтернативных видах топлива	Норвегия	Турция	Ирландия, Люксембург, Швеция	Ирландия
Использование автодорог		Дания, Люксембург, Нидерланды, Швеция		
Авиаперелеты	Швеция	(Нидерланды), (Норвегия)	Великобритания	
Другое (например, служебные автомобили)		ЮАР		Ирландия

Примечание: страны в скобках только объявили о реформах.

Источник: составлено авторами на основе OECD Annual Tax Policy Reform Questionnaire.

Более высокие налоги на свалку связаны с более низким процентом муниципальных отходов, отправляемых на свалку [11], что указывает на то, что эти налоги были успешными в переводе потоков отходов с вредных свалок на более экологически безопасные способы обработки отходов (например, переработка и компостирование). Налоги на сжигание отходов менее распространены, но могут также способствовать смещению отходов в сторону более экологически безопасных режимов обработки.

Обобщая, можно сделать вывод, что грамотное применение всех возможностей экологического налогообложения позволяет государству более успешно решать задачи устойчивого экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вылкова Е.С. Налоговое планирование в системе управления финансами хозяйствующих субъектов: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. СПб., 2002.
2. Евстигнеев Е.Н., Викторова Н.Г. Информационные, технологические и кадровые аспекты налогового менеджмента // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 6. С. 95-100.
3. Теневая экономика и уклонение от уплаты налогов: монография / под ред. А.П. Киреевко, Д.Ю. Федотова. Иркутск: ИрГУПС, 2017. 202 с.
4. Троянская М.А., Ермакова Е.А. Мониторинг мирового опыта налогового регулирования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3 (52). С. 91-95.
5. Borenstein S., Davis L. The Distributional Effects of US Clean Energy Tax Credits // Policy and the Economy. 2016. Vol. 30. P. 191-234.

6. *Flues F., van Dender K.* The impact of energy taxes on the affordability of domestic energy // OECD Taxation Working Papers. 2017. № 30.
7. *German R.* et al. Vehicle Emissions and Impacts of Taxes and Incentives in the Evolution of Past Emissions: Report to EEA, European Topic Centre on Air Pollution and Climate Change Mitigation, 2018.
8. *Johansson Å.* et al. Taxation and Economic Growth // OECD Economics Department Working Papers. 2008. № 620.
9. *Labandeira X., Labeaga J., López-Otero X.* A meta-analysis on the price elasticity of energy demand // Energy Policy. 2017. Vol. 102. P. 549-568.
10. *Muehlegger E., Rapson D.* Subsidizing Mass Adoption of Electric Vehicles: Quasi-Experimental Evidence from California // NBER Working Papers. 2018. № 25359.
11. *Watkins E.* et al. Use of Economic Instruments and Waste Management Performances: Final Report, Bio Intelligence Service – European Commission (DG ENV), 2012.

ОБОБЩЕННАЯ ОЦЕНКА СЕЗОННОГО ФАКТОРА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ НДС РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам оценки сезонного фактора при изучении динамики НДС России. Помесячная динамика тенденции налоговой нагрузки по НДС с 2011 по 2018 годы охарактеризована уравнением тренда с расчётом коэффициента детерминации и проверкой параметров по *t*-критерию Стьюдента на статистическую значимость. Акцентируется внимание на то, что сезонность оказывает в большей мере воздействие на динамику НДС, чем тенденция. Дан модельный прогноз НДС по мультипликативной модели с учетом сезонной компоненты, включенной в модель как отдельный фактор, ошибка прогноза составила 9,4%, что свидетельствует о достаточно хорошем качестве построенной модели.

Ключевые слова. Налоговая нагрузка, налоговые доходы, НДС, динамика поступлений, тенденция, сезонность, фиктивные переменные, уравнение тренда, автокорреляционная функция, *F*-критерий Фишера, коэффициенты сезонности.

Kuryshcheva S.V., Batyrova D.K.

GENERALIZED ASSESSMENT OF THE SEASONAL FACTOR IN THE STUDY OF THE DYNAMICS OF VAT IN RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the assessment of the seasonal factor in studying the dynamics of the VAT of Russia. Monthly dynamics of the VAT tax burden from 2011 to 2018 the described trend equation with the calculation of determination coefficients and verification of parameters according to the Student *t*-criterion for statistical significance. Attention is focused on the fact that seasonality has a greater effect on the dynamics of VAT than the trend. VAT is forecasted for December 2018, considering the seasonal components included in the model as a separate factor, the forecast error is 9.4%, which indicates a good quality of the constructed model.

Keywords. Tax burden, tax revenues, VAT, revenue dynamics, trend, seasonality, dummy variables, trend equation, autocorrelation function, Fisher *F*-test, seasonality coefficients.

Введение

Налоговые поступления являются одним из важнейших источников пополнения бюджета нашей страны. Ведущую роль среди источников доходов бюджета, не связанных с нефтегазовыми доходами, занимает НДС, как основной косвенный налог. В отличие от прямых налогов, НДС является косвенным налогом, т.к. устанавливается в виде надбавки к цене или тарифу (аналогично акцизу и таможенной пошлине, которая до 2005 г. рассматривалась в НК РФ, ст. 13, как один из видов федеральных налогов). Соответственно, бремя его уплаты, в конечном итоге, ложится на потребителя.

ГРНТИ 06.52.13

© Курышева С.В., Батырова Д.К., 2020

Светлана Владимировна Курышева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Дарья Кирилловна Батырова – аспирант кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Батырова Д.К.): Санкт-Петербург, пр. Наставников, д. 29/1 (Russia, St. Petersburg, Nastavnikov av., 29/1). Тел.: 9 (950) 007-69-21. E-mail: batyrova.d@unescon.ru.

Статья поступила в редакцию 30.10.2019.

В 2016 г. НДС был объявлен как драйвер налоговых поступлений в бюджет России. Дальнейшее развитие доходов бюджета ФНС РФ связывает с увеличением роли НДС в системе налогообложения России, что соответственно предполагает развитие сферы производства [2].

Материалы и методы

Возникает вопрос, насколько вероятны ожидания ФНС? С этой целью исследовалась динамика сумм поступлений НДС за 2011-2018 гг. по месяцам, т.к. в этот период наблюдался рост НДС, в отличие от более раннего периода, характеризовавшимся спадом. Динамика поступлений НДС по месяцам за 2011-2018 гг. представлена на рис. 1.

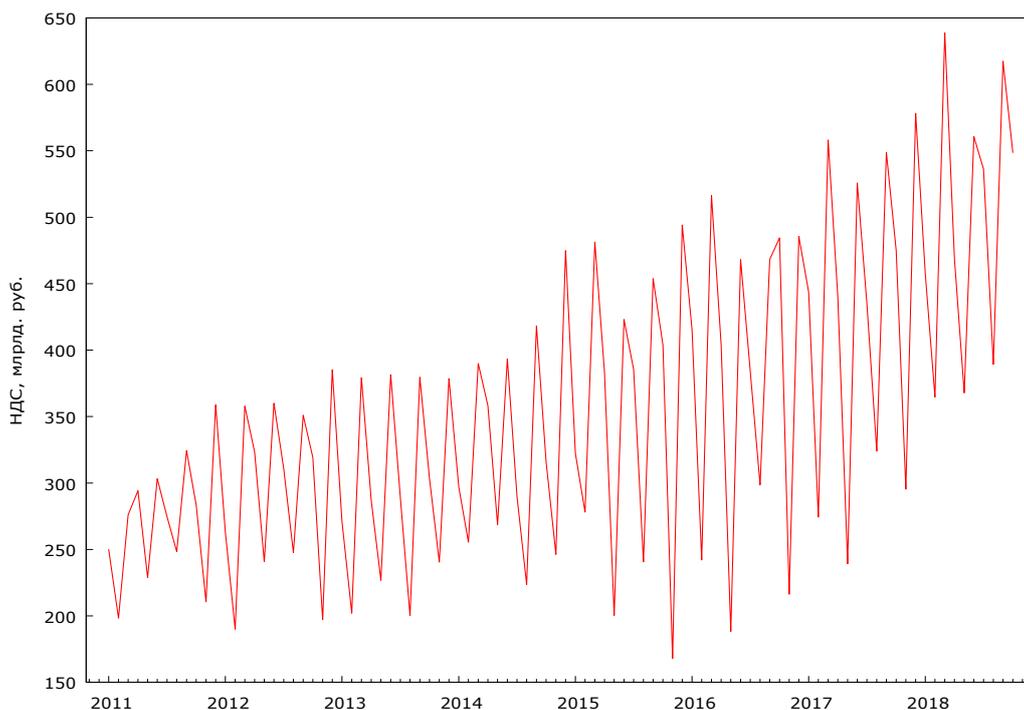

Рис. 1. Помесячная динамика НДС за 2011-2018 гг., млрд руб. [1]

График показывает, как наличие тенденции, так и сезонности. В связи с тем, что амплитуда колебаний не одинаковая, то имеет место мультипликативная модель, включающаяся в себя три компоненты: тренд (*T*), сезонность (*S*) и случайная составляющая (*E*).

Результаты и обсуждение

Для построения мультипликативной модели сезонности сначала использовался классический вариант разложения уровней динамического ряда на компоненты: была найдена 12-ти членная центрированная скользящая средняя, рассчитаны коэффициенты сезонности, проведена их корректировка и определены десезонализированные уровни НДС, по которым рассчитан линейный тренд:

$$\hat{Y}_t = 238,92 + 2,37t, \quad R^2 = 0,721$$

t (28,4) (15,4)

В целом уравнение и его параметры статистически значимы, но для прогнозных целей была предпринята попытка улучшить результат с помощью параболы второй степени, которая не дала ощутимых результатов: *R*² увеличился до 0,7351 (на 1 п.п.), но параметр при *t*² оказался статистически не значимым. Прогноз на декабрь 2018 г. по линейному тренду составил 466,52 млрд руб., с учетом сезонности – 597,27 млрд руб., а с учетом случайности – 522,52 млрд руб.

Фактическая величина в декабре 2018 г. составила 690,9 млрд руб., то есть ошибка прогноза с учетом тенденции и сезонности составила 13,4%, что говорит о недостаточно хорошем качестве построенной модели. Также был рассмотрен и другой подход, в котором сезонность учитывалась в виде фиктивных переменных. Была построена мультипликативная модель:

$$Y = a b^t c_1^{z_1} c_2^{z_2} \dots c_{11}^{z_{11}},$$

где Y – исходные уровни динамического ряда, t – фактор времени, принимающий значения от 1 до 94, $z_1, z_2, z_3, \dots, z_{11}$ – фиктивные переменные, принимающие значения 1 для соответствующего номера месяца и 0 для остальных месяцев.

R^2 составил 0,887, но параметры c_3, c_6, c_9 оказались статистически не значимы. Исключив эти переменные, мы получили новое уравнение:

$$\hat{Y}_t = 317,304 \times 1,0065^t \times 0,7888^{z_1} \times 0,5801^{z_2} \times 0,8522^{z_4} \times 0,5582^{z_5} \times 0,8114^{z_7} \times 0,605^{z_8} \times 0,8560^{z_{10}} \times 0,515^{z_{11}}$$

t (196,8) (18,92) (5,24) (12,0) (3,53) (12,89) (4,62) (11,09) (3,43) (13,9)

Для него $R^2 = 0,885$, все параметры прошли проверку при уровне значимости 0,01. Уравнение показывает, что ежемесячно, независимо от сезонности, сумма НДС возрастает в среднем на 0,65%. Все показатели сезонности меньше единицы, это свидетельствует о том, что во все месяцы сезонность была ниже, чем в декабре.

Исходя из этой модели, был дан прогноз на декабрь 2018 г.: 592 млрд руб., таким образом, ошибка прогноза составила 14,2%, что не улучшило прогнозное значение, т.е. нельзя говорить о высоком качестве построенной модели. Однако, в этом варианте при прогнозе на 3-ий, 6-ой, 9-ый месяцы (которые ранее были удалены), коэффициенты сезонности не были учтены. Между тем, именно в эти месяцы сезонность была существенной: в марте она составила 131,0%; в июне – 119,0%; в сентябре – 122,0%.

Автокорреляционная функция для коэффициентов сезонности показывает наличие четкой сезонной составляющей. Наблюдается сезонность с лагом в три месяца: коэффициент автокорреляции 3-го порядка составил 0,944, что можно увидеть на рис. 2.

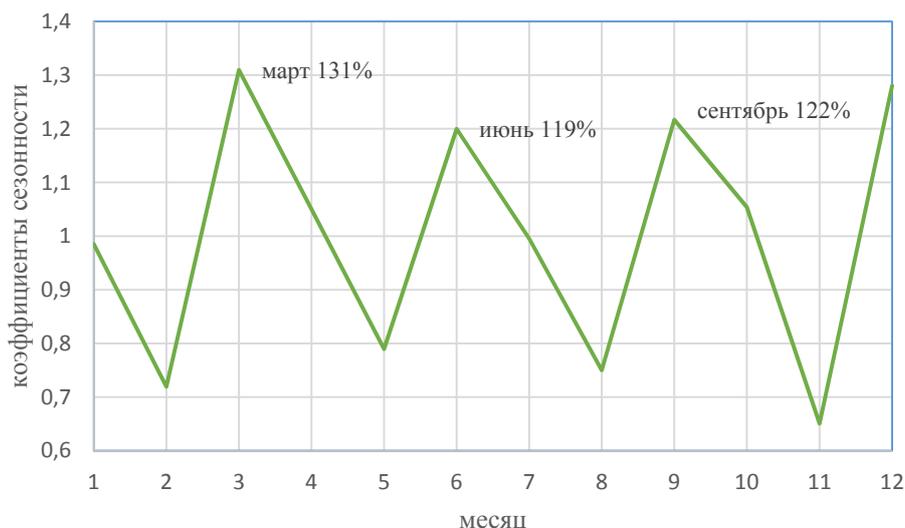

Рис. 2. Коэффициенты сезонности НДС

Чтобы учесть сезонность каждого месяца, был предложен следующий вариант анализа: теоретический уровень ряда \hat{Y}_t рассматривается как функция тенденции и сезонности, где в качестве коэффициентов сезонности использованы скорректированные коэффициенты сезонности, найденные после выравнивания ряда по скользящей средней. Результаты анализа оказались следующими:

$$\hat{Y}_t = -128,353 + 3,64Ks + 2,46t$$

t (-6,09) (18,77) (15,88)

При этом $R^2 = 0,806$, F -критерий Фишера = 306,91. Влияние тенденции оказывается примерно таким же, что и в модели при разложении уровня ряда на компоненты. Прогноз по данной модели на декабрь 2018 г. составил 574 млрд руб. (ошибка 17,0%). Более сильное воздействие на динамику НДС оказывает сезонность, о чем и свидетельствует анализ матрицы парных коэффициентов корреляции и рассчитанные на ее основе показатели частной корреляции (см. таблицу).

Таблица

Матрица парных коэффициентов корреляции

	НДС	Коэффициенты сезонности	t
НДС	1		
Коэффициенты сезонности	0,716171	1	
T	0,609174	0,015250711	1

Частные коэффициенты корреляции составили: $R_{yt.s} = 0,856$, $R_{ys.t} = 0,891$. Однако, при рассмотрении линейной функции мы перешли от мультипликативной к аддитивной модели, обобщенная оценка сезонного фактора может быть дана также и для мультипликативной модели. В этом случае модель примет вид:

$$\hat{Y}_t = 82,76 \times 1,0109^s \times 1,0066^t, \quad R^2 = 0,87, F = 301,03$$

$$t \quad (72,65) \quad (14,66) \quad (19,45)$$

Уравнение тренда и его параметры статистически значимы, критерий D-W составил 1,97 (dl 1,65; du 1,69). Прогноз по данной модели на декабрь 2018 г. составил 625 млрд руб. (ошибка прогноза 9,4%).

Заключение

Итак, прогноз с учетом тенденции и сезонности, взятой как отдельный фактор, по мультипликативной модели дает меньшую ошибку прогноза, чем предыдущие модели, поэтому более точной следует считать именно последнюю модель, которая позволяет дать обобщенную оценку влияния сезонности и тенденции на динамику поступлений НДС в бюджет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики. Краткосрочные экономические показатели – 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_02/Main.htm (дата обращения 25.10.2019).
2. Батырова Д.К. Оценка НДС как драйвера налоговых поступлений России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 6 (108). С. 130-134.
3. Курышева С.В. Оценка тенденций в изменении налоговой нагрузки предприятий России по видам экономической деятельности за 2006-2014 годы // Вестник НГУЭ. 2015. С. 152-159.
4. Курышева С.В., Парик И.Ю., Боченина М.В. Анализ временных рядов и прогнозирование. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. 98 с.
5. Елисеева И.И., Курышева С.В. Фиктивные переменные в анализе данных // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 43-63.
6. Эконометрика / под ред. И.И. Елисеевой. М.: Юрайт, 2012. 453 с.
7. Статистика в 2 т. Том 1 / отв. ред. И.И. Елисеева. М.: Юрайт, 2018. 332 с.

Макаров И.Н., Шамрина И.В., Самойлова Т.Д.

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Аннотация. Работа посвящена исследованию проблематики формирования достаточного информационного обеспечения для принятия управленческих решений в условиях смены технологических укладов. Основным выводом работы является положение о необходимости использования данных не только внутрифирменной системы бухгалтерского учета, но и отраслевой, региональной и национальной статистики, которая в данном случае будет выступать аналогом учетной системы, функционирующей на мезоэкономическом и макроэкономическом уровнях. При этом обосновывается необходимость внедрения разных учетных систем, необходимых для обеспечения потребностей внешних пользователей бухгалтерской информации и для обеспечения процесса принятия управленческих решений в пределах отраслей и фирм.

Ключевые слова. Учетная система, финансовая устойчивость, статистика, основные производственные фонды.

Makarov I.N., Shamrina I.V., Samoilova T.D.

FORMATION OF THE ACCOUNTING AND STATISTICAL SYSTEM AND FEATURES OF THE ANALYSIS OF PRODUCTION POTENTIAL IN THE CONDITIONS OF A CHANGE IN TECHNOLOGICAL STRUCTURES

Abstract. The work is devoted to the study of the problems of forming sufficient information support for making managerial decisions in a changing technological environment. The main conclusion of the work is the provision on the need to use data not only of the intra-company accounting system, but also industry, regional and national statistics, which in this case will act as an analogue of the accounting system operating at the mesoeconomic and macroeconomic levels. At the same time, the necessity of introducing different accounting systems necessary to meet the needs of external users of accounting information and to ensure the process of making managerial decisions within industries and firms is substantiated.

Keywords. Accounting system, financial stability, statistics, fixed assets.

Введение

В настоящее время эволюция социально-экономических систем характеризуется не только достаточно высокими темпами разработки и внедрения в хозяйственную реальность передовых технологий,

ГРНТИ 06.35.35

© Макаров И.Н., Шамрина И.В., Самойлова Т.Д., 2020

Иван Николаевич Макаров – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и финансов Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры экономики, менеджмента и маркетинга Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ирина Викторовна Шамрина – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, аудита, статистики Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Татьяна Дмитриевна Самойлова – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета, аудита, статистики Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Контактные данные для связи с авторами (Макаров И.Н.): 398600, г. Липецк, ул. Интернациональная, 12б (Russia, Lipetsk, Internatsional'naya str., 12b). Тел.: +7 980-265-04-38. E-mail: INMakarov@fa.ru.

Статья поступила в редакцию 23.12.2019.

но также неравномерностью развития в различных отраслях экономики. В данном случае, мы обратим внимание на проблемы учетно-статистического базиса принятия управленческих в производственной сфере.

Как известно, конкурентоспособность современной фирмы, занимающейся производственной деятельностью, определяется множеством объективных и субъективных факторов, однако, основным материальным базисом ее формирования выступают имеющийся человеческий капитал и основные производственные фонды, прежде всего, их активная часть в лице машин и оборудования [2, 3, 8]. Однако, в нашей работе мы сосредоточимся на анализе основных фондов предприятия, прежде всего, машин и оборудования.

Здесь необходимо отметить, что структура основных фондов оказывает существенное влияние на результаты деятельности и финансовое состояние предприятия, поэтому важно изучить те изменения, которые произошли в структуре основных фондов, для чего, в свою очередь, требуется соответствующее учетное, статистическое и аналитическое обеспечение. На уровне отдельно взятой фирмы знание о реальном положении дел требуется для проведения сбалансированной, адресной и экономически обоснованной политики управления основным производственным капиталом [2, 3, 4].

Также необходимо информационно-учетное (статистическое) обеспечение государственных органов власти информацией о составе основных средств предприятия с целью формирования адекватной промышленной политики, интегрирующей оптимальные стратегии развития отраслей, в свою очередь, коррелирующие со стратегическими планами развития фирм, которая будет рассчитана на основе данных, характеризующих реальные производственные возможности, а также действительную и потенциальную эффективность из использования.

При этом необходимо учитывать, что и бухгалтерская и статистическая отчетность выступают в качестве информационного базиса проведения экономического анализа, результаты которого, в свою очередь, уже закладывают основу принятия управленческих решений на уровне фирмы, отрасли, государства [1, 5].

Проблемы учетно-аналитического обеспечения управления

При проведении экономического анализа в рамках предприятия, помимо информации, содержащейся в финансовой отчетности, возможно также использование информации, содержащейся в первичной документации, однако, экономико-статистический анализ, в свою очередь, как правило, проводится на базе данных статистической отчетности и, иногда, на базе данных бухгалтерской финансовой отчетности. Сложность в данном случае заключается в недостаточности имеющейся информации для принятия управленческих решений, касающихся использования и/или развития/реструктуризации основных фондов на уровне государства и отрасли, а также на уровне предприятия при отсутствии предварительного анализа на основе данных первичной документации [6].

Причины подобной ситуации заключаются в следующем. В экономическом анализе существуют группы традиционно используемых показателей, на базе которых определяется состояние и эффективность функционирования основных фондов предприятия. При этом они тесно связаны с конечными результатами деятельности предприятия. В качестве конечных результатов коммерческой и производственной деятельности выступают выручка и прибыль, а мерилем ее эффективности является рентабельность. В свою очередь, мерилем эффективности функционирования производственного оборудования является фондорентабельность оборудования [2, 4, 6].

В начале анализа влияния основных средств на конечные результаты деятельности коммерческой организации следует выявить структуру фондоотдачи по балансовой и остаточной стоимости. В экономическом анализе существует такой показатель, как ресурсоемкость выпуска продукции. Однако для определения влияния на конкурентоспособность продукции и, в конечном счете, на конкурентоспособность фирмы активной части основных фондов и, прежде всего, производственного оборудования, необходимо проведение анализа, в том числе, в разрезе каждой единицы производственного оборудования.

Исходя из понимания ресурсоемкости выпуска продукции, следует вывод о необходимости формирования оптимальной структуры основных средств предприятия для максимизации его конкурентоспособности (в контексте производственной составляющей). Оптимальная структура основных средств, это такая структура, которая характеризуется максимальной ресурсоотдачей и отдачей основного оборудо-

вания в сочетании с максимальным уровнем фондорентабельности. Задача формирования оптимальной структуры основных средств влечет за собой необходимость решения двух последующих задач – формирование учетного инструмента – учета и оценки стоимости основных средств, соответствующей принципу ресурсоэффективности, и введение в анализ соответствующих показателей, характеризующих отдачу оборудования на единицу стоимости и на единицу потребленных ресурсов.

Основные проблемы, связанные с недостаточностью информации для учетно-аналитического обеспечения процесса принятия управленческих решений, сведены нами в таблицу.

Таблица

Проблемы и возможные решения, связанные с нехваткой учетно-аналитической информации для управления фирмами и отраслями в условиях турбулентной экономики

Уровень	Проблема	Предложение	Элементы новизны
Фирмы	На предприятии нет данных, которые позволяют оценить реально отработанное время работы оборудования и его фактическую выработку в разрезе отдельных единиц оборудования	Можно рекомендовать сформировать и внедрить на предприятии систему электронного учета наиболее существенных параметров работы оборудования	Ввести такие учетные инструменты, как карточки учета времени работы оборудования. Данные карточки должны вестись автоматически, и данные в них должны записываться исходя из параметров включения единицы оборудования в питающие электросети и потребляемой мощности
	Необходимо рассчитывать и отслеживать уровень ресурсопотребления оборудования по сравнению с ведущими аналогами	Введение в учетную политику предприятия положения о периодической переоценке и технологическом освидетельствовании наиболее значимой части машин и оборудования	Ввести такие учетные инструменты, как индивидуальные паспорта оборудования для наиболее значимой части машин и оборудования, ведущиеся в электронном виде и обновляемые не реже, чем ежегодно
	Трудно отследить в структуре основных производственных фондов (ОПФ) фирм долю оборудования, позволяющую выпускать продукцию, соответствующую уровню «новых» технологий	Введение в учетную политику предприятия положения об учете разных типов оборудования на различных субсчетах и о периодическом освидетельствовании наиболее значимой части машин и оборудования относительно его соответствия «новым» технологиям	Разделение учета технологического оборудования, ведущегося в электронной форме. Введение новых форм в статистическую отчетность предприятия, позволяющих отследить уровень устаревания технологического оборудования
Фирмы и отрасли	Трудно отследить выпуск продукции по «старым» и по «новым» технологиям в разрезе организаций отрасли	Введение в методику статистического учета параметров, позволяющих отследить динамику выпуска продукции фирмами отрасли	Внедрение в учетно-статистический инструментарий национальной, региональной статистики параметров, позволяющих отследить выпуск продукции в разрезе отдельных фирм и отнесения их продукции к новым или старым технологиям
	Отслеживание долей оборудования в фирмах, количества фирм и части выпускаемой продукции, соответствующих стандартам зеленой экономики	Внедрение в систему национального статистического учета параметров, позволяющих отслеживать доли оборудования в фирмах, количества фирм и части выпускаемой продукции, соответствующих стандартам зеленой экономики	
	Трудно отследить динамику занятых в отрасли и в отдельных фирмах этой отрасли с учетом замены живого труда роботами	Требуется разработка методики статистического учета и анализа, позволяющей не только отследить количество занятых и уровень текучести кадров в отрасли (такие методики и учетное обеспечение имеется), но и, что самое главное, уровень наличия и текучести кадров с учетом замены труда живого трудом информационных систем и роботов	
Отрасли	Сложно оценить динамику инноваций в отрасли	Необходимо внедрить систему статистического учета инноваций не только в региональном, но и в отраслевом разрезе	

Стоимостная оценка производственного потенциала

Вопрос определения вида стоимости оборудования, которая будет закладываться в основу аналитических расчетов, является наиболее важным и принципиальным. С точки зрения современного отчетственного учета и ПБУ 6/01, учет основных средств на предприятии ведется по остаточной стоимости. Вместе с тем, учет основных средств в части производственного оборудования, ведущийся в соответствии с имеющимися требованиями, не дает информации, необходимой для принятия управленческих решений, связанных использованием данного оборудования, его обновлением, а также влиянием на конкурентоспособность фирмы.

Рассмотрим недостатки учета и анализа оборудования по остаточной стоимости с точки зрения формирования информационной основы для принятия управленческих решений. Основным недостатком в данном случае является фактическое отсутствие связи учетной стоимости оборудования с его рыночной стоимостью и техническим состоянием. Также проблемой здесь является необходимость периодических переоценок оборудования. Рассмотрим недостатки, связанные с традиционной переоценкой оборудования: отсутствие информации о реальных производственных возможностях оборудования, что влечет необходимость введения коэффициента устаревания основных фондов, который связан со стоимостью, ресурсопотреблением и эффективностью выпуска.

Имеются также сложности с получением информации о начислении и использовании амортизационных средств. Это связано с тем, что по своей сути счет 02 является пассивным (сальдо по кредиту счета отражается в активе баланса, но со знаком минус). Суммы начисленной амортизации являются собственными средствами предприятия и могут выступать в качестве источников финансирования (возобновления – приобретения новых объектов основных средств взамен выбывших). Однако, в бухгалтерском учете использование сумм начисленного износа на возобновление основных средств никак не отражается [7].

Другой вопрос связан с определением динамики фондорентабельности в ситуации расширения или переориентации, в том числе, частичной, производства. Фондорентабельность – коэффициент, рассчитываемый как отношение балансовой прибыли к сумме среднегодовой балансовой стоимости основных производственных средств. Данными для его расчета служит бухгалтерский баланс. Показатель рассчитывают в процентах. Ростом показателя фондорентабельности в динамике характеризуется более эффективное использование основных средств, а снижение данного показателя в динамике при одновременном увеличении фондоотдачи говорит о росте затрат предприятия. В случае перехода организации на выпуск новых товаров или освоение новой технологии, снижение показателя оправдано, так как это требует больших объемов инвестиций, от которых отдача происходит не сразу [9, 10, 11].

Дополним картину проведения анализа экономического положения фирмы, оценив динамику стоимости основных фондов традиционным способом – по соотношению первоначальной и остаточной стоимости. Это теоретически позволяет нам понять уровень изношенности основных фондов с учетом выбранного способа амортизации. Но, при этом необходимо учитывать, что уровень изношенности элементов основных фондов по данным бухгалтерской отчетности не будет соответствовать таковому по техническому состоянию. Для оценки последнего нам необходимо иметь информацию о реальной выработке продукции и отработке в часах каждой единицы оборудования. Наличие данной информации особенно важно для принятия управленческих решений по машинам и оборудованию.

В качестве способа разрешения данной ситуации возможно введение управленческого учета по справедливой стоимости. Однако, в данном случае возникнет вопрос определения справедливой стоимости. Если вести налоговый учет по остаточной стоимости, а управленческий – по рыночной стоимости, в соответствии с западной концепцией, где, зачастую, между рыночной стоимостью и справедливой стоимостью ставится знак равенства, то необходимо учитывать, что в условиях искаженных рыночных стимулов, характерных для отечественной действительности, рыночная стоимость далеко не всегда является справедливой [11].

В частности, рыночная стоимость не является справедливой стоимостью в силу следующих факторов: наличие асимметрии информации на реальных рынках; искажение рыночных сигналов, воздействующих на спрос и предложение на реальных рынках; деформации механизма конкуренции, связанные с отличием процессов функционирования реальных рынков от модели идеальной конкуренции.

Рыночная стоимость также не может выступать критерием принятия управленческих решений в связи со следующими причинами: рыночная стоимость далеко не всегда отображает особенности данного оборудования, характеризующие его показатели, существенно влияющие на конкурентоспособность фирмы; производительность; ресурсопотребление; необходимость в обслуживании – то есть стоимость его текущей эксплуатации; параметры, связанные с необходимостью присутствия оператора/операторов в ходе эксплуатации оборудования (в частности, зарплатоёмкость обслуживания данного оборудования) [7, 8, 12].

Соответственно, справедливая стоимость должна определяться с учетом следующих параметров:

- реальной производительности оборудования и его энергопотребления (ресурсопотреблением и ресурсоэффективностью) с учетом имеющихся аналогов и морального износа;
- техническим состоянием оборудования и имеющимся физическим износом;
- качеством исполнения данного оборудования в сравнении с имеющимися на рынке аналогами;
- ресурсом данного оборудования в сравнении с имеющимися на рынке аналогами;
- трудоемкостью и ресурсоемкостью обслуживания данного оборудования;
- экологическими параметрами данного оборудования по сравнению с имеющимися аналогами.

Более подобно вопросы, связанные с определением параметра справедливой стоимости, мы рассмотрим в наших следующих публикациях.

Заключение

Таким образом, мы приходим к необходимости ведения двойного учета, основанного на двух разных видах стоимости, направленных на удовлетворение двух разных целей: в целях налогообложения – налогового учета, а в целях принятия управленческих решений – управленческого учета. При этом, соответственно, виды стоимости определяются целями формирования и функционирования каждой из учетных систем: ведение учета по остаточной стоимости необходимо в целях налогообложения; ведение учета по справедливой стоимости требуется управленческому аппарату фирмы в целях принятия управленческих решений

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббасов С.А. Эффективное управление денежными потоками как важный рычаг финансового менеджмента // Российское предпринимательство. 2013. Том 14. № 14. С. 84-90.
2. Арабян Э.К. Диагностика как инструмент прогнозирования финансовой неустойчивости предприятия // Российское предпринимательство. 2011. Том 12. № 12. С. 21-24.
3. Вертакова Ю.В., Пирогова О.Е., Плотников В.А. Оценка и управление стоимостью предприятия. Курск: Изд-во ЮЗГУ, 2017. 160 с.
4. Деряга С.И. Управленческий и финансовый анализ как информационная база анализа предпринимательской деятельности некоммерческой медицинской организации // Российское предпринимательство. 2010. Том 11. № 5. С. 110-113.
5. Измestьева Е.А. Экспресс-оценка обобщенного показателя финансового состояния компании-реципиента // Российское предпринимательство. 2013. Том 14. № 8. С. 18-26.
6. Макаров И.Н., Морозова Н.С., Моисеева И.И. Финансовая устойчивость компании в условиях турбулентной экономики: учетно-аналитическая проблематика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3 (117). С. 39-44.
7. Меркулова Е.Ю., Морозова Н.С., Самойлова Т.Д., Шамрина И.В. Бухгалтерский управленческий учет. Тамбов, 2017. 737 с.
8. Николаева В.Е. Классификация организаций по уровню их финансового состояния и эффективности осуществления деятельности с использованием метода балльной оценки // Российское предпринимательство. 2012. Том 13. № 17. С. 59-64.
9. Павлов А.Ю., Бондин И.А., Павлова Д.Ю. Повышение финансового потенциала компании на основе реализации инвестиционной стратегии // Российское предпринимательство. 2017. Том 18. № 20. С. 2993-3002.
10. Петровская М.В., Суханов И.В. Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости предприятий производственного сектора // Российское предпринимательство. 2016. Том 17. № 4. С. 483-490.
11. Пирогова О.Е. Базовые показатели многоуровневой модели фундаментальной стоимости предприятий сервиса // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 1 (39). С. 23-28.
12. Пирогова О.Е., Плотников В.А. Прогнозирование развития предприятия на основе динамической модели роста стоимости // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2 (104). С. 101-107.

Дмитриева Г.С.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье представлены и систематизированы направления внедрения цифровых технологий в банковском секторе, выделены отдельные цифровые банки. Приведены перспективы их развития. Начало периода цифровизации банковских услуг связывается с использованием каналов дистанционного банковского обслуживания. Обозначенная в работе классификация цифровых банков учитывает зарубежный опыт внедрения цифровых технологий в банковский сектор экономики. Автором отмечаются преимущества использования цифровых технологий.

Ключевые слова. Цифровизация, цифровые технологии, интернет-банкинг, мобильный банкинг, цифровые банки, необанки.

Dmitrieva G.S.

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE BANKING SECTOR OF ECONOMY

Abstract. The article is presented and systematized the directions of the introduction of digital technologies in the banking sector, highlighted individual digital banks. The prospects of their development are given. The beginning of the digitalization period for banking services is associated with the use of remote banking channels. The classification of digital banks outlined in the work considers foreign experience in introducing digital technologies in the banking sector of the economy. The author notes the benefits of using digital technology.

Keywords. Digitalization, digital technologies, internet banking, mobile banking, digital banks, neobanks.

Введение

В современной экономике цифровые технологии приобретают все более широкое применение. Они становятся доступнее за счет использования электронных устройств – планшетов и персональных компьютеров. Переход в сферу цифровых технологий приводит к существенному сокращению издержек и повышению эффективности хозяйственной деятельности. Анализ исследований и публикаций по проблеме цифровизации [1] банковского сектора позволяет сделать вывод об увеличении степени использования цифровых технологий коммерческими банками.

Цель статьи – рассмотреть и систематизировать направления внедрения цифровых технологий в деятельность коммерческих банков, обосновать перспективы их развития.

Дистанционное банковское обслуживание

С 1995 г. в мировой банковской практике впервые нашла применение оптимизация бизнес-процессов посредством использования дистанционных систем обслуживания (ДБО), обеспечивающая взаимодействие финансовых организаций и их клиентов. Переход в сферу интернет-пространства позволил банковской отрасли существенно сократить издержки и повысить эффективность хозяйственной деятельности.

ГРНТИ 06.73.55

© Дмитриева Г.С., 2020

Галина Сергеевна Дмитриева – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики высокотехнологичных производств Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

Контактные данные для связи с автором: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67 (Russia, Saint-Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67) Тел.: +7911 9236764. E-mail: dmitrieva.g@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 22.01.2020.

В настоящее время к системе ДБО относят, например, систему «Клиент-банк», мобильного и интернет-банкинга [2]. Мобильный банкинг – это управление банковским счетом с помощью планшетного компьютера (iPad, HTC Flyer, Samsung Galaxy Tab и пр.), смартфона или обычного телефона. Как правило, для работы мобильного банкинга требуется установить специальное приложение. Выбор данных инструментов бизнес-технологий обусловлен потребностью эффективности капиталовложений в их создание, внедрение и увеличение оборотов банка. Отдавая предпочтение системе ДБО, банки учитывали ряд факторов: эффективность использования услуг, рентабельность системы.

В частности, широкое применение получила программа «Клиент-банк», в рамках которой юридические лица могли дистанционно открывать счет с использованием электронно-цифровой подписи (ЭЦП). Программа «Клиент-банк» работает через веб-интерфейс, но, кроме нее, есть отдельные программы, связывающиеся с сервером банка. Программный комплекс «Клиент-банк» позволяет клиенту совершать операции по счету, обмениваясь документами и информацией без посещения офиса кредитной организации. Обмен информацией происходит через телефон и компьютер. Подобная система имеет несколько уровней защиты и использует, как уже упоминалось, ЭЦП, логин и пароль. Вся информация шифруется.

На главной странице размещается полная информация о текущем состоянии всех счетов, которые открыты в банке. Это могут быть расчетный и валютный счета, остатки по размещенным депозитам, полученным кредитам. При переходе по пунктам меню обеспечивается доступ к выпискам по каждой из этих позиций в отдельности, в том числе по наличию пластиковых карт, выданных организации, денежных средствах, условиях, сроках размещения, графике предстоящих платежей по кредиту, выписки по счетам. Кроме того, здесь формируются платежные поручения в банк. Платежные реквизиты можно сохранять. Платежи осуществляются в рублях и в иностранной валюте.

Из этого раздела проводятся и конверсионные операции. Все данные по первичным документам могут быть загружены из бухгалтерской программы, например, «1С». Выписки, полученные в результате операций, могут поступать обратно, непосредственно в бухгалтерию организации. Для расчета по заработной плате предназначена отдельная вкладка. В одном месте собраны данные о сотрудниках, начислениях. Все это сгруппировано в платежные ведомости. Поскольку удаленный, дистанционный доступ к счету – это платная услуга банка, то, отдавая ей предпочтение, организации руководствуются количеством совершаемых операций.

Проблема заключается в работе серверов, которые имеют доступ к внутренней сети самого коммерческого банка, т.к. возникает большая степень риска совершения ошибки, чем на информационном уровне, и нужно вводить дополнительную систему контрольных мер. Система «Клиент-банк» может предусматривать установку и загрузку большого объема программ на компьютер компании-клиента. Это – классическая модель интернет-банкинга [3].

Мобильный банкинг для физических лиц

Помимо системы «Клиент-банк», с использованием цифровых технологий банки внедрили интернет-банкинг, позволяющий физическому лицу не выходя из дома открывать и закрывать счета (накопительные, текущие, депозитные в различных валютах), совершать внутрибанковские и межбанковские переводы, конвертировать средства из одной валюты в другую по более выгодному курсу, чем при купле-продаже валюты в кассе банка.

Дополнительно программа мобильного банка позволяет оценить свои возможности по накоплению средств на какую-то конкретную цель (например, приобретение автомобиля). Указав данные по стоимости того, на что производятся накопления, клиент запускает специальную программу. Программа рассчитает сумму, которую нужно ежемесячно откладывать, предложив оптимальный вид вклада и определив, за какой период клиент с учетом начисленных процентов сможет накопить нужную сумму.

Кроме того, в мобильном банке используется технология по распознаванию QR-кода или штрих-кода на квитанциях ЖКУ и ФНС, штрафах ГИБДД и платежных документах по оплате других услуг. При установленном мобильном банке для оплаты на кассе достаточно навести камеру телефона на QR-код или штрих-код, и приложение автоматически считывает информацию. Затем потребуется подтвердить оплату или вход, выбрать счета списания и проверить правильность заполненных полей. Можно оплачивать квитанции, сохраненные в телефоне, используя опцию «Сканирование

из файла». Достаточно открыть квитанцию из фотогалереи или файлов мобильного телефона и отсканировать ее.

Мобильный банк дает возможность дистанционно оформить заявку на получение кредита наличными, открывать различные виды пластиковых карт. Удобное меню интерфейса интернет-банка позволяет получить выписку со счетов, отражает суммы остатков по ним, сумму кешбэка. Кроме того, ряд банков используют премиальную систему, которая позволяет накапливать баллы и расходовать их на различные покупки. Для их отражения на бонусном счете и расходования может быть установлено отдельное мобильное приложение.

Направления развития интернет-банкинга

Виды интернет-банкинга можно сгруппировать по нескольким направлениям: информационной, коммуникационной и операционное [3]. Информационный интернет-банкинг направлен на получение клиентами информации о банковских услугах. Банк может оценить эффективность своей деятельности, а клиенты могут получить всю необходимую информацию о банке и его услугах при минимальном объеме затрат на это. Операционный интернет-банкинг позволяет клиентам выполнять транзакции, которые могут включать доступ к счетам, осуществление платежей и т.д. Коммуникационный интернет-банкинг осуществляет начальный контакт между банковской системой и клиентом. Он может ограничиваться информацией о состоянии счетов, подачей заявления на предоставление кредита или обновлением информации о клиенте.

Технологии искусственного интеллекта в банковском секторе одним из первых в России стало внедрять ПАО «Сбербанк». Искусственный интеллект частично заменил функции банковского юриста. Специалисты этого профиля могут потребоваться только при возникновении внештатных ситуаций, при которых невозможно запрограммировать алгоритм действий. Кроме того, искусственный интеллект позволяет по нейронной сети проводить анализ предпочтений клиентов по более чем 1 тыс. параметров, в результате чего на главной странице приложения в формате карточек будут отображаться функции, которые чаще всего использует клиент. По данным за 2018 г., «Сбербанк Онлайн» смог войти в пятерку приложений с самой большой активностью в России, наравне с WhatsApp, Viber, Instagram [4].

Помимо отдельных технологий, перешедших в цифровое поле, ряд банков полностью переводят свой функционал и реализуют свой бизнес посредством цифровых каналов. Поэтому их называют «цифровые банки». Рассматривая зарубежный опыт, отметим, что рынки банковских услуг Сингапура, Южной Кореи, Гонконга достигли наивысшего уровня цифровизации. Облачные, мобильные и аналитические системы как разновидности цифровых технологий приводят к появлению новых участников на мировом банковском рынке. Этому во многих странах мира содействует изменение законодательства.

Виды цифрового банкинга

Многие цифровые компании, оказывающие финансовые услуги, используют более гибкие бизнес-модели. Например, китайская интернет-компания создала WeBank. Лидирующие компании Европы, такие как Tesco, и компании в Азии и США (например, Rakuten и Walmart) также пробуют себя в банковском секторе. Аналитики IBM в отчете «Designing a sustainable digital bank» обозначили четыре группы небанков в зависимости от типа их развития [5]. Рассмотрим эти группы.

1. Группа «Digital bank brand». Дословно это переводится как «бренд цифрового банка». В компанию входят цифровые банки, созданные крупными традиционными банками, не поменявшими свой бренд из-за риска потери клиентов. В качестве примера таких банков можно назвать FRANK и LXXA. Первый создан дочерней компанией сингапурского OCBC, а второй – CaixaBank. Из российских к ним можно отнести банки: «РокетБанк» (Рокетбанк КИВИ Банк (АО)), АО «Точка» (является совместным предприятием ПАО Банк «ФК Открытие» и платёжного сервиса Qiwi).

2. Группа «Digital bank channel». К ней относятся банки с цифровыми дистанционными каналами и компании, которые считают, что пользовательский опыт необходимо использовать при создании новых мобильных и онлайн-приложений. Например, к ним относятся американские Simple и Moven, Riyad Bank (Саудовская Аравия), Talkbank (Россия). Создан виртуальный сервис, позволяющий управлять финансами при помощи чат-бота в мессенджерах Вконтакте, WhatsApp, Facebook, Telegram, Viber и голосового помощника «Алиса». Пользователям сервиса российских банков, отно-

сящихся к группе «Digital bank channel», доступно оформление карт с различными пакетными условиями. Для управления картой необходимо привязать ее в чат-боте к своему аккаунту. Выпуск карт и функцию оператора персональных данных осуществляют банки-партнеры.

3. Группа «Digital bank subsidiary». Это цифровые дочерние компании традиционных банков. Помимо цифровых каналов, они используют гибкие и модульные внутренние системы (agile and modular), которые могут предоставить клиентам возможность оптимизировать сквозное взаимодействие. Внутренние системы позволяют цифровым банкам внедрять инновации на уровне готового продукта. Сюда относят цифровые банки, созданные крупными классическими банками, например, Hello Bank (дочерняя компания BNP Paribas, Бельгия), Bank Mobile (Customers Bank, Великобритания), CBD Now (Commercial Bank of Dubai, ОАЭ), Finn (Chase, США), First Direct (HSBC, Великобритания), GoBank (Green Dot, США), Meshreq Neo (Meshreq, ОАЭ), Pepper (Bank Leumi, Израиль), Simple (BVVA Compass, США), Simplii (CIBC, Канада) [6], Touchbank (АО «ОТП Банк», Россия), «ДелоБанк» (ПАО «СКБ-банк», Россия). Так, «ДелоБанк» создан на современной ИТ-платформе для дистанционного управления финансами предприятия. Большинство административных процессов у него автоматизированы. По данным агентства Markswebb, банк занял 2-е место по оценке эффективности для индивидуальных предпринимателей и 3-е место для торгово-сервисных предприятий [7].

4. Группа «Digital native bank». Дословно переводится как «настоящий цифровой банк». Это полноценные банки, которые строят свои основные ценностные предложения вокруг цифровых технологий. У таких банков не всегда отсутствует офис, однако в основном они взаимодействуют с клиентами по цифровым каналам. Филиалов у таких банков может не быть: часть из них работают с клиентами в финансовых центрах, кафе или общаются в чатах мобильных устройств. Например, это немецкий Fidor Bank и канадский Tangerine, американский Ally Bank, сберегательный онлайн-банк Atom bank (Великобритания), АО «Тинькофф Банк», АО КБ «Модульбанк». К каждой из предложенных экспертами категорий можно отнести хотя бы одного участника необанковского сектора.

Наибольший спрос среди банков, активно развивающих цифровые технологии, приходится на финтех-стартапы (стартапы в области финансовых технологий), то есть на использование тех бизнес-технологий, которые могут привести к ускорению обслуживания клиентов и сокращению операционных издержек. И для этих целей создаются необанки, являющиеся драйверами развития финтех-отрасли.

В российской практике можно выделить еще одну группу. К ней относятся некредитные организации, которые занимают долю на рынке необанкинга в сегменте платежных операций. Примером является компания «Яндекс.Деньги» (ООО НКО «Яндекс.Деньги»). Компания имеет лицензию на осуществление банковских операций со средствами в рублях и иностранной валюте для расчетных небанковских кредитных организаций [8]. Финансовые компании, которые занимают долю на рынке необанкинга, выполняющие платежные операции, могут совершать расчетно-кассовые операции, эквайринг, выпускать карты посредством цифровых каналов. Спектр их услуг значительно ограничен. Таким организациям не нужен банк-партнер, имеющий развитую инфраструктуру.

Наиболее успешными в России стали организации, входящие в группу «Digital native bank», т.к. их деятельность оказалась наиболее рентабельной.

Заключение

Подводя итог, отметим значительность масштабов и разнообразие направлений внедрения цифровых технологий в банковскую отрасль. Оценивая перспективы развития цифровизации банковской деятельности в России, в будущем можно рассчитывать на рост объема цифровизации бизнес-процессов классических банков, поскольку это позволит существенно сократить их издержки как хозяйствующих субъектов рыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова А.В., Курушина Д.Е. Бесфилиальный банкинг как разновидность дистанционного банковского обслуживания // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях / Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. Брянск, 2018. С. 309-313.
2. Чен Ричард Инсик, Петров А.Я., Торбеев Е.И., Лимарев П.В. Цифровые технологии в банковской сфере. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-bankovskoy-sfere-gossiyskiy-i-mirovoy-opyt> (дата обращения 30.12.2019).

3. *Цхададзе Н.В.* Развитие системы дистанционного банковского обслуживания: деньги уходят в онлайн // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 357-364.
4. *Ломская Т.* Сбербанк внедрил искусственный интеллект в мобильное приложение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/18/07/2019/5d2f3a809a79470f1a2399f6> (дата обращения 28.12.2019).
5. *Михеева А.* Россия вошла в топ-5 лидеров цифрового банкинга в Европе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/17/04/2018/5ad473779a7947ebfc5fa05e> (дата обращения 01.10.2019).
6. 25 Digital-Only Banks to Watch. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thefinancialbrand.com/69560/25-direct-online-digital-banks> (дата обращения 29.12.2019).
7. Интернет-сервис ДелоБанка в первый год работы уже занял второе место в рейтинге Markswebb. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3772217> (дата обращения 20.12.2019).
8. Официальный сайт Банка России: Информация по кредитным организациям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/credit/coinfo.asp?id=512007244> (дата обращения 11.01.2020).

Гнездилов Ю.В., Литвиненко А.Н.

**ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ РЫНОК И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ КАК ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: ПОНЯТИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

***Аннотация.** В статье критически анализируются научные определения понятия «потребительский рынок», раскрывается классификация преступлений, совершаемых на потребительском рынке, обосновываются авторские определения понятий «потребительский рынок» и «преступления на потребительском рынке» в качестве основы для научного исследования криминализации экономических отношений как деструктивного фактора обеспечения экономической безопасности страны.*

***Ключевые слова.** Экономическая безопасность страны, криминализация экономических отношений, потребительский рынок, преступления на потребительском рынке.*

Gnezdilov Yu.V., Litvinenko A.N.

**CONSUMER MARKET AND CRIMES IN THE CONSUMER MARKET
AS ECONOMIC SAFETY FACTORS: CONCEPTS AND CLASSIFICATION**

***Abstract.** The article critically analyzes the scientific definitions of the concept of «consumer market», reveals the classification of crimes committed on the consumer market, substantiates the author's definitions of the concepts «consumer market» and «crimes on the consumer market» as the basis for a scientific study of the criminalization of economic relations as a destructive factor in ensuring economic country safety.*

***Keywords.** The economic safety of the country, the criminalization of economic relations, the consumer market, crimes in the consumer market.*

Введение

Криминализация экономических отношений является одной из главных угроз национальной безопасности России в области экономики, препятствующих обеспечению экономического роста страны [6]. При этом неблагоприятная динамика развития экономики, снижение качества потребительских товаров и оказываемых населению услуг угрожают качеству жизни российских граждан [6]. Противодействие указанным угрозам обуславливает необходимость принятия жестких мер, направленных против экономической преступности, в том числе преступности, связанной с потребительским рынком.

Как показывает официальная статистика МВД России, наметившаяся четыре года назад тенденция к снижению уровня преступности на потребительском рынке не смогла сохранить направление своей

ГРНТИ 06.56.21

© Гнездилов Ю.В., Литвиненко А.Н., 2020

Юрий Владимирович Гнездилов – соискатель кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России.

Александр Николаевич Литвиненко – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России.

Контактные данные для связи с авторами (Литвиненко А.Н.): 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1 (Saint-Petersburg, Letchika Pilyutova str., 1). E-mail: lanfk@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 28.10.2019.

динамики. В 2015-2018 гг. число выявленных за год преступлений, связанных с потребительским рынком, составило 11 199, 9 842, 9 818 и 10 182, соответственно. Такие данные свидетельствуют о недостаточной эффективности обеспечения экономической безопасности страны в части защиты прав и законных интересов участников потребительского рынка от преступных действий и необходимости проведения анализа причин и условий развития преступности в этой сфере национальной экономики, тщательного обоснования мер по снижению ее уровня.

Теоретические основы исследования

Научное исследование любого экономического явления начинается с определения основных понятий, составляющих его содержание. Когда речь идет о криминализации экономических отношений на потребительском рынке, базовыми понятиями этого явления являются «потребительский рынок» и «преступления на потребительском рынке». Очевидно, что первичным в этой паре понятий является «потребительский рынок». Следовательно, вначале надо определить его содержание, на основе которого затем сформулировать определение понятия «преступления на потребительском рынке».

В экономической науке нет единого определения понятия «потребительский рынок». Авторы раскрывают его содержание, по-разному ограничивая перечень субъектов потребительского рынка, отношения между ними и виды предметов потребления. Так, в Современном экономическом словаре приводится следующее определение этого понятия: «Рынок потребительский – отдельные лица и домохозяйства, приобретающие товары и услуги для личного потребления» [8]. Давая столь лаконичное определение и ограничивая перечень субъектов рынка только потребителями товаров и услуг, авторы, по сути, исключают из рассмотрения экономические отношения между потребителями и продавцами, а также производителями и продавцами предметов личного потребления.

Однако преступления, совершаемые на потребительском рынке, являются проявлением таких отношений, из чего следует, что, рассматривая потребительский рынок как место совершения преступлений, необходимо включать в круг рассмотрения всех участников, связанных с производством и реализацией предметов личного потребления. И это касается не только продажи товаров и оказания услуг, но и выполнения работ, результаты которых предназначены для личного потребления, поскольку они также являются предметом экономических отношений на потребительском рынке и представляют собой самостоятельный вид предметов потребления.

По мнению Г.М. Гукасян, потребительский рынок – это «совокупность экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями по поводу реализации предметов индивидуального потребления (потребительских товаров и услуг)» [1, с. 221]. Автор этого определения также исключает из субъектов потребительского рынка производителей предметов потребления, а из экономических отношений – производственные процессы. Вместе с тем, когда речь идет о преступлениях на потребительском рынке и обусловленном ими ущербе, причиной этого ущерба могут быть не только преступные действия продавцов, но и преступления, совершаемые в процессе производства предметов потребления. Кроме того, как уже отмечалось, ограничение процессов потребления только потреблением товаров и услуг, без рассмотрения как самостоятельного вида предметов потребления результатов выполненных работ, представляется некорректным.

Авторы энциклопедического справочника «Продовольственная безопасность: термины и понятия» дают более широкое и детальное определение потребительского рынка, полагая, что это «система экономических, социально-психологических и иных отношений между товаропроизводителями, продавцами, потребителями и другими участниками рынка, возникающих в процессе обмена товарами для личного потребления» [2, с. 353]. Наряду с недостатками, присущим указанному выше определению, в данном определении оставлены открытыми границы отношений между субъектами потребительского рынка в части их разновидностей, что делает определение «размытым». На наш взгляд, рассматривая потребительский рынок как экономическое явление и как место экономических преступлений, следует ограничить эти отношения экономической сферой.

Примечательно, что в действующем законодательстве России не содержится определение потребительского рынка. Так, в законе РФ «О защите прав потребителей», который регулирует отношения между потребителями и их контрагентами, права потребителей и защиту их интересов, в качестве основных понятий указываются лишь субъекты, участвующие в продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), и характеристики предметов потребления, имеющие существенное значение в кон-

тексте защиты прав потребителей, но определение и даже упоминание потребительского рынка в законе отсутствуют.

Впрочем, это не мешало использовать словосочетание «потребительский рынок» без дополнительного определения или пояснения в подзаконных нормативных правовых актах. Среди таких актов, ныне утративших юридическую силу, можно отметить постановления Правительства РФ «О мерах по защите потребительского рынка Российской Федерации от проникновения некачественных импортных товаров» и «О мерах по стабилизации потребительского рынка Российской Федерации» [5, 7].

Преступления на потребительском рынке

В Уголовном кодексе (УК) РФ ответственности за совершение преступлений на потребительском рынке посвящены четыре главы [9]:

1) глава 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», статья 146 (нарушение авторских и смежных прав);

2) глава 21 «Преступления против собственности», статьи 158 (кража), 159.3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа), 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием);

3) глава 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», статьи 171 (незаконное предпринимательство), 171.1 (производство, приобретение, хранение, перевозка и сбыт немаркированных товаров и продукции); 178 (ограничение конкуренции), 180 (незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)), 191 (незаконный оборот драгоценных металлов, природных камней и жемчуга);

4) глава 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», статьи 236 (нарушение санитарно-эпидемиологических правил), 237 (сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей), 238 (производство, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности), 238.1 (обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок).

Используемые в указанных статьях формулировки являются универсальными для экономических преступлений и применяются безотносительно того, совершаются эти преступления на потребительском рынке или, например, на рынке промышленных товаров, работ и услуг. Изданные после принятия УК РФ приказ МВД России от 22 июня 1999 года № 456 «О мерах по совершенствованию деятельности милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка товаров и услуг» и приказ МВД России от марта 2002 года № 199 «О дальнейшем совершенствовании деятельности милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка» последовательно определяли и уточняли, какие статьи УК РФ применяются в отношении преступлений, совершаемых на потребительском рынке, но при этом не раскрывали содержание самого понятия «потребительский рынок» [3].

Тем не менее, отнесение тех или иных видов уголовной ответственности к преступлениям, совершаемым на потребительском рынке, косвенно указывает на границы явлений и процессов, составляющих содержание этого понятия, а использование классификации этих преступлений позволяет точнее определить эти границы. Если сгруппировать преступления на потребительском рынке, ответственность за которые предусмотрена УК РФ, по видам участников рынка, на чьи права и законные интересы посягают эти преступления, то получится следующая классификация:

1) преступления, совершаемые в отношении продавцов и производителей товаров (исполнителей работ, услуг). Например, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием;

2) преступления, совершаемые в отношении потребителей товаров (работ, услуг). Например, производство, хранение, перевозка или сбыт товаров, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности;

3) преступления, совершаемые одновременно в отношении всех участников потребительского рынка. Например, ограничение конкуренции.

В зависимости от того, кем совершено преступление, следует различать преступления на потребительском рынке, совершенные производителями товаров, продавцами, исполнителями работ (услуг) и потребителями. Одновременно необходимо классифицировать преступления на потребительском рынке по видам экономических отношений, имеющих место между участниками рынка. Это могут быть отношения, связанные с производством товаров, их продажей, выполнением работ и оказанием услуг.

Заключение

Представленная классификация, а также результаты критического анализа научных определений понятия «потребительский рынок» позволяют сформулировать авторское определение этого понятия с позиций исследования экономических преступлений как деструктивного фактора обеспечения экономической безопасности страны. Потребительский рынок – это система экономических отношений, возникающих в связи с производством, исполнением или продажей предметов личного потребления (товаров, работ или услуг) между производителями, продавцами, исполнителями и потребителями предметов личного потребления и регулируемых законами или иными нормативными правовыми актами с целью обеспечения экономической безопасности страны.

Используя в качестве основы данное определение, можно сформулировать научное определение понятия «преступления на потребительском рынке». Преступления на потребительском рынке – это преступления, совершенные при производстве, исполнении или продаже предметов личного потребления (товаров, работ или услуг), посягающие на права и законные интересы участников потребительского рынка (производителей, продавцов, исполнителей или потребителей) и заключающиеся в нарушении участниками потребительского рынка законов или иных нормативных правовых актов, регулирующих экономические отношения между ними.

Предлагаемые определения понятий потребительского рынка и преступлений на потребительском рынке, а также классификация этих преступлений могут быть использованы для научного исследования криминализации экономических отношений на потребительском рынке как фактора, препятствующего экономическому росту Российской Федерации и обеспечению ее экономической безопасности, и стать основой для разработки научно обоснованных методов противодействия правоохранительных органов преступлениям, совершаемым на потребительском рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гукасьян Г.М.* Экономика от «А» до «Я»: тематический справочник. М.: ИНФРА-М, 2007. 480 с.
2. *Гусаков В.Г.* Продовольственная безопасность: термины и понятия: энциклопедический справочник. Минск: Белорусская наука, 2008. 535 с.
3. *Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш.* К вопросу о системе мониторинга в деятельности БЭП // Оперативник (сыщик). 2008. № 3 (16). С. 18-22.
4. О защите прав потребителей: Закон РФ № 2300-1 от 7 февраля 1992 года.
5. О мерах по защите потребительского рынка Российской Федерации от проникновения некачественных импортных товаров: Постановление Правительства РФ № 799 от 12 июля 1996 года.
6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683.
7. О мерах по стабилизации потребительского рынка Российской Федерации: Постановление Правительства РФ № 1190 от 12 октября 2010 года.
8. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 2 августа 2019 года.

ДИСКУССИЯ О СООТНЕСЕНИИ ПОНЯТИЙ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ» И «СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА»

Аннотация. Проблема высокого уровня дискусионности употребления базового понятийного аппарата касается и понятий «здравоохранение» и «социальная сфера», по которым нет достаточной четкости суждений не только на российском, но и на международном уровнях. В то же время, недостаток научной определенности создает риски формулирования неэффективных стратегических целей развития экономики здравоохранения. В связи с этим, актуальным становится определение направлений дальнейшего обсуждения данной проблемы с выходом на корректировку как российского, так и международного законодательства.

Ключевые слова. Здравоохранение, социальная сфера, междисциплинарный подход, международное законодательство, здоровье человека, устойчивое развитие

Chuyanov Yu.V., Rastova Yu.I.

DISCUSSION ON THE RELATIONSHIP OF THE «HEALTH CARE» AND «SOCIAL SPHERE» CONCEPTS

Abstract. The high level dubitability problem of the basic conceptual apparatus use also concerns the interaction of the concepts of the «health care» and the «social sphere», on which there is not enough clarity of the judgment not only at the Russian, but also at the international level. At the same time, the lack of the scientific certainty poses the risks of the formulating ineffective strategic goals for the development of the health care economy. In this regard, it becomes relevant to determine the directions for the further discussion of this problem with access to the adjustment of the Russian and international legislation.

Keywords. Healthcare, social services, multidisciplinary approach, international law, human health, sustainable development.

Введение

Связь здравоохранения со многими отраслями и рост спроса на качественные медицинские услуги определяют высокую актуальность и перспективность проблем экономики услуг здравоохранения для научных исследований. Должно ли здравоохранение развиваться по типу коммерческого социального сектора экономики («for-profit social ventures (FPSV)»)? Если приоритеты развития здравоохранения изменены, то по каким критериям следует теперь оценивать эффективность осуществляемых сюда инвестиций? [14]

Согласно теории управления бизнесом, коммерческая ориентация свидетельствует о большей компетентности менеджмента лечебных учреждений, которые (в отличие от бюджетных учреждений)

ГРНТИ 06.56.02

© Чуянов Ю.В., Растова Ю.И., 2020

Юрий Васильевич Чуянов – главный врач Детской стоматологической поликлиники № 46 Департамента здравоохранения города Москвы.

Юлия Ивановна Растова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Чуянов Ю.В.): 111399, г. Москва, Новогиреевская ул., д. 17 (Russia, Moscow, Novogireevskaya str., 17). Тел.: +7 903-727-25-01. E-mail: ot.markering2012@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 10.01.2020.

способствуют наполнению доходов бюджетов всех уровней. Однако, с позиций современных потребителей, наблюдаемая ориентация на прибыль организаций здравоохранения является негативным фактором [19, с. 29; 21]. Одним из предметов дискуссий, относящихся к экономике услуг здравоохранения, в этой связи, является соотношение между собой на научно-теоретическом, практическом и законодательном уровнях терминов «здравоохранение» и «социальная сфера».

Мировой опыт формирования терминологии в исследуемой предметной области

Если обратиться к международным нормативным правовым документам, то, например, в Декларации ООН «О международном экономическом сотрудничестве, в частности оживлении экономического роста и развития в развивающихся странах», услуги здравоохранения поставлены на первое место при перечислении именно социальных услуг, к которым, помимо здравоохранения, отнесены также питание, жилищное строительство, деятельность в области народонаселения и другие социальные услуги, имеющие, по трактовке ООН, «ключевое значение с точки зрения повышения благосостояния каждого человека и обеспечения успешного развития» [3].

В то же время, в других документах международного уровня услуги здравоохранения и социальные услуги названы как самостоятельные, а не соподчиненные. Например, в «Стандартных правилах обеспечения равных возможностей для инвалидов», различаются услуги здравоохранения, образования, занятости и социальные [18]. В п. 26 Резолюции № 56/261 Генеральной Ассамблеи ООН «Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» перечисляются как самостоятельные направления деятельности секторы юстиции, здравоохранения, образования, социальных услуг и жилищный сектор [15].

В «Международной стандартной отраслевой классификации всех видов экономической деятельности» (приложении к Конвенции № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения») выделяется раздел Q – «Деятельность в сфере здравоохранения и социальных услуг» [6]. Эта же классификация всех видов экономической деятельности приводится и в Конвенции № 121 Международной организации труда «Об обеспечении в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием» [7].

То есть, в этих пяти разных документах услуги здравоохранения отнесены к социальным услугам и к услугам, которые существуют отдельно от социальных, что указывает на международный аспект данной дискуссии. Ее можно продолжить, анализируя национальные законодательства. Так, в ст. 32 Конституции Республики Йемен также здравоохранение вместе с образованием отделено от социальных услуг [8]. А в п. 12 статьи 120 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов сказано, что Федерация обладает исключительными законодательными полномочиями и полномочиями в сфере исполнительной власти и в сфере здравоохранения, и в сфере медицинских услуг [9]. То есть в данной конституции медицинские услуги отделены от услуг здравоохранения в определенном теоретическом понимании.

Анализ российской терминологической практики

В рамках рассматриваемой дискуссии, уместно обратиться к структуре федерального бюджета Российской Федерации, в соответствии с которой здравоохранение не относится к расходам на социальную политику, а выделено в самостоятельную сферу оказания бюджетных и платных услуг (см. рис.).

На прикладном уровне государственное управление этими сферами – социальной сферой и сферой здравоохранения – длительное время осуществлялось в России как самостоятельными, а не соподчиненными сферами. Нынешнее Министерство здравоохранения Российской Федерации в 2004-2012 гг. имело название «Министерство здравоохранения и социального развития РФ», что свидетельствует о незавершенности научной дискуссии о том, относить ли сферу здравоохранения к социальной сфере или рассматривать ее в силу сложности и множественности вопросов как самостоятельный объект государственного управления, а также как самостоятельную сферу.

В исследованиях отечественных исследователей, как и в нормах международного и российского права, используется различный понятийный аппарат экономики услуг здравоохранения и социальной сферы. Т.В. Картавенко [5] и Ю.А. Кузнецова [11] относят услуги в сфере здравоохранения в своих диссертациях к социальным услугам (хотя на трактовках российского законодательства они не состоят в таком соподчиненном положении). Еще в целом ряде научных статей услуги сферы здравоохранения также отнесены к социальным [2, 4, 10 и др.].

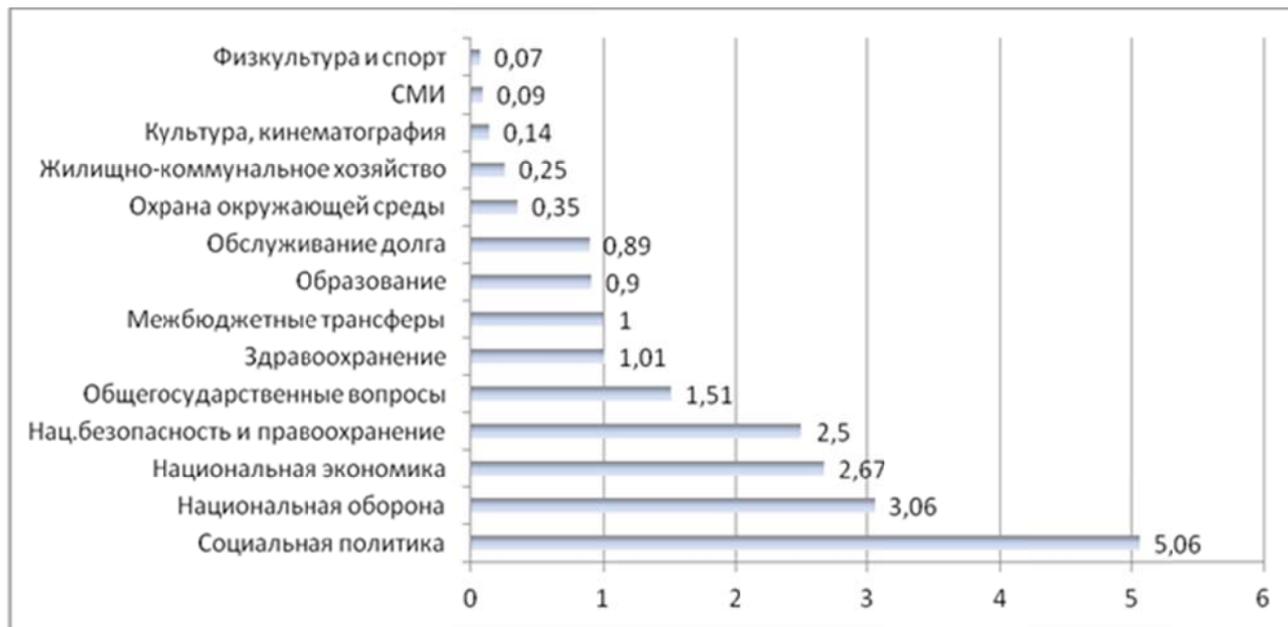

Рис. Структура расходов федерального бюджета на 2020 г. (трлн руб.) [13]

В.В. Фоменко подчеркивает, что «здравоохранение является частью системы социальной защиты населения» [20]. В то же время, другие авторы [1, 12] предлагают рассматривать услуги сферы здравоохранения и социальной сферы как самостоятельные, а не соподчиненные между собой. Е.Е. Румянцева предлагает в своих трудах раскрывать роль здравоохранения не только через понятие «здоровье человека», но и как инструмент устойчивого развития экономики [17], т.е. анализировать этот вопрос иначе, чем просто соподчиненность двух понятий «здравоохранение» и «социальная сфера». Этот ученый предлагает также использовать междисциплинарный подход с ориентацией на комплексное решение жизненно важных для людей задач, изменяя подходы стратегического ориентирования общественного развития [16].

Заключение

Представленный в данном исследовании высокий уровень дискуссионности соотношения между собой понятий «здравоохранение» и «социальная сфера» создает неопределенность законодательного регулирования экономики здравоохранения, риски формулировки неэффективных стратегических целей отраслевого развития, что повышает значимость обсуждения данного вопроса на уровне широкой исследовательской аудитории, формирующей в процессе проработки научных идей и обмена ими комплексное междисциплинарное представление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антохин Ю.Н., Максимова Т.Г., Соснин В.В. Демография предпринимательства в сфере здравоохранения и социальных услуг // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях: сборник научных трудов I международной научно-практической конференции. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 66-70.
2. Бурменко Т.Д., Тарханова Е.Г. Состояние сферы социально значимых услуг в мире (на примере здравоохранения и образования) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 5. С. 109-116.
3. Декларация о международном экономическом сотрудничестве, в частности оживлении экономического роста и развития в развивающихся странах. Принята 01.05.1990 г. Резолюцией S-18/3 на 11-ом пленарном заседании 18-ой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.
4. Егорова А.В. Информатизация системы здравоохранения как фактор повышения качества социальных услуг // Компьютерные технологии в моделировании, управлении и экономике: материалы X студенческой всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2018. С. 239-241.

5. *Картавенко Т.В.* Рыночные механизмы повышения качества услуг социальных сфер российской экономики (на примере услуг сферы здравоохранения): диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Кисловодск: Кисловодский институт экономики и права, 2012. 146 с.
6. Конвенция № 102 Международной организации труда «О минимальных нормах социального обеспечения» (Вместе с «Международной стандартной отраслевой классификацией всех видов экономической деятельности») (Заключена в г. Женева 28.06.1952 г.).
7. Конвенция № 121 Международной организации труда «Об обеспечении в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием» (Заключена в г. Женева 08.07.1964 г.).
8. Конституция Республики Йемен от 16.05.1991 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
9. Конституция Объединенных Арабских Эмиратов от 18.07.1971 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010.
10. *Кундакчян Р.М.* Институциональные проблемы развития отраслей социальной сферы (на примере здравоохранения) // Журнал современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 417-421.
11. *Кузнецова Ю.А.* Управление качеством социальных услуг (на примере услуг в здравоохранении и образовании в Республике Башкортостан): диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2009. 170 с.
12. *Манашеров Т.О.* Динамика производства услуг и инфляции в здравоохранении и сфере социальных услуг в России // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2012. № 6. С. 237-242.
13. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов».
14. *Растова Ю.И., Боговиз А.В.* Независимая экспертиза в управлении инвестиционной деятельностью в реальном секторе экономики // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 2005. № 4 (42). С. 191-195.
15. Резолюция № 56/261 Генеральной Ассамблеи ООН «Планы действий по осуществлению Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века» (Принята в г. Нью-Йорке 31.01.2002 г. на 93-ем пленарном заседании 56-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН).
16. *Румянцева Е.Е.* Инклюзивное обучение в профессиональном образовании: современная практика, право и нравственные ценности // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2018. № 3. С. 510-515.
17. *Румянцева Е.Е.* Мониторинг национальных систем здравоохранения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 2. Т. 62. С. 92-99.
18. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (Приняты в г. Нью-Йорке 20.12.1993 г. Резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН). Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1994.
19. Управление операционной эффективностью в секторе нефинансовых корпораций и в малом предпринимательстве / А.Г. Бездудная, Ю.И. Растова, В.И. Сигов. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2019. 165 с.
20. *Фоменко В.В.* Типология источников финансирования государственных услуг в здравоохранении // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 9А. С. 208-214.
21. *Lee S., Bolton L.E., Winterich K.P.* To Profit or Not to Profit? The Role of Greed Perceptions in Consumer Support for Social Ventures // Journal of Consumer Research. 2017. Vol. 44 (4). P. 853-876.

Сергеева И.Г., Чеботарь А.В., Харламов А.В.

**ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИСТЕМ
В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ**

***Аннотация.** В статье анализируются современные методы оценки эффективности применения информационных технологий и систем в инновационной деятельности организаций, их преимущества и недостатки. В результате анализа существующих методов разработан алгоритм оценки внедренных информационных технологий и систем в организации. Для повышения точности инструментария оценки предлагается использовать расширенный набор критериев оценки эффективности информационных технологий и систем.*

***Ключевые слова.** Информационные технологии и системы, эффективность, методы оценки, критерии оценки.*

Sergeeva I.G., Chebotar A.V., Kharlamov A.V.

**EVALUATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND SYSTEMS USAGE
FOR THE INNOVATIVE ACTIVITIES OF ORGANIZATION**

***Abstract.** The article analyzes modern methods for assessing the effectiveness of information technologies and systems usage in the innovative activities of organizations, their advantages and disadvantages. As a result of the analysis of existing techniques, an algorithm has been developed for evaluating the implemented information technologies and systems in the organization. To increase the accuracy of assessment tools, it is proposed to use an expanded set of criteria for evaluating the effectiveness of information technologies and systems.*

***Keywords.** Information technology and systems, efficiency, assessment methods, assessment criteria*

Введение

Рост требований потребителей к качеству товаров и уровню обслуживания, уменьшение времени вывода новых продуктов на рынок требуют от предприятий ведения инновационной деятельности для достижения высокой конкурентоспособности, а также своевременного совершенствования управленческих технологий [6]. Одним из инструментов решения данной проблемы является применение информационных технологий, поскольку это позволяет систематизировать подходы к управлению

ГРНТИ 06.81.25

© Сергеева И.Г., Чеботарь А.В., Харламов А.В., 2020

Ирина Григорьевна Сергеева – доктор экономических наук, профессор, профессор факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО (г. Санкт-Петербург).

Анастасия Викторовна Чеботарь – кандидат технических наук, преподаватель факультета технологического менеджмента и инноваций Университета ИТМО (г. Санкт-Петербург).

Андрей Викторович Харламов – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Харламов А.В.): 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: Kharlamov_2000@list.ru.

Статья поступила в редакцию 19.12.2019.

организацией и ускорить решение стоящих перед ней задач. В связи с этим, были объединены две тенденции: методологическое решение задач управления и применение вычислительной техники для поддержки решения этих задач, а также информационных технологий и систем [4].

Материалы и методы

Эксперты компании IDC (International Data Corporation) прогнозируют рост использования программных средств в России. Так, в 2017 году объем ИТ-рынка России составил 21,8 млрд долл., в 2018-м – 22,6 млрд долл., в 2019 год ожидается продолжение роста. Эксперты отмечают, что ИТ-услугам, которые являются базовыми в промышленном производстве, в России приходят на смену трендовые информационные технологии. Выделяют такие из них, как роботизация, аддитивное производство (3D-печать), промышленный интернет (IIoT, Industrial Internet of Things), дополненная виртуальная реальность (AR/VR, Augmented Reality/Virtual Reality), решения искусственного интеллекта (AI, Artificial Intelligence) и машинное обучение (Machine Learning) [7].

В связи с широким использованием информационных технологий и систем в различных секторах и сферах экономики, возникает проблема адекватной оценки целесообразности и эффективности их применения организациями. Речь идет о результативности применения информационных технологий и систем, т.е. достижении качественно новых (не достижимых ранее) показателей, а не только об экономической выгоде, т.е. соотношении затрат и результатов в ходе такого решения [3]. Возникает вопрос, каким образом оценивать эффективность применения той или иной информационной технологии или системы (ИТиС).

Для оценки инвестиционной привлекательности использования информационных технологий чаще всего применяются динамические методы, которые основаны на дисконтировании образующихся в ходе реализации инновационных проектов финансовых потоков. В конце 1980-х годов была разработана и в 1994 году усовершенствована такая методика оценки, как расчет совокупной стоимости владения (ТСО, Total Cost of Ownership). Данная методика используется для того, чтобы определить цену покупки, внедрения, администрирования, техподдержки и сопровождения, усовершенствования, вынужденных остановок в функционировании ИТиС.

По этой методике в расчете затрат на содержание и использование ИТиС необходимо учитывать «прямые» и «непрямые» затраты, т.е. заложенные в бюджет и небюджетизируемые, последние – как отмечают специалисты – весьма существенно превышают первые, что влияет на эффективность капитальных вложений и менеджмента ИТиС. Так как косвенные затраты достаточно сложно определить без масштабного и детального аудита ИТ-инфраструктуры, что требует больших расходов и нецелесообразно для простых информационных систем (ИС), то чаще всего данная методика используется для анализа сложных ИС, а также она не позволяет учесть риски и соотнести технологию со стратегией дальнейшего развития организации и повышения ее конкурентоспособности.

Остановимся более подробно на современных методах оценки эффективности ИТиС. Первый метод, разработанный в 2003 году для более полного отражения экономических результатов внедрения ИС – расчет совокупной ценности возможностей (ТВО, Total Value of Opportunities). Основная схема анализа соответствия стратегии базируется на сопоставлении оценки целевых значений с точки зрения стратегии организации и рассматриваемой ИТиС. Важно, что при этом соответствующие показатели известны и утверждены. Производится оценка влияния ИТиС на результативность и эффективность бизнес-процессов, на соответствие внедряемой ИТиС существующей в организации ИТ-среде.

Данный метод имеет ряд преимуществ, которые не присущи большинству моделей-конкурентов: адаптивность, т.е. умение приспособиться к текущему состоянию управленческого учета в организации; возможности ориентации на приоритеты организации; выступает как интегрирующая платформа, которая может объединять результаты различных моделей денежного потока, вероятностных и качественных. К его недостаткам относятся: требование большого объема информации; интеграция сбора данных с существующими процессами управления; отсутствие информации на начальном этапе внедрения о воздействии ИТиС на бизнес-процессы, возможности корреляции с существующей архитектурой, большинстве рисков.

Второй метод расчета совокупного экономического эффекта (Total Economic Impact, TEI) используется для оказания поддержки при принятии решений, минимизации рисков и обеспечения «гибкости», то есть ожидаемых или потенциальных преимуществ, остающихся за рамками анализа доходов

и затрат. Отметим, что единственным количественным показателем данного метода является «стоимость», вычисляемая по методике ТСО, остальные показатели – качественные. Данный метод используется в относительно небольшом диапазоне применения. Обычно он находит применение при рассмотрении и выборе из различных вариантов какого-то определенного элемента ИТ-инфраструктуры организации (например, при анализе организацией скоринговой системы разных фирм-производителей).

Третий метод быстрого экономического обоснования (Rapid Economic Justification, REJ), предложенный Microsoft, предполагает указание определенного метода ТСО за счет установления соотношения между расходами на ИТ и приоритетами организации. Для управления не портфелем программ, а отдельно взятыми проектами, метод REJ является как нельзя более подходящей. Такой метод считается наиболее комплексным и сложным инструментом для оценки эффективности внедрения ИТ-проекта. Отмечено, однако, что он не способен эффективно оценивать проекты преобразования ИТ-инфраструктуры в целом [9].

Инновационная сфера характерна тем, что обладает специфическим инновационным риском – это возможное невнедрение, особенно это присуще высокотехнологичным секторам промышленности. В результате этого возникает существенная опасность негативных социальных и экономических последствий. На деле инновация не используется или инновационный процесс замедляется на неопределенный срок и в итоге «стоимость» по отношению к внедренческим рискам может оказаться намного выше. В некоторых методах, в этой связи, предлагается определить доход от внедрения ИТис путем расчета обратной величины потерь, которые обусловлены отказом от внедрения, за вычетом затрат.

Важным оценочным индикатором является результативность внедрения, измерение которой осуществляется по нескольким показателям, которые для разных организаций и ИТис являются различными. Ввиду вышесказанного, отметим, что достаточно сложно сравнить результативность разных ИТис. Так, по мнению авторов, значимым неявным показателем результативности можно будет считать гармонизацию между сервисами ИТис, организационными практиками и требованиями к человеческим ресурсам, поскольку данное условие считается необходимым для получения продуктивности от внедрения ИТис [5].

Решить данную проблему предлагается с помощью унифицированной иерархической базы организационных практик с моделью производительности верхнего уровня, основанной на матрице измерений [11], которая позволяет устранить целый ряд недостатков исходной матрицы. Однако, ряд исследователей отмечают, «что основные современные стандарты моделирования бизнес-процессов не содержат информации о комплементарных взаимосвязях в организации. Поэтому интеграция с моделями бизнес-процессов является заключительным шагом к практическому использованию информации о комплементарных связях и вообще подходов, основанных на результативности» [1].

Результаты и обсуждение

Под эффективностью ИТис подразумевается определенный комплекс свойств, демонстрирующих возможность удовлетворять необходимые потребности владельца и характеризующих величину достижения указанной им цели. Кроме того, следует с учетом количественных и качественных показателей основываться на принципах, позволяющих обоснованно подходить к выбору критериев эффективности, методам их оценки и обеспечению сопоставимости при оценке эффективности различных ИТис.

Ранее нами были рассмотрены различные подходы и методы оценки ИТис. Однако, на наш взгляд, все предложенные способы оценки эффективности/результативности ИТис не учитывают степень ведения инновационной деятельности организацией, т.е. какую долю занимает количество производимых инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме деятельности организации. Ввиду комплексного подхода к решению поставленной задачи, предлагается использовать алгоритм оценки внедренных ИТис в организации, представленный на рисунке. В качестве критериев оценки эффективности ИТис могут быть предложены выдвинутые Д.С. Синком критерии результативности, представленные в таблице.

Данные критерии следует дополнить некоторыми показателями, предлагаемыми другими авторами: стоимость проекта внедрения; гибкость системы; продолжительность проекта внедрения; надежность; защищенность; способность к взаимодействию; сопровождаемость; дружелюбность интер-

фейса [2, 10]. Предложенные алгоритм и критерии дополняют применяемые в настоящее время системы оценки результативности информационной технологии или системы возможностью количественной оценки состояния и возможного дисбаланса в ее работе. Отметим, что в конкретных организациях можно использовать разные комбинации данных критериев.

Рис. Алгоритм оценки внедренных информационных технологий или систем в организации

Таблица

Критерии оценки эффективности ИТиС [8]

Критерий	Описание
Действенность	Отражает степень законченности работы и достижения поставленных перед системой целей
Экономия	Показывает соотношение выделенных в использование ресурсов к потребленным фактически, что является мерой использования ИТиС «необходимых» ресурсов
Качество	Показывает, на сколько ИТиС соответствует ожиданиям, требованиям, спецификациям
Доходность	Отражает соотношение между доходами от основной деятельности и суммарными издержками, связанными с использованием ИТиС
Производительность	Критерий, отражающий, как эффективно используются ресурсы, выражающийся как соотношение величины, произведенной продукции, которая реализована организацией, к расходам на ее создание
Изменение качества трудовой деятельности	Отражает, каким образом пользователи ИТиС реагируют на социально-технические аспекты трудовой деятельности
Внедрение ИТ-инноваций	Процесс, позволяющий получать новую, более совершенную продукцию
Адаптивность организации	Умение адаптироваться и корректно перестраивать стратегию управления ИТиС в ответ на запросы окружающей среды

Заключение

Таким образом, процесс оценки эффективности применения инновационных технологий и систем предусматривает использование широкого круга разнородных критериев, отражающих различные направления воздействия внедряемых технологий на производственную и социально-экономическую деятельность предприятия. Процедура оценки осложняется стремительным внедрением новейших информационных технологий в различные сферы деятельности, в том числе социально-экономическую, и их быстрой трансформацией в самостоятельную и активную часть экономики. Кроме того, ведение инновационной деятельности сопровождается значительными и специфическими рисками, учет которых необходим при оценке эффективности применения ИТиС. Предлагаемые в работе критерии позволяют определить степень влияния информационных технологий на деятельность организации при оценке эффективности внедрения и использования ИТиС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агиевич В.А., Скрипкин К.Г. Управление бизнес-процессами: проблема учета комплементарных взаимосвязей // *Архитектура предприятия: материалы конференции «Математика и информационные технологии в нефтегазовом комплексе»*. Сургут: ОАО «Сургутнефтегаз», 2014.
2. Баканов А.В. Специфика разработки критериев качества информационных систем в сфере управления общим образованием // *Молодой ученый*. 2015. № 16. С. 36-41.
3. Балашов А.И., Рогова Е.М., Рудская И.А. Формирование региональной инновационной системы в Санкт-Петербурге // *Экономическое возрождение России*. 2015. № 1 (43). С. 96-114.
4. Гаврилов Д.А. Управление производством на базе стандарта MRP II. СПб.: Питер, 2008. 416 с.
5. Лугачёв М.И., Скрипкин К.Г. Эффективность информационных систем: проблемы определения и измерения // *Исследования по экономике информационных систем: материалы научно-практической конференции «Экономическая эффективность информационных бизнес-систем»*. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 9-23.
6. Никифорова В.Д., Сергеева И.Г., Харламов А.В. Использование потенциала финансового рынка для инновационного развития российской экономики // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2016. № 6 (102). С. 7-14.
7. Российский рынок ИТ-услуг: итоги года, прогноз на будущее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.osr.ru/partners/13054737> (дата обращения 04.12.2019).
8. Синк Д.С. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. М.: Прогресс, 1989. 528 с.
9. Тульбович Е.С., Смиронова А.А. Методы контроля расходов на ИТ и получение гарантированного уровня сервиса // *Управленческий учет и бюджетирование*. 2008 № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cfin.ru/itm/it_eval_meths.shtml (дата обращения 16.10.2019).
10. Шведенко В.Н., Шекоцихин О.В., Шведенко П.В. Критерии оценки и модели информационных систем, обладающих свойством поведения // *Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики*. 2016. Т. 16. № 4. С. 649-654.
11. Brynjolfsson E., Renshaw A., van Alstyne M. The Matrix of Change // *Sloan Management Review*. 1997. Vol. 38 (2). P. 37-54.

Присяжная Р.И.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РФ И ИХ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению тенденций и особенностей развития креативных индустрий в России, представлены основные показатели эффективности развития экономики России, данные по внешнеторговой деятельности в секторе креативных индустрий, проведен анализ индекса креативного капитала, определены проблемы развития креативных индустрий, представлены возможные эффекты от создания и функционирования креативных индустрий.

Ключевые слова. Конкурентоспособность, креативные индустрии, экономический рост, инновации, креативный капитал.

Prisyazhnaya R.I.

ACTUAL ISSUES OF THE CREATIVE INDUSTRIES DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR ROLE IN THE REGIONS COMPETITIVENESS INCREASING

Abstract. The article deals with the trends and features of the development of creative industries in Russia, presents the main indicators of the efficiency of the Russian economy, data on foreign trade activities in the creative industries sector, analyzes the creative capital index, identifies the problems of the development of creative industries, presents the possible effects of the creation and functioning of creative industries.

Keywords. Competitiveness, creative industries, economic growth, innovation, creative capital.

Введение

Конкурентоспособность является одним из важнейших показателей состояния национальной экономики и ее перспектив роста, который всецело зависит от уровня развития человеческого капитала, передовых технологий, экономических институтов и имеющихся природных ресурсов, значимость которых неуклонно уменьшается в современном мире. Учитывая этот факт, перед Россией стоит комплексная задача по диверсификации экономики, путем инвестиций в знания и инновации, формирующих новый современный базис конкурентоспособности национальной экономики.

За прошедшее десятилетие при активном участии государства в России были созданы многие элементы национальной инновационной системы, но, тем не менее, инновации так и не выступают ключевым драйвером экономического роста. Это, прежде всего, связано с низким возвратом на затраты на НИОКР, низким уровнем конкурентоспособности инновационных рынков, высокими административными барьерами, низкой восприимчивостью бизнеса к новым технологиям, «утечкой мозгов» и др.

Статистическая база исследования

По рейтингу, составленному на основе Global Competitiveness Index за 2018 г., Россия занимает в мире 38 место из 137 стран, поднявшись за последние 5 лет на 26 позиций, значение индекса составило

ГРНТИ 06.54.00

© Присяжная Р.И., 2020

Раиса Ивановна Присяжная – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 921 389-38-75. E-mail: rprisyazhnaya@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019.

4,6 баллов из 7 возможных [6]. Основу Индекса конкурентоспособности составляют три субиндекса, каждому из которых присваиваются веса в зависимости от стадии развития экономики (табл. 1).

Таблица 1

Основные компоненты и веса субиндексов глобальной конкурентоспособности [6]

Субиндекс	Факторы	Экономика, движимая факторами	Экономика, движимая эффективностью	Экономика, движимая инновациями
Базовые условия	Социальные институты. Инфраструктура. Макроэкономическая стабильность. Здравоохранение и начальное образование	60%	40%	20%
Факторы эффективности	Высшее образование. Эффективность товарных рынков. Эффективность и гибкость рынка труда. Развитость финансового рынка. Технологический уровень. Размер рынка сбыта	35%	50%	40%
Факторы инноваций	Конкурентоспособность компаний. Инновационный потенциал	5%	10%	30%

По данным рейтинга, Россия находится среди стран, движимых эффективностью. В докладе Всемирного экономического форума 2017-2018 гг. отмечается значительное улучшение макроэкономических параметров Российской Федерации, в основном за счет низкой величины государственного долга, высокого уровня охвата населения образованием, развитой инфраструктуры и большого внутреннего рынка. К основным сдерживающим факторам развития экономики относят недостаточно эффективную работу товарных и финансовых рынков [7].

В этих условиях, России необходим дополнительный импульс для реструктуризации экономики путем повышения конкурентоспособности отечественных компаний и развития инновационного потенциала. Проведенный анализ основных показателей эффективности развития экономики России за 2014-2018 гг. (табл. 2) позволил сделать ряд выводов.

Таблица 2

Основные показатели эффективности развития экономики России за 2014-2018 гг., % [1]

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
Темп роста ВВП	100,7	97,7	100,3	101,6	102,3
Индекс производительности труда	100,7	98,9	100,2	101,9	102,3
Степень износа основных фондов	49,4	47,7	48,1	47,3	46,6
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП	20,8	20,0	21,2	21,5	20,7
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП	21,5	21,0	21,5	21,6	21,1
Инновационная активность организаций	9,9	9,3	8,4	8,5	н/д
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП	1,07	1,10	1,10	1,11	1,0
Коэффициент изобретательской активности	1,65	2,00	1,83	1,55	1,70
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации	8,8	8,3	7,3	7,5	н/д

Так, в 2017 г. возобновился экономический рост после двухлетней рецессии, он составил 1,6% в 2017 г. и 2,3% в 2018 г. Доля инвестиций в основной капитал к ВВП России сократилось с 21,5% в 2017 г. до 20,7% в 2018 г. Полученные данные свидетельствуют о наметившейся позитивной динамике, но по сравнению с общемировыми темпами роста (3,7-4%), Россия отстает минимум в два раза и по-прежнему остается сырьевой державой (рост доли добычи полезных ископаемых составил 3,6% за 2014-2018 гг.). По данным Федеральной службы государственной статистики, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП России снизилась до 21,1% по итогам 2018 года,

хотя, согласно Указу Президента РФ от 07.05.2012 г. № 596 о долгосрочной экономической политике, этот показатель должен был бы составить минимум 25-26%. Также следует отметить снижение уровня инновационной активности и доли внутренних затрат на исследования и разработки в структуре ВВП.

Все это объясняется неразвитостью сферы высокотехнологичных отраслей и услуг, а также недостаточно высокой конкурентоспособностью производимой продукции. Таким образом, России необходимо направить все усилия на повышение инновационной активности путем создания благоприятной предпринимательской среды и развития интеллектуально-креативных возможностей человека, которые являются неисчерпаемым ресурсом, влияющем на экономический процесс. Сегодня именно «креативность становится движущей силой экономического роста и инноваций» [5].

Теоретические основы креативных индустрий

Креативная индустрия является важной составляющей мировой экономики, показывающей высокие темпы развития в условиях ограниченности природных ресурсов и замедления экономического роста большинства стран мира. Креативность на сегодняшний день является основным источником новых технологий, новых отраслей и других экономических преимуществ. Именно креативные факторы производства в ближайшей перспективе будут формировать основу нематериальной составляющей добавленной стоимости нового продукта или услуги.

Удельный вес креативной экономики в мировом ВВП составляет более 3%, рыночная капитализация – 2,3 трлн долл., товарооборот креативной продукции и услуг – 600 млрд долл., а среднегодовые темпы роста креативной экономики за 2002-2018 гг. составляют порядка 8% [2]. На долю России в мировом экспорте продукции креативных индустрий приходится около 0,3-0,5%, в то время как доля Китая составляет 33,1%, США – 7,9%, Франции – 6,8%, Германии и Великобритании – по 5,1%. В этих условиях развитие сектора креативной индустрии в России является актуальной задачей, требующей использования современных бизнес-подходов.

Под креативными индустриями понимают деятельность, основанную на креативном потенциале человека, а именно интеллектуальном капитале, творческих навыках и талантах, которые попадают под закон об интеллектуальной собственности. Классификация отраслей креативного сектора экономики различается в разных странах. Существует британский и американский подход, модель, разработанная ЮНЕСКО и Всемирной организацией интеллектуальной собственности. ЮНКТАД также представила свое видение классификации креативных индустрий, которое наиболее полно включают все существующие в настоящее время креативные отрасли и учитывают их специфику – наследие, искусство, медиа и функциональное творчество.

Анализ развития креативных индустрий в России: основные результаты, проблемы и тенденции

Исследование развития рынка креативных индустрий в России затруднено в связи с недостатком официальной статистической информации. Нет отдельной группировки отраслей, относящихся к сектору креативных индустрий, вся информация разрознена и отнесена к различным видам экономической деятельности. Значительную долю креативных предпринимателей составляют самозанятые люди, что также препятствует получению статистических данных. Основу статистических данных развития креативного сектора экономики России составляют данные ЮНКТАД и доклады ЮНЕСКО, в которых представлена позиция России на международном рынке креативной индустрии.

Как показал анализ отчетов ЮНКТАД по развитию креативной экономики в Российской Федерации, самая актуальная информация датируется 2014 г. За анализируемый период 2005-2014 гг. объем импорта креативных товаров и услуг практически в два раза превышал экспорт, что свидетельствует о том, что российские производители не могут обеспечить потребности внутреннего рынка (рис. 1). Например, 70% креативных товаров, используемых в сфере образования, импортированы из-за рубежа, а объем рынка товаров для рукоделия и творчества в России в 22 раз меньше, чем в США [2].

При этом следует отметить и положительные тенденции в развитии креативной индустрии в Российской Федерации. За последние 10 лет наблюдается двукратное увеличение объема экспорта креативных услуг, особенно активное развитие наблюдалось в сфере рекламы, маркетинга, архитектуры и инженерии. Рост экспорта креативных товаров составил порядка 45%, в основном за счет продукции дизайнера и аудиовизуальных средств. То есть, на российском креативном рынке экспорт услуг преобладает над экспортом креативных товаров.

Перспективными с точки зрения российского экспорта является индустрия моды, креативные индустрии, связанные с созданием цифрового контента, включая кино- и телевизионную индустрию, а также анимационную индустрию. С 2015 по 2019 гг. мировые кассовые сборы российских фильмов выросли с 11 до 44 млн долл. Объем мирового рынка анимационной продукции превышает 250 млрд долл. в год, из которых около 2,5 млрд долл. приходится на долю России [8].

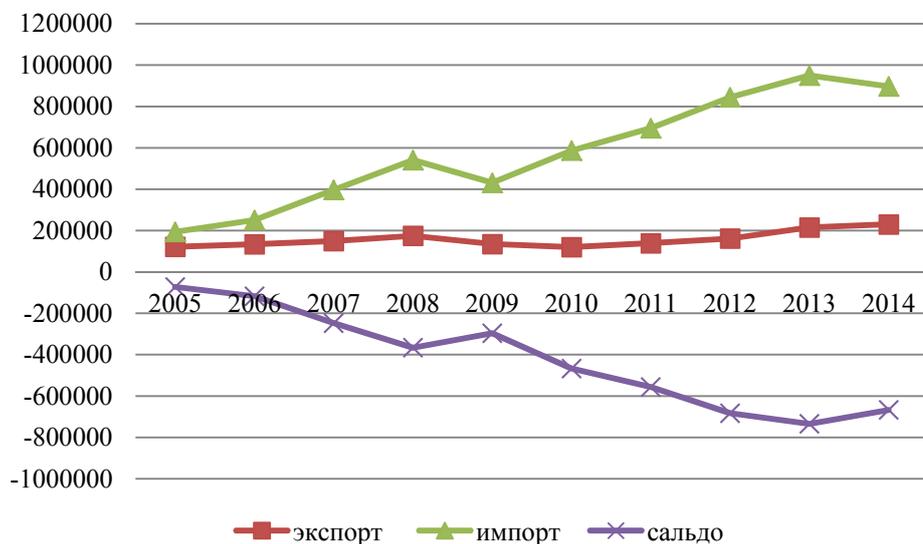

Рис. 1. Объем экспорта и импорта в сфере креативных индустрий в РФ за 2005-2014 гг. [3]

Таким образом, проведенный анализ основных показателей функционирования креативных индустрий в Российской Федерации показал, что их влияние на экономику недооценено, это свидетельствует о необходимости разработки комплекса инструментов для мониторинга и оценки с учетом накопленного мирового опыта. В настоящий момент идет активная разработка теоретических и методологических основ концепции креативной индустрии, так как существует потребность в глубоком, научно обоснованном анализе влияния креативных индустрий на экономику в целом. Многие аспекты требуют прояснения и изучения ввиду того, что сектор креативных индустрий активно развивается во всем мире.

По оценкам Аналитического центра при Правительстве РФ, объем выручки российской креативной индустрии составляет около 8 трлн руб. ежегодно, отмечается существенный потенциал для дальнейшего роста. Лидером среди отечественных отраслей креативной индустрии является сфера информационных технологий, программного обеспечения и компьютерных услуг, далее идут реклама и маркетинг, а на третьем месте стоит издательская деятельность. Доля занятости населения России в креативной индустрии составляет порядка 4% от общей численности трудоспособного населения страны [2]. Основу сектора составляют малые и средние предприятия, тем не менее, в России отмечается значительное присутствие крупных корпораций.

Российские креативные индустрии развиваются неравномерно по стране, функционируют автономно и не взаимодействуют между собой, что не позволяет им сформироваться в единый сектор. В основном креативные индустрии расположены в крупных городах, где сосредоточена основная доля креативного класса, есть соответствующая развитая инфраструктура с большим количеством общественных пространств, а также потребителей креативных продуктов и услуг. Для эффективного развития и функционирования креативных индустрий необходимо наличие программы развития и поддержки креативных индустрий со стороны государства на разных уровнях власти, нормативно-правовой базы, органа государственной власти, координирующего участие всех заинтересованных лиц с помощью различных методов и инструментов.

В России у креативных индустрий нет четкой программы развития, нет уполномоченного регулятора и, как следствие, единого подхода к анализу вклада в экономику страны. На сегодняшний день к основным индикаторам развития креативной индустрии в Российской Федерации можно отнести

разработанный фондом Calvert 22 и PwC в 2016 г. индекс креативного капитала (рис. 2), который включает в себя пять основных блоков – «Город», «Люди», «Бизнес», «Власть», «Бренды» [4]. Данный индекс позволяет проводить мониторинг развития креативной экономики с учетом региональной специфики. Среди городов России по развитию креативной индустрии по итогам 2018 г. первое и второе места занимают Москва и Санкт-Петербург, где креативный сектор превышает 5% ВРП, другие города Индекса лидируют по отдельным тематическим блокам и показателям.

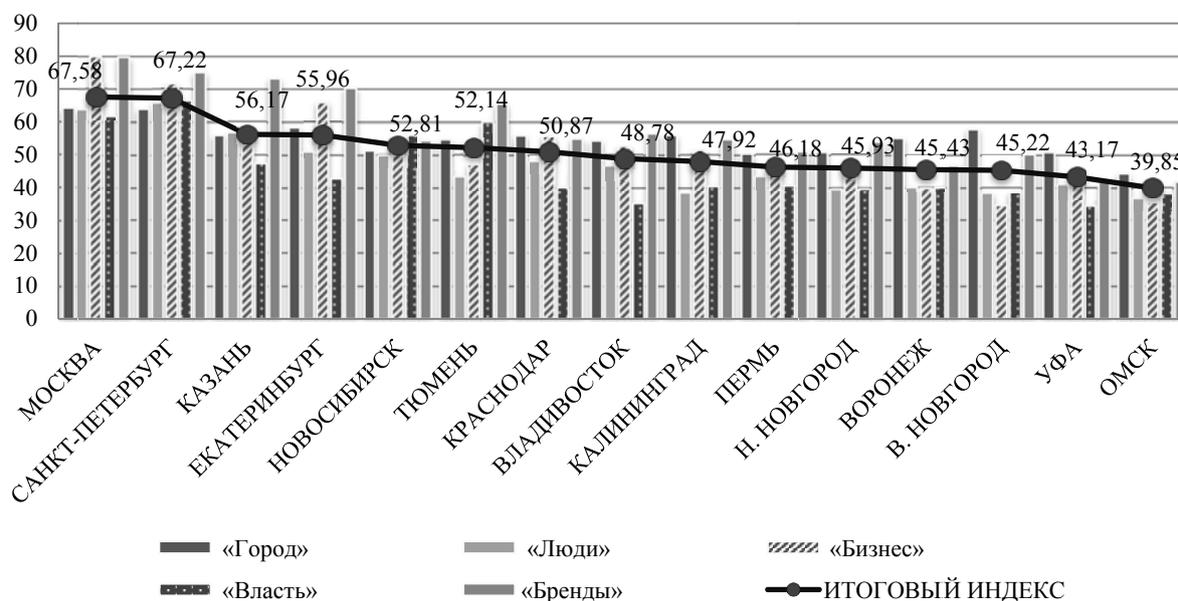

Рис. 2. Индекс креативного капитала крупнейших городов РФ по итогам 2018 г. [4]

Формирование и развитие креативных индустрий в крупном городе дает новый импульс его экономическому развитию на основе уже имеющегося потенциала. Именно синергия творчества и предпринимательства позволяют создавать новые, уникальные, инновационные продукты и услуги, которые способны менять облик городов и повышать их конкурентоспособность на мировом уровне. Возможные эффекты от создания и функционирования креативных индустрий на различных уровнях представлены в табл. 3.

Таблица 3

Возможные эффекты от создания креативных индустрий (составлено автором)

Уровень	Содержание
Макро-	Прямой вклад в рост ВВП страны. Развитие научно-технического потенциала страны и сопряженных отраслей. Создание кластера креативных услуг мирового уровня. Развитие «экономики знаний». Повышение качества жизни населения. Создание рабочих мест, развитие новых, гибких форм занятости, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Снижение уровня безработицы
Мезо-	Повышение инвестиционного и туристического потенциала региона. Комплексное освоение и благоустройство городских территорий. Реконструкция и реставрация объектов культурного наследия. Преобразования промышленных зон в культурные пространства. Создание креативной городской среды и развитие идей плейсмейкинга. Развитие высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Обеспечение воспроизводства кадрового потенциала. Интенсификация социально-экономического развития региона
Микро-	Реализация креативного и творческого потенциала. Коммерческая прибыльность проекта в креативной индустрии. Возможность разработки и продвижения интеллектуальных и инновационных продуктов. Возможность наладить выпуск новой продукции, внедрить новую технологию (услугу)

Заключение

Для развития и обеспечения устойчивого роста креативных индустрий в России следует развивать меры государственного регулирования в части имущественной поддержки и развития соответствующей инфраструктуры. В частности, необходимо разработать и экономически обосновать льготные арендные ставки и механизм их предоставления; возможность использования концессионного соглашения; целевого предоставления земельного участка для реализации проектов в сфере креативных индустрий; развивать сеть государственных коворкингов; стимулировать взаимодействия креативных индустрий с учреждениями культуры и прочими государственными органами.

Также необходимо повысить доступность финансовых ресурсов, за счет разработки специальных финансово-кредитных механизмов и гарантий, рассмотреть возможность получения грантовой поддержки. Все это невозможно без модернизации образования в сфере творческих и креативных индустрий. Таким образом, основной акцент России необходимо сделать на поддержке развития инновационно-креативного сектора, стимулировании творческой и предпринимательской активности населения для получения в будущем максимального синергетического эффекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru> (дата обращения 01.11.2019).
2. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Бюллетень «Образование и креативная индустрия в зеркале международных и отечественных практик». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/14525.pdf> (дата обращения 04.11.2019).
3. Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unctad.org> (дата обращения 09.11.2019).
4. PwC. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pwc.ru> (дата обращения 09.11.2019).
5. Florida R., Tinagli I. Europe in the Creative Age. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://creativeclass.com/rfcgdb/articles/Europe_in_the_Creative_Age_2004.pdf (дата обращения 01.11.2019).
6. The Global Competitiveness Index. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://countryeconomy.com/government/global-competitiveness-index> (дата обращения 01.11.2019).
7. The World Economic Forum. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.weforum.org> (дата обращения 01.11.2019).
8. Rusbase. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rb.ru/longread/multifilms> (дата обращения 01.12.2019).

Олифир Д.И.

ГОРОДСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ КАК СЛОЖНАЯ САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА С ДИССИПАТИВНЫМИ СВОЙСТВАМИ

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения синергетического подхода при исследовании городских агломераций. Отмечается, что положительным источником функционирования и дальнейшего развития городских агломераций является новая самоорганизующаяся структура. В большинстве городских агломераций России необходимо выявление первостепенных направлений развития при выборе аттрактора: территориальное освоение «белых пятен», реорганизация старых промышленных функциональных зон, формирование комфортной городской среды, развитие садоводческих и дачных массивов.

Ключевые слова. Городская агломерация, синергетика, открытость, неравновесность, нелинейность, флуктуации, точка бифуркации, аттрактор.

Olifir D.I.

URBAN AGGLOMERATION AS A COMPLEX SELF-ORGANIZING SYSTEM WITH DISSIPATIVE PROPERTIES

Abstract. In article based on official data of state statistics analyzes patterns and trends of development of the sphere of small and average business in Russia. Discusses the advantages of this sphere of economic activity compared to large business. Focuses on the crisis phenomena in the field of medium-sized businesses. The problems impeding the development of industrial activity in the sphere of small business.

Keywords. Urban agglomeration, synergetics, openness, nonequilibrium, nonlinearity, fluctuations, bifurcation point, attractor.

Введение

Городские агломерации представляют собой большой теоретический и практический интерес в таких областях научных знаний как география, экономика, социология, политология, история, философия и др. Каждая из представленных наук ставит перед собой определенный круг научных задач и использует для этого собственную теоретико-методологическую и методическую базы.

Так, экономисты основное внимание уделяют процессам управления городских агломераций и рассматривают их как систему производства, потребления, обмена и распределения товаров и услуг, географы – пространственным особенностям формирования и развития городских агломераций, социологи – формам общественных взаимоотношений населения, политологи – процессам формирования и развития политических сообществ и элит, структурам политической власти, историки – происхождению и эволюции различных форм поселений, философы – проблемам организации пространства и его свойствам.

В силу указанной многоаспектности, В.Г. Туркина выделяет следующие аспекты исследований городских агломераций: территориально-поселенческий, экономический, градостроительный, психо-

ГРНТИ 06.61.53

© Олифир Д.И., 2020

Денис Игоревич Олифир – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин). Контактные данные для связи с автором: 196621, Санкт-Петербург, Павловск, ул. Профессора Молчанова, 23 (Russia, St. Petersburg, Pavlovsk, Professor Molchanov str., 23). E-mail: denis-olifir@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 11.01.2020.

логический, историко-культурный, семиотический, философско-методологический, социологический [3, с. 5]. Многочисленность научных направлений исследования городских агломераций, а также их сложность, комплексность, многоаспектность и многофункциональность позволяет говорить о специфичном, эклективном, дискуссионном междисциплинарном характере соответствующих исследований. В результате существует задача поиска унифицированного подхода, позволяющего учитывать интересы частных наук, исследующих рассматриваемый феномен.

Представляется, что таким перспективным, методологически продуктивным должен стать синергетический подход. Главное отличие синергетического подхода от подхода системного (одного из наиболее распространенных в современной науке в целом и при исследовании городских агломераций в частности) заключается в том, что в синергетике основное внимание уделяется свойствам, специфическим качествам и эффектам пространства, как основы процессов самоорганизации и кооперирования с последующей возможностью выбора направлений развития, тогда как системный подход подразумевает процессы взаимосвязей и взаимодействий между объектами определенной системы.

По словам И.И. Малышко, «синергетика стала признанным междисциплинарным направлением научных исследований, которые занимаются изучением сложных систем, компоненты которых взаимодействуют между собой нелинейным образом. Сейчас парадигма самоорганизации широко используется в естественных науках и технике, но её основные принципы и идеи постепенно проникают в экономические и социально-гуманитарные науки» [1, с. 3].

Термин «синергетика» (от греч. «Synergos» – согласованно действующий, совместный) был впервые введен в научный обиход Германом Хакеном в 1969 г. По его мнению, суть синергетического подхода заключается в переходе от изучения простых систем к сложным, от закрытых к открытым, от линейности к нелинейности, от равновесия к нестабильности. Таким образом, синергетика изучает системы, которые состоят из большого количества частей, сложным образом взаимодействующих между собой [5].

Синергетику называют наукой о сложном, учением о самоорганизации, об универсальных закономерностях эволюции сложных динамических систем, претерпевающих резкие изменения состояний в периоды нестабильности [6, с. 32]. Основанием для становления синергетики послужили сходные черты, которые были выявлены для обширного класса явлений. Было установлено, что системы, далекие от состояния равновесия, демонстрируют способность к самоорганизации. Это стало возможным благодаря исследованиям поведения открытых систем, находящихся вдали от термодинамического равновесия.

Методический подход к изучению городских агломераций

Поскольку синергетика исследует общие закономерности процессов самоорганизации и эволюции открытых нелинейных систем, механизмы, динамику и особенности смены их качественного состояния, то можно не только объяснить процесс происхождения, формирования и развития городских агломераций как географических, социально-экономических, политических и других упорядоченных структур, но и определять типологию городских агломераций, их пространственную организацию и структуру, методы функционирования и управления, законы расширения и сжатия агломерационного пространства.

Процессы, протекающие в городских агломерациях, ведут при определенных условиях к самопроизвольному возникновению упорядоченных структур (стремление к самоорганизации), которые обусловлены внутренними и внешними причинами и взаимосвязями. В отличие от организации как сознательной деятельности индивидов по упорядочиванию элементов системы (стремление к порядку), самоорганизация возникает стихийно (стремление к хаосу). Несмотря на противопоставление самоорганизации и организации, в городских агломерациях процессы самоорганизации, по мнению автора, дополняются организацией, субъектами которой выступают институты управления – государство, органы власти и управления, экономические агенты, общественные организации и т.д. В случае отсутствия или недостатка организации происходит дезорганизация – экономические кризисы, депрессии, социальные конфликты и т.п.

Необходимым условием создания новой самоорганизующейся структуры как положительного источника функционирования и дальнейшего развития городских агломераций является наличие в её системе диссипативных свойств, которые характеризуются открытостью, неравновесностью и нелинейностью.

Известно, что если система находится в постоянном взаимодействии с окружающей средой и обменивается с ней веществом, энергией и информацией, то она является открытой. Городская агломерация представляет собой сложную открытую систему с множеством объектов, потребляющих и расходующих вещество и энергию, обменивающихся информацией и соединённых между собой системой транспортных магистралей. При этом открытость городской агломерации позволяет ей взаимодействовать с внешней средой – различными регионами страны, государствами и миром в целом, без которых городская агломерация существовать не может. Ресурсы, топливо, продукция, товары и услуги, информационные, финансовые, людские потоки как поступают в городскую агломерацию, так и исходят из неё.

Неравновесность городской агломерации как открытой системы заключается в отличии качественных и количественных показателей её отдельных элементов от средних значений. В любом территориальном субъекте (городе, регионе, стране, мире) наблюдаются диспропорции в социально-экономическом развитии, уровне доходности и занятости населения, развитии инфраструктуры и т.п., вследствие концентрации экономической деятельности в определенных точках пространства и неравномерности распределения результатов её деятельности, специализации территории, природно-климатическим особенностям, особенностям культуры и т.д.

В структуре городских агломераций к качественным показателям можно отнести территории с развитой или недостаточно развитой инфраструктурой, районы деловой активности, элитной жилой застройки, промышленные и спальные районы, наличие или отсутствие «пустых» территорий и т.п., а к количественным – разницу в уровне доходности субъектов экономической деятельности или населения. Если показатели элементов, входящих в систему, не отличаются друг от друга и имеют среднее значение, то система является равновесной (закон термодинамического равновесия). Городская агломерация – это живой динамический организм, это – классический пример неравновесной системы, поскольку процессы, происходящие в ней сложны, многофункциональны и взаимосвязаны как во времени, так и в пространстве.

На основе анализа неравновесных систем синергетика выявляет, что приспособленность к изменениям внешней среды и пластичность поведения – два основных свойства нелинейных динамических систем. В качестве важнейшего момента нелинейности выступает возможность существования в системе множества различных состояний и многообразия протекания процессов, предполагающая наличие различных форм самоорганизации системы. В результате нелинейность характеризуется сложным спектром форм – структур и возможных вариантов развития.

В пределах городских агломераций нелинейность может проявляться, к примеру, в возможности экономических агентов выбирать месторасположение своей организации (предприятия, фирмы), а также выбирать поставщиков, подрядчиков, рынки сбыта, деловых партнеров и т.п., строительным компаниям предоставляются свободные территории для жилой застройки, что впоследствии обуславливает необходимость строительства транспортных коридоров. «Нелинейное представление о развитии неизбежно предполагает многообразие, поливариантность путей развития любой сложной системы... Нелинейный взгляд рассматривает развитие не как единую дорогу, а как сложную сеть пересекающихся, переплетенных, «петляющих» дорог» [4, с. 65].

Нелинейность динамических систем на разных этапах эволюции и исторического развития способствует формированию различных типов городских агломераций:

- моноцентрической (радиально-кольцевой) – это преобладающий тип агломераций в мире, который характерен, прежде всего, для старых городов. Экономическое развитие в агломерациях данного типа сосредоточено в центральном городе (ядре), превосходящем по размеру (масштабу) и социально-экономическому развитию своё окружение. От центрального города расходятся кольца влияния и воздействия на окружающее его территориальное пространство. Данная модель позволяет городу компактно создавать плотно заселенные многофункциональные районы и удобную транспортную сеть. Недостатком является изолированность некоторых поселений агломерации и их возможная недооценка в экономическом отношении;
- полицентрической (многоядерной) – развитие компактного центрального города с сетью городов-спутников и тесными связями между ними. Данная модель не только сохраняет преимущества моноцентрической, но и учитывает важную роль дальних поселений в социально-

экономическом развитии. Данный тип агломерации характерен для крупных, динамично развивающихся городов;

- рассеянной – развитие городской агломерации происходит в отсутствие связей между городами и населенными пунктами, входящими в её состав;
- лучевой (секторальной) – развитие центрального города с другими городами и поселениями происходит вдоль транспортных коридоров в виде «лучей», которые образуют сектора. При этом города и поселения агломерации тесно связаны с центральным городом, но могут быть совершенно не связаны между собой.

Качественные изменения, происходящие в городских агломерациях, обусловленные нелинейными законами их развития в результате взаимодействия с внешней средой и постоянным усложнением её пространственной структуры, могут привести к переходу в неравновесное состояние, подвергающееся случайным отклонениям – флуктуациям (колебаниям), которые расшатывают сложившуюся структуру изменяя всю систему в целом. Суммируясь, флуктуации способствуют становлению новой устойчивой структуры – точки бифуркации (разделения, раздвоения, разветвления).

Например, точками бифуркации в городских агломерациях могут быть процессы появления городов из небольших поселений – бифуркация рождения; увеличение площади городской агломерации в результате жилищного строительства или строительства промышленных и инфраструктурных объектов, переход к новому типу специализации, обусловленному структурным кризисом, реализация Генерального плана города или программы социально-экономического развития города – бифуркация перехода в новое состояние; слияние городов и населенных пунктов в одно городское образование вследствие экономических особенностей – бифуркация слияния и т.п. В точке бифуркации, как ветвящемся пучке возможных направлений развития, определяется выбор аттрактора – нового пути развития, т.е. точка бифуркации представляет собой начало новых возможных направлений развития агломерации (см. рис.).

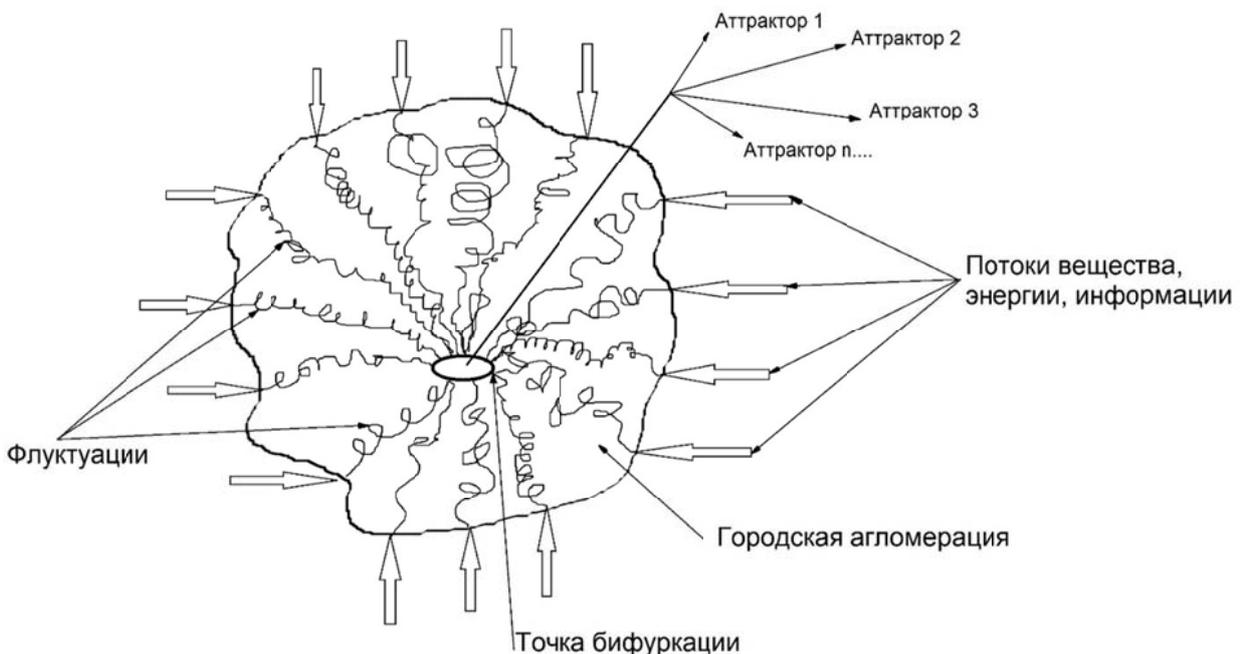

Рис. Схема самоорганизующейся структуры городской агломерации (составлено автором)

Таким образом, последовательность проявления точек бифуркации в эволюционном процессе развития городских агломераций приводит к упорядоченному или хаотичному усложнению пространственной структуры, сочетающему в своей системе, как порядок, так и хаос. Для преодоления точки бифуркации система городской агломерации должна иметь запас энергии для образования нового порядка. Образование нового порядка полностью не разрушает предшествующую структуру системы,

а включает в себя её элементы, которые приобретают новые качества, свойства, функции, направления развития.

Городская агломерация представляет собой концентрацию близлежащих городских и сельских населенных пунктов, тесно взаимодействующих между собой. Формирование агломераций – исторический процесс эволюции, качественный сдвиг в расселении, когда сеть населенных мест, условно развивавшаяся, стихийно трансформируется в формы высокоплотного территориального расселения и превращается в систему. По своему характеру городские агломерации являются динамичными системами, конфигурация которых определяется транспортными и географическими факторами. Например, строительство высокоскоростных транспортных коммуникаций и увеличение скорости различных видов транспорта способствуют их расширению, а строительство жилых и инфраструктурных объектов на территориях, примыкающих к центральному городу, – сжатию.

Синергетический подход не предполагает сглаживания экономических диспропорций и равномерного развития территорий городских агломераций, а обуславливает проведение поиска новых свойств, качеств, эффектов агломерационного пространства, которые могут быть полезными и эффективными при выборе аттрактора.

Применение синергетического подхода в городских агломерациях

В дальнейшем развитии отечественных городских агломераций необходимо решение следующих первоочередных задач, для реализации которых необходим выбор аттрактора в точке бифуркации:

- территориальное освоение «белых пятен» в пределах городских агломераций. В современных условиях конкурентные преимущества получают городские агломерации, в которых создаются необходимые условия для формирования инновационных территорий. Такие инновационные территории могут быть созданы в виде замкнутого кольца вокруг главного города в «пустотах пространства» городской агломерации, которые обычно имеются на периферийных территориях в форме наукоградов, технопарков, технополисов, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических центров. Т.Ю. Семёнова выделяет следующие элементы инновационной системы: предприятия, осуществляющие инновационную деятельность, научно-технические организации, университеты, учреждения инновационной инфраструктуры, малые инновационные предприятия [2, с. 45].

Формирование инновационных территорий на периферии городских агломераций позволит субъектам инновационной деятельности функционировать и осуществлять взаимоотношения в рамках кластерной формы (кооперирования) за счет распространения импульсов инноваций и передовых технологий, которые впоследствии сформируют оси развития между ними. В свою очередь, пространства, обеспечивающие взаимосвязь инновационной территории, получают дополнительный синергетический импульс благодаря транзитным коридорам. В результате замкнутое инновационное кольцо позволит не только сжать пространство городской агломерации и тем самым не допустить увеличения транспортно-логистических издержек и расстояний движения людских потоков, но и, благодаря распространению синергетических импульсов, сформировать новые оси развития как в радиальном, так и кольцевом направлениях;

Реализация данного направления лежит в основе концепции «умного города». Как считает Е.Б. Шулёпов, «актуализируется задача создания условий для развития современных городов как интеллектуальных центров, обеспечивающих на практике приоритет информационных и нематериальных параметров городского развития над традиционными материальными элементами, превращение их в «умные города». «Умные города» могут быть определены как системы, интегрирующие в рамках единого городского пространства умную экономику, умную мобильность, умную среду, умных людей, умную жизнь, умное управление» [7, с. 30];

- реорганизация старых промышленных функциональных зон и их вынос за пределы агломерации. В силу исторических особенностей, во многих центральных частях городских агломераций наблюдаются промышленные зоны, расположенные между историческим центром и селитебной зоной, нарушающие эстетические и экологические качества агломерационной структуры. Перенос старых отраслей промышленности за пределы городской агломерации – одно из наиболее приоритетных направлений её развития;
- формирование комфортной городской среды. Решение вышеперечисленных задач позволит достигнуть качественно новых свойств структуры городской агломерации. Во-первых, на периферии

городских агломераций сформируется пояс инновационного развития, позволяющий сжать пространство городской агломерации и значительно уменьшить качественный показатель неэффективности использования территории. Во-вторых, расположенные на периферии агломерации элементы инновационной системы будут способствовать не только притоку высококвалифицированных кадров, но и позволят сократить пространственно-временные потоки маятниковых миграций, относительно равномерно распределить концентрацию мест приложения труда. В-третьих, реорганизация старых промышленных функциональных зон позволит высвободить значительные площади городской территории и сформировать на их месте общественные пространства, сочетающие, к примеру, селитебную и рекреационную функции;

- развитие садоводческих и дачных массивов, расположенных в пределах агломераций. В большинстве садоводств и дачных массивов в настоящее время отсутствуют не только дорожные коммуникации с твёрдым покрытием, но и водо- и газопроводы. Решение проблем развития данных территорий видится в необходимости передачи их управлением муниципалитетам.

При выборе аттрактора в точке бифуркации необходимо иметь в виду, что каждая городская агломерация является по-своему уникальной и имеет свои особенности формирования, развития и управления, поэтому необходимо учитывать специфику каждой отдельной агломерации.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение синергетического подхода при проведении исследований городских агломераций позволяет определять эволюцию, динамику, закономерности и направления их развития на основе выявления новых качеств, свойств и эффектов пространства, разработать эффективные механизмы управления и самоорганизации форм хозяйственной деятельности, которые предоставят новые конкурентоспособные возможности реализации скрытых ранее резервов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мальшико И.И.* Синергетические проблемы эволюции социально-экономических систем: социально-философский анализ: Автореф. ... дис. д-ра филос. наук. М., 2004. 50 с.
2. *Семёнова Т.Ю.* Развитие технологической базы городов // Управление городом и городским хозяйством: сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 42-46.
3. *Туркина В.Г.* Синергия города: монография. Белгород: БГИКИ, 2011. 112 с.
4. *Туркина В.Г.* Город как самоорганизующаяся нелинейная структура // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 62-66.
5. *Хакен Г.* Синергетика. М.: Изд-во «Мир», 1980. 405 с.
6. *Цырендоржиева Д.Ш., Милованова М.Е.* Синергетика в экономике. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2014. 199 с.
7. *Шулепов Е.Б.* Современные методы управления крупным городом. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 196 с.

Манина М.В., Овечкина А.И., Петрова Н.П.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития государственно-частного партнерства как наиболее эффективной формы финансирования объектов государственной и муниципальной инфраструктуры. Инфраструктурные инвестиции становятся важным инструментом стимулирования экономики региона, развитие государственно-частного партнерства на территории субъекта РФ способствует привлечению частных инвестиций в развитие инфраструктурных проектов. Ленинградская область обладает высоким инвестиционным потенциалом. Данные преимущества позволяют привлекать частные инвестиции, что способствует стимулированию экономического роста и социальному развитию региона, а также повышает контроль за ценами и качеством услуг, предоставляемых населению.

Ключевые слова. Инфраструктурные инвестиции, финансирование, государственно-частное партнерство, концессионное соглашение, национальные и региональные проекты, бюджет, инвестиционная активность, Ленинградская область.

Manina M.V., Ovechkina A.I., Petrova N.P.

TOPICAL ISSUES OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP DEVELOPMENT IN THE LENINGRAD REGION

Abstract. The article deals with the development of public-private partnership as the most effective form of financing of state and municipal infrastructure. Infrastructure investments are becoming an important tool to stimulate the economy of the region, the development of public-private partnership in the territory of the subject of the Russian Federation contributes to attracting private investment in the development of infrastructure projects. The Leningrad region has a high investment potential. These advantages make it possible to attract private investment, which helps to stimulate economic growth and social development of the region, as well as increases control over the prices and quality of services provided to the population.

Keywords. Infrastructure investments, financing, public-private partnership, concession agreement, national and regional projects, budget, investment activity, Leningrad region.

Введение

В современных условиях государственно-частное партнерство (ГЧП) является важным инструментом привлечения частных инвестиций, применения современных технологий и эффективных управленческих решений в развитие инфраструктуры страны, решения социально-экономических проблем и по-

ГРНТИ 06.73.15

© Манина М.В., Овечкина А.И., Петрова Н.П., 2020

Марина Владимировна Манина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных финансов и бухгалтерского учета Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Анна Игоревна Овечкина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Наталья Павловна Петрова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Овечкина А.И.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: 8 (812) 458-97-30. E-mail: anna-igorevna@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 02.12.2019.

вышения качества жизни населения. Сотрудничество государства и бизнеса через ГЧП позволяет развивать, прежде всего, инфраструктурные проекты, дефицит финансирования которых наблюдается не только в Российской Федерации, но и в мире в целом. Инфраструктурные инвестиции – это эффективный инструмент стимулирования экономического развития и решения проблем социального характера.

Согласно прогнозу Минэкономразвития России, разница между потребностью и запланированными инфраструктурными инвестициями по итогам 2019 года составит примерно 1,6 трлн руб., в т.ч. транспортная сфера недополучит порядка 950 млрд руб., ЖКХ – 300 млрд руб., социальная сфера – 200 млрд руб., информационно-коммуникационная сфера – 50 млрд руб., прочие – 100 млрд руб. В 2020 г., согласно прогнозам, потребность в инвестициях составит 61,3 млрд долл. (или 4,4% ВВП), фактически в инфраструктурные инвестиции будет направлено не более 2,8% от ВВП, из них бюджетных инвестиций – 33,5 млрд долл. (2,4%) и частных инвестиций – 5,7 млрд долл. (0,4%).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования эффективных форм взаимодействия государства и бизнеса, направленных на успешную реализацию стратегии социально-экономического развития России. Целью исследования является анализ форм и источников финансирования государственно-частного партнерства в Ленинградской области – регионе-лидере по эффективности проводимой инвестиционной политики среди субъектов РФ.

Материалы и методы

При написании статьи использовались нормативно-правовые документы, статистические материалы и открытые публичные данные. В работе применялись методы ситуационного анализа, статистический и экспертно-прогнозный. Объектом исследования выступают инвестиционные проекты Ленинградской области, реализуемые в рамках ГЧП. Предмет исследования: направления развития ГЧП в области и его влияние на инфраструктуру региона, состояние областного бюджета и инвестиционный потенциал. Научная новизна результатов связана с тем, что государственно-частное партнерство, как альтернативный механизм финансирования инфраструктурных расходов, позволяет реализовывать общественно-значимые инвестиционные проекты на взаимовыгодных условиях. Авторами проанализированы формы ГЧП, их особенности и отличия, определен потенциал и опыт взаимодействия Ленинградской области и частных инвесторов, рассмотрены инвестиционные проекты на базе ГЧП, выявлены их экономические и социальные преимущества.

Анализ современного состояния развития ГЧП

В России с 2004 по 2019 годы реализовано 3 979 проектов ГЧП. За данный период объем привлеченных инвестиций составил 4407,27 млрд руб. (в т.ч. размер частных вложений – 3353,66 млрд руб.). Из них на федеральном уровне реализовано 29 проектов (объем инвестиций – 1471 млрд руб., в т.ч. частные – 899 млрд), на региональном уровне – 529 проектов (объем инвестиций 2339,19 млрд, в т.ч. частные – 1951 млрд), на муниципальном уровне – 3421 проект (объем инвестиций 597 млрд, в т.ч. частные – 503 млрд). Порядка 92% частных инвестиций в проектах ГЧП приходится на проекты дороже 1 млрд руб., доля которых составляет лишь 6% от общего числа соглашений. Практика показывает, что инвесторы активнее вкладываются в крупные стройки.

На сегодняшний день законодательно закреплены две формы государственно-частного партнерства, регулируемые соответствующими Федеральными законами: соглашение о государственно-частном партнерстве (ГЧП) – Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [1]; концессионное соглашение (КС) – Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [4].

Анализ нормативно-правовой базы позволил выделить основные отличия между соглашением о ГЧП и концессионным соглашением: во-первых, право собственности на объект соглашения в рамках ГЧП может возникать у частного партнера, в рамках КС всегда остается за публичной стороной-концедентом; во-вторых, эксплуатация объекта по соглашениям о ГЧП может быть оформлена на публично-правовое образование, по КС возлагается исключительно на концессионера; в-третьих, за каждой формой соглашения закреплен свой перечень объектов, в отношении которых они могут заключаться; в-четвертых, ГЧП-проекты предполагают оценку эффективности проекта и обоснование его сравнительного преимущества; в-пятых, частным партнером по соглашениям ГЧП, в отличие от КС, не может выступать иностранное юридическое лицо.

На сегодняшний день лидером среди форм проектов ГЧП является концессионное соглашение (около 85% инфраструктурных проектов), соглашения о государственно-частном партнерстве или о муниципально-частном партнерстве (ГЧП/МЧП) составляют около 3% проектов, на активно используемые квази-ГЧП приходится 12%. Соглашения о ГЧП/МЧП используются в большей степени для проектов в социальной сфере (здравоохранение, образование и др.). К квази-ГЧП можно отнести контракты жизненного цикла [3], инвестиционные соглашения, аренду с инвестиционными обязательствами, корпоративную форму партнерства, долгосрочный договор с инвестиционными обязательствами [2], инвестиционное соглашение с признаками ГЧП, офсетную закупку, энергосервисный контракт с признаками ГЧП.

В 2018 году на федеральный уровень приходилось 24 проекта (496 млрд руб.), на региональный уровень – 356 проектов (1318 млрд руб.), муниципальный – 3042 проекта (368,1 млрд руб.). Федеральные проекты, несмотря на свои масштабы, уступают региональным по общему объему инвестиций.

В 2018 году Правительством РФ был принят ряд важных решений, направленных на поддержку инвестиционной активности участников рынка. Так, стало возможным заключать концессионные соглашения и соглашения ГЧП на объекты ИТ-инфраструктуры. В конце октября 2018 г. в Налоговый кодекс были внесены поправки, которые продлевают до 2022 г. налоговые вычеты по НДС для концессионеров в автодорожной сфере. Однако для других отраслей с 2017 г. возможность возместить НДС на размер бюджетного софинансирования в ГЧП-проектах прекращена. Также поправки в Налоговый кодекс от 12.11.2018 г. (ФЗ-414) отметили недопущение повторного начисления НДС при преобразовании договоров аренды в концессионные соглашения. Госкорпорация Росатом на основании ФЗ-525 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. получила возможность осуществлять полномочия концедента. Ранее такие полномочия были только у госкорпорации «Российские автомобильные дороги».

Для стимулирования инвестиционной активности, с 2013 г. Торгово-промышленной палатой и Национальным центром развития государственно-частного партнерства формируется рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития ГЧП (таблица 1).

Таблица 1

Рейтинг регионов по уровню развития сферы ГЧП, 2018 г. [7]

Место в рейтинге	Регион	Уровень развития ГЧП	Количество проектов ГЧП	Объем частных инвестиций в проектах ГЧП, млрд руб.
1.	Город Москва	+90%	43	550,5
2.	Город Санкт-Петербург	+90%	35	318,8
3.	Московская область	+90%	40	74,1
4.	Республика Башкортостан	+90%	44	16,6
5.	Самарская область	+90%	48	32,5
6.	Ханты-Мансийский АО	+90%	36	34,8
16.	Ленинградская область	79%	27	12,1

Ленинградская область вкпе с Санкт-Петербургом является вторым по величине потребительским рынком России и обладает высоким инвестиционным потенциалом. Ленобласть участвует в реализации 8 национальных проектов. Инвестиционные проекты на территории региона реализуются в следующих отраслях: производство строительных материалов, деревообработка, машиностроение, обработка металлов, транспорт и логистика, автомобилестроение, химическая и пищевая промышленность.

По состоянию инвестиционного климата Ленинградская область находится на 9 месте среди субъектов РФ. Преимущества области заключаются в наличии: региональных налоговых льгот (снижение региональной части налога на прибыль до 13,5%, снижение налога на имущество до 0%); промышленных парков (действует 10 единиц); доступа к российскому и европейскому рынкам сбыта; развитой транспортной сети; квалифицированных кадров; активной административной поддержки при ре-

лизации проектов; свободных инвестиционных площадок с разным уровнем инженерной подготовки – 249; территории опережающего социально-экономического развития «Пикалево». Ленинградская область с 2002 года имеет статус региона-донора и не получает из федерального фонда финансовой поддержки регионов дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности. Уровень бюджетной обеспеченности региона в 2017 году составил 1,522, в 2018 году – 1,471 [5].

Данные по объему доходов, расходов и сбалансированности бюджета Ленинградской области представлены в таблице 2. В целом, состояние областного бюджета в последние годы можно признать устойчивым. К числу компаний – крупнейших налогоплательщиков области, формирующих доходную базу региона, относятся: АО «Филип Моррис Ижора», ЗАО «Интернешнл Пейпер», ПАО «Сургутнефтегаз», ООО «Орими», ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ООО «ПО «Киришинефтеоргсинтез», АО «Пикалевская сода», ОАО «Усть-Луга Ойл».

Таблица 2

Параметры бюджета Ленинградской области [5]

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	на 10.11.2019 г.	2020 г. прогноз	2021 г. прогноз
Доходы, млн руб.	109465	105199	137227	118711	126214	131449
Расходы, млн руб.	108157	113160	124022	110585	131663	133390
Дефицит/профицит, млн руб.	1308	-7961	13206	8126	-5449	-1941

Ленинградская область имеет один из самых низких по Северо-Западному федеральному округу уровней государственных обязательств. По данным Министерства финансов РФ, на 01 сентября 2019 года объем государственного долга региона – 3030,47 млн руб., что по отношению к налоговым и неналоговым доходам бюджета составляет 2,3% (2,7% – в 2018 году) [9]. По результатам рейтинга субъектов Российской Федерации с наименьшим уровнем долговой нагрузки, составленного по данным Федерального казначейства и Минфина РФ рейтинговым агентством «РИА Рейтинг», на начало 2018 года Ленобласть занимала 5 место [10]. Международным рейтинговым агентством Standard & Poors региону присвоен долгосрочный кредитный рейтинг на уровне «ВВ+», прогноз «Стабильный».

Указанные инвестиционные преимущества подкрепляются показателями социально-экономического развития региона (таблица 3).

Таблица 3

Социально-экономическое развитие Ленинградской области [6]

Показатель	отчет		прогноз			
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Численность населения, тыс. чел.	1802,9	1830,85	1853	1863,7	1875,2	1886,8
ВРП, млрд руб.	965,8	1055,5	1152,5	1234,6	1319,9	1420,8
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	100,2	104,9	104,8	103,6	103,3	106,0
Экспорт товаров, млн долл.	5618,7	7109	7030,8	7037,8	7227,9	7545,9
Импорт товаров, млн долл.	3585	4116	4272,4	4545,8	4850,4	5185,1
Количество малых и средний предприятий, включая микропредприятия, ед.	17391	18275	18550	18935	19892	20515
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	337,7	466,9	506,1	562,1	596,3	648,1
Инвестиции в основной капитал к ВРП, %	34,4	44,2	43,9	45,5	45,2	45,6
Уровень безработицы, % к рабочей силе	4,6	4,1	3,8	3,9	3,8	3,7

Порядка 80% общего объема валового регионального продукта Ленинградской области создается в реальном секторе экономики – промышленном производстве, строительстве, на транспорте и связи, в оптовой и розничной торговле и сельском хозяйстве. Согласно базовому прогнозу социально-экономического развития региона, рост ВРП области в 2019-2024 годах должен быть обеспечен преж-

де всего за счет реализации крупных инвестиционных проектов в сфере промышленности, транспорта и логистики, а также роста объема инвестиционных вложений в Ленинградской области – в среднем ежегодно на 2,8% [6].

По данным управления Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования по региону представлено в таблице 4.

Таблица 4

Источники финансирования инвестиций в Ленинградской области, % [6]

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	январь-июль 2019 г.
Собственные средства	41,8	30,4	27	32,4
Привлеченные средства, в т.ч.	58,2	69,8	73	67,6
бюджетные средства	16,6	15,4	11,9	9,9
из них:				
федеральный бюджет РФ	11,3	11,9	8,3	8,1
бюджет субъекта РФ	3,7	2,7	2,8	1,4

Эффективность проводимой в регионе экономической и инвестиционной политики подтверждают высокие позиции области в национальных рейтингах [8]: 1 место среди несырьевых регионов с наиболее эффективной инвестиционной политикой и среди экспортно-ориентированных регионов (по итогам 2018 года за рубеж из области отгружено товаров на сумму 7,1 млрд долларов); 4 место в рейтинге «Эксперт РА» (минимальный инвестиционный риск); 8 место по объему инвестиций среди субъектов РФ (6 место по объему прямых иностранных инвестиций); 12 место в Национальном рейтинге Агентства стратегических инициатив; высший рейтинг среди регионов по внедрению оценки регулирующего воздействия (ОРВ).

В Ленинградской области сформировалась высокоразвитая институциональная среда развития сферы ГЧП и её нормативно-правового обеспечения. Приоритетное значение для дальнейшего развития региона имеет такой фактор, как «Опыт реализации проектов». В проектах ГЧП Ленинградская область, как концедент, может предоставлять: земельные участки; движимое и недвижимое имущество; права на использование технической документации, являющейся результатом выполнения проектных и изыскательских работ, и права на использование результатов интеллектуальной деятельности; субсидии в целях полного или частичного возмещения затрат на создание объекта и его использование; бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной (муниципальной) собственности и государственные гарантии.

Результаты исследования

В 2019 году в процессе реализации находится 8 концессионных соглашений общим объемом инвестиций 11,79 млрд руб. (таблица 5). Отличительной чертой ГЧП в Ленинградской области является использование концессионных соглашений по схеме DBTO (Design-Build-Transfer-Operate), т.е. «Проектируй-построй-передай-эксплуатируй». Данная схема реализации проекта предполагает, что частная сторона осуществляет строительство объекта, его эксплуатацию и получает доход от его использования, а по окончании срока соглашения передает объект в собственность публичного партнера. В рассматриваемых проектах минимальный срок реализации составляет 10 лет, а максимальный 30 лет. Государственный партнёр (концедент) берет на себя около 80% капитальных затрат. Инвесторами выступают российские юридические лица, работающие в СЗФО. Бюджет проектов стартует от 0,1 млрд руб. и доходит до 3,8 млрд руб.

Концессионеры, кроме собственных источников, активно используют заемное банковское финансирование. Частные инвесторы ориентируются прежде всего на экономическую критерии эффективности инвестиционного проекта и желание занять конкурентную нишу в регионе. Участие Ленинградской области направлено на решение не только экономических задач – оптимизацию расходов на содержание объектов ЖКХ, здравоохранения, спорта, снижение нагрузки на бюджет за счет перераспределения расходов на содержание таких объектов в течение длительного периода, рост

налоговых поступлений, но и социальных. К последним можно отнести повышение качества и доступности спорта для населения, создание новых рабочих мест, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и снижение смертности, повышение доступности медицинской реабилитации и помощи, улучшение инфраструктуры. Концессионная схема в анализируемых проектах направлена на то, что создаваемые активы останутся в собственности региона.

Таблица 5

Перечень концессионных проектов в Ленинградской области (ЛО) в стадии реализации [10]

Отрасль	Объем инвестиционных обязательств, млрд руб.	Дата заключения КС	Срок КС, лет	Концедент	Концессионер
1. Ладожский водовод на территории Ленинградской области					
ЖКХ / Водоснабжение и водоотведение	3,80	15.12.2016	15	«Всеволожский муниципальный район» ЛО, от имени которого выступает его Администрация	ООО «Северо-Запад Инжиниринг»
2. Система теплоснабжения и горячего водоснабжения г. Тихвина					
ЖКХ / Теплоснабжение	3,00	22.10.2016	15	Тихвинский муниципальный район ЛО, от имени которого выступает его Администрация	АО «Газпром теплоэнерго»
3. Плавательный бассейн в г. Гатчина Ленинградской области					
Социальная сфера / Объекты спорта	0,69	21.07.2017	20	ЛО, от имени которой выступает Правительство Ленинградской области	ООО «Бассейн-ГАТ»
4. Система водоотведения на территории Федоровского сельского поселения Тосненского района ЛО					
ЖКХ / Водоснабжение и водоотведение	0,50	30.06.2016	30	Федоровское городское поселение Тосненского района ЛО, от имени которого выступает Администрация поселения	ООО «Восток»
5. Ленинградский областной центр медицинской реабилитации					
Социальная сфера / Объекты здравоохранения	2,74	17.03.2017	28	ЛО, от имени которой выступает Правительство Ленинградской области	ООО «Специальная проектная компания «XXI век»
6. Плавательный бассейн в г. Сертолово Ленинградской области					
Социальная сфера / Объекты спорта	0,59	08.08.2018	20	ЛО, от имени которой выступает Правительство Ленинградской области	ООО «Бассейны «Атлантика»
7. Объекты водоснабжения и водоотведения Дубровского городского поселения Ленинградской области					
ЖКХ / Водоснабжение и водоотведение	0,10	06.08.2018	22	Администрация МО «Дубровское городское поселение» Всеволожского муниципального района ЛО	ООО «Водоканал»
8. Система теплоснабжения г. Сосновый Бор Ленинградской области					
ЖКХ / Теплоснабжение	0,38	17.06.2013	10	Сосновоборский городской округ ЛО, от имени которого выступает Администрация Сосновоборского городского округа	ООО «Атом-Тепло-ЭлектроСеть»

Также в 2019 году в Ленинградской области реализуется 11 концессионных соглашений с участием муниципальных образований. Два проекта уже прошли стадию завершения. Это проекты по развитию сферы здравоохранения, теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения со средним сроком реализации от 15 лет. Список проектов, которые планируют к реализации в ближайшей перспективе, утвержден распоряжением Правительства Ленинградской области от 25.01.2019 г. № 29-р «Об утвер-

Аркин П.А., Захаренко Е.А., Шиян Н.Д., Аркина К.Г.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЛОГИСТИКИ УЧАСТКА НАНЕСЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПОКРЫТИЙ В ПРИБОРОСТРОЕНИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы логистической оптимизации на отдельном приборостроительном предприятии: на практическом примере двух специфических операций приборостроения показано, как можно сформировать производственную логистическую подсистему, задать соответствующую цель ее функционирования, а также определить оптимальный порядок согласованного функционирования ее элементов. Разработана и опробована модель производственной логистики участка нанесения металлических покрытий в приборостроении путем определения оптимального объема партии специфической произведенной продукции и времени ее хранения на складе.*

***Ключевые слова.** Производственная логистика, процессы управления, машиностроение, управление промышленным производством.*

Arkin P.A., Zakharchenko E.A., Shiyani N.D., Arkina K.G.

METHODOLOGICAL ISSUES OF PRODUCTION LOGISTICS AT THE APPLICATION OF METAL COATINGS IN INSTRUMENT

***Abstract.** The article discusses the issues of logistic optimization at a instrument-making enterprise: a practical example of two specific instrument-making operations shows how to form a production logistic subsystem, set an appropriate purpose for its functioning, and determine the optimal order of coordinated functioning of its elements. A model of production logistics of the metal coating deposition area in instrumentation was developed and tested by determining the optimal batch volume of specific manufactured products and their storage time in the warehouse.*

***Keywords.** Production logistics, management processes, mechanical engineering, industrial production management.*

Введение

В [1, 5] рядом авторов данной статьи определена производственная логистика как прохождение материальных средств от производственного склада через обработку на производстве до склада готовой

ГРНТИ 06.81.23

© Аркин П.А., Захаренко Е.А., Шиян Н.Д., Аркина К.Г., 2020

Павел Александрович Аркин – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры процессов управления наукоемкими производствами Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; заместитель генерального директора по инновациям ООО «ХОЛДИНГ ЛЕНПОЛИГРАФМАШ» (г. Санкт-Петербург).

Евгений Анатольевич Захаренко – инженер-технолог ОАО «ЛЕНПОЛИГРАФМАШ» (г. Санкт-Петербург).

Наталья Дмитриевна Шиян – инженер производственного кооператива «Центр научно-технических услуг "ПРОМЕТЕЙ"» (г. Санкт-Петербург).

Ксения Георгиевна Аркина – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математического анализа Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Контактные данные для связи с авторами (Аркин П.А.): 197376, Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 5 (Russia, St. Petersburg, Karповki emb., 5). Тел.: 8 (812) 234-85-95.

Статья поступила в редакцию 26.10.2019.

продукции с сопутствующими и/или обратными информационными потоками. В данной статье рассматривается вопрос логистической оптимизации на отдельном приборостроительном предприятии, поэтому условие из [5] по отсутствию финансовых потоков полностью соблюдается. Далее будет на практическом примере двух специфических операций приборостроения показано как можно сформировать производственную логистическую подсистему, задать соответствующую цель ее функционирования, а также определить оптимальный порядок согласованного функционирования ее элементов.

Технологические аспекты исследования

Применение металлических (гальванических) покрытий является одним из самых распространенных методов защиты изделий от коррозии в приборостроении. Качество металлических покрытий во многом определяет также качество изделий, их работоспособность, долговечность и надежность в эксплуатации. Гальванические покрытия служат как средством защиты от коррозии, так и способом повышения износостойкости деталей, получение свойств электропроводности и других важных свойств поверхности. Гальванические покрытия получают в специализированных цехах и участках защитных покрытий. Организация и внедрение новых технологических процессов способствует расширению номенклатуры изготавливаемых изделий с новыми видами покрытий.

В гальваническом производстве, как одном из видов производства покрытий на металлах, одной из самых существенных потерь является потеря, связанная с перепроизводством (производство изделий на склад). Кроме затрат на хранение и учет появляется проблема изменения качества покрытия во времени, особенно это проявляется на покрытиях сплавами олова и олово-висмут.

Оловянные покрытия характеризуются низкой твердостью, хорошим сцеплением с основным металлом, эластичностью, устойчивостью к сероводороду и органическим кислотам, а также воздействию тропического климата. Основное назначение оловянных покрытий – придание свойств паяемости поверхности при одновременной защите от коррозии. Свежеосажденные покрытия хорошо паяются, а оплавленные не теряют этого свойства в течение длительного времени. Во времени свойства паяемости ухудшаются: при продолжительном хранении даже в хороших условиях способность к пайке ухудшается, через две-три недели она ухудшается настолько, что детали приходится подвергать повторному облуживанию или оплавлению.

Основным компонентом сплава является олово. При низких температурах (ниже 13,2 °С) олово склонно к переходу в серую модификацию и рассыпается в порошок. Процесс этот значительно ускоряется и начинается при более высоких температурах, если происходит «заражение» компактного металлического олова β-модификации кристаллами серого α-олова. Это явление, известное под названием «оловянной чумы», необходимо учитывать при хранении изделий. При хранении оловянных деталей отмечались многочисленные случаи самопроизвольного роста нитевидных кристаллов перпендикулярно поверхности, представляющих собой олово β-модификации. Длина нитевидных кристаллов, называемых «усами» или «вискерами», достигает 4-5 мм при толщине 0,5-2,0 мкм, а иногда и более. Нитевидные кристаллы прорастают даже через изоляционные пленки и вызывают замыкание цепей в приборах и радиотехнических изделиях.

Получило широкое применение оловянное покрытие, легированное висмутом в количестве 0,5-1,5% висмута. Этот вид покрытия, в отличие от чистого олова, значительно лучше сохраняет способность к пайке и поэтому не нуждается в оплавлении. Считается, что легирование оловянного осадка висмутом предотвращает переход олова в α-модификацию и снижает вероятность иглообразования, но не исключает ее во времени, так как на практике были зафиксированы случаи образования нитевидных кристаллов на матовом покрытии олово – висмут (более подробно этот вопрос рассмотрен в [6-12, 14, 15, 17]).

Математическая постановка задачи

Исходя из изложенного выше, появляется проблема определения оптимального объема партии произведенной продукции и времени ее хранения на складе в зависимости от его размера. Зададим константы в соответствии с реальными условиями производства:

1. Количество производимых приборов в год – 600 штук, в месяц в среднем 49 штук плюс различные комплектующие для производства 1-5 приборов в дальнейшем, что в усредненном варианте дает 50 приборов.

2. T – финансовый месяц, 30 дней, состоящий из равных декад:

- t_1 – первая декада с 1 по 10 число;
- t_2 – вторая декада с 11 по 20 число;
- t_3 – третья декада с 21 по 30 число с вариацией в зависимости от месяца – 28, 29, 31 число.

3. P – площадь склада участка нанесения покрытий, равная 18 м^2 .

4. Номенклатура изделий участка нанесения покрытий:

- крышка прибора (штуки) при площади одной стороны поверхности $P_1' = 0,34 \text{ м}^2$;
- основание прибора (штуки) при площади одной стороны поверхности $P_2' = 0,39 \text{ м}^2$;
- корпус блока питания (штуки) при площади одной стороны поверхности $P_3' = 0,15 \text{ м}^2$.

5. Изделия в силу специфики хранения не могут лежать друг на друге и касаться краями, поэтому нормативно необходимо добавить 20% к площади каждого изделия и по правилам инженерных расчетов округлить в большую сторону до сотых. Таким образом, в итоге расчетная площадь:

- $P_1 = 0,41 \text{ м}^2$;
- $P_2 = 0,47 \text{ м}^2$;
- $P_3 = 0,18 \text{ м}^2$.

6. Склад – это стеллажи из нейтрального к изделиям материала длиной 3 м и шириной 1 м шесть в ряд по высоте. При этом они отодвинуты от стены на 0,2 м, и, так как изделия могут частично выступать за полку стеллажа, можно не учитывать геометрию расположения изделий на полках склада.

7. Переменная величина и коэффициент ее значимости. Технология нанесения покрытия регламентирована и по срокам изменена быть не может. В стандартный рабочий день может производиться 7 изделий одного вида. Естественно, за счет увеличения времени работы в день, в неделю, в месяц число производимых изделий может быть увеличено за счет увеличения расходов за счет сверхурочных работ. Поэтому условное число единицы произведенной за рабочий день продукции x_i кратно 7 штукам и соответственно является безразмерной величиной, а занимаемая группой из 7 штук площадь увеличивается в 7 раз по отношению к любому изделию (таблица 1). Таким образом, в месяц необходимо расчетно производить 49 изделий каждой номенклатуры. При этом возникающие запасы рабочего времени используются для производства дополнительных комплектующих и – в случае необходимости – для замены покрытия.

Таблица 1

Исходные данные для расчета тестовой месячной программы производства

Декада	Изделие	Переменная	Ограничение снизу	Ограничение сверху	Значимость	Площадь x_i , м^2
Первая t_1	Крышка прибора	x_1	0	7	0,39	2,87
	Основание прибора	x_2	0	7	0,44	3,29
	Корпус блока питания	x_3	0	7	0,17	1,26
Вторая t_2	Крышка прибора	x_4	0	7	0,39	2,87
	Основание прибора	x_5	0	7	0,44	3,29
	Корпус блока питания	x_6	0	7	0,17	1,26
Третья t_3	Крышка прибора	x_7	0	7	0,39	2,87
	Основание прибора	x_8	0	7	0,44	3,29
	Корпус блока питания	x_9	0	7	0,17	1,26

Главным узким местом данного производства и складирования является время нахождения изделия до окончания процесса пайки на следующей стадии производства. Это время, согласно вышеизложенному, ограничено 3 неделями, то есть 2 декадами календарного месяца: одна декада приходится на нанесение покрытия и пролеживание на складе участка нанесения покрытия, вторая декада – на участок пайки и пролеживание на его складе до пайки. Так как на участке пайки часть изделий сразу поступает в производство (при аналогичном складе), то размеры склада участка пайки в расчет не берутся. При этом в нетестовом варианте модели учитывается в зависимости от возможностей участка пайки: последовательность производства изделий, количество возможных в данной декаде в зависимости от различных факторов: отпуска, больничные, отгулы, праздники и т.п.

Норма прибыли на каждый вид изделия обратно пропорциональна для данной стадии производства площади изделия, что связано с пропорциональным размером потерь: во-первых, с необратимым изменением кристаллической решетки покрытия и утратой необходимых свойств паяемости при пролеживании более 3 недель, а значит с необходимостью счищать слой и покрывать заново, во-вторых, с пожелтением и потемнением покрытия олово-цинк во времени. Кроме времени хранения на складе на качество покрытия еще влияют температура – она не должна быть ниже 14 градусов, исключается попадание прямого солнечного света и т.д.

Пожелтение/потемнение деталей происходит постепенно во времени из-за того, что отсутствует подслой меди, который не позволяет через поры покрытия навстречу железу с основы. Для предотвращения пожелтения/потемнения покрытия необходима протирка деталей органическими растворителями, а именно спирто-бензиновой смесью. Ну а в случае серьезного пожелтения / потемнения необходимо счищать слой и покрывать заново: оба процесса по затратам пропорциональны площади поверхности нанесенного слоя, поэтому значимость изделия для планирования на данном участке определяется:

$$\begin{aligned} Z_1 &= \Pi_1' / (\Pi_1' + \Pi_2' + \Pi_3') = 0,39; \\ Z_2 &= \Pi_2' / (\Pi_1' + \Pi_2' + \Pi_3') = 0,44; \\ Z_3 &= \Pi_3' / (\Pi_1' + \Pi_2' + \Pi_3') = 0,17. \end{aligned}$$

Таким образом, исходные данные для тестового расчета программы производства на участке нанесения покрытий представлены в таблице 1.

Подход к решению задачи оптимизации

В нетестовом варианте реального производства ограничение сверху практически всегда для нескольких переменных менее 7. Это связано с ограниченным количеством рабочих, занимающихся пайкой и их ограничениями рабочего времени и т.п., что было описано выше.

Определим максимальное значение целевой функции [2, 3, 4, 13, 16] при условии целочисленных значений x_i :

$$F(X) = Z_1x_1 + Z_2x_2 + Z_3x_3 + Z_1x_4 + Z_2x_5 + Z_3x_6 + Z_1x_7 + Z_2x_8 + Z_3x_9, \quad (1)$$

при следующих условиях-ограничениях:

$$x_1 + x_4 + x_7 = 7 \quad (2)$$

$$x_2 + x_5 + x_8 = 7 \quad (3)$$

$$x_3 + x_6 + x_9 = 7 \quad (4)$$

$$7\Pi_1x_1 + 7\Pi_2x_2 + 7\Pi_3x_3 \leq 18 \quad (5)$$

$$7\Pi_1x_4 + 7\Pi_2x_5 + 7\Pi_3x_6 \leq 18 \quad (6)$$

$$7\Pi_1x_7 + 7\Pi_2x_8 + 7\Pi_3x_9 \leq 18 \quad (7)$$

Как было указано выше, число ограничений x_i в реальности обычно возрастает; в обычных, не форс-мажорных условиях равняется в среднем трем.

Первоначально была решена тестовая задача при стандартных семи ограничениях. Решим прямую задачу линейного программирования симплекс-методом. Определим максимальное значение целевой функции при условии целочисленных значений x_i :

$$F(X) = 0.39x_1 + 0.44x_2 + 0.17x_3 + 0.39x_4 + 0.44x_5 + 0.17x_6 + 0.39x_7 + 0.44x_8 + 0.17x_9,$$

при следующих условиях-ограничениях:

$$x_1 + x_4 + x_7 = 7$$

$$x_2 + x_5 + x_8 = 7$$

$$x_3 + x_6 + x_9 = 7$$

$$2.87x_1 + 3.29x_2 + 1.26x_3 \leq 18$$

$$2.87x_4 + 3.29x_5 + 1.26x_6 \leq 18$$

$$2.87x_7 + 3.29x_8 + 1.26x_9 \leq 18$$

Задача решается стандартным расчетным методом ветвей и границ, использующим:

- построение опорных планов систем неравенств и приведением к системе уравнений путем введения дополнительных переменных;
- разбиением задач на две подзадачи в случае нецелочисленных значений x_i и нахождением текущего целочисленного рекорда и его значения;
- ветвлением по переменной x_i .

Общий объем расчетов составляет около 35 страниц. Итоговый ответ:

$$\begin{aligned}
 F(X) &= 7 \\
 x_1 &= 0 \\
 x_2 &= 5 \\
 x_3 &= 0 \\
 x_4 &= 5 \\
 x_5 &= 1 \\
 x_6 &= 0 \\
 x_7 &= 2 \\
 x_8 &= 1 \\
 x_9 &= 7.
 \end{aligned}$$

Из ответа можно сделать однозначный вывод о работоспособности модели и об имеющихся возможностях введения реальных дополнительных ограничений. При этом попытка расчета при уменьшении размера склада дает отрицательный результат. Поэтому нами был сделан расчет для первого квартала 2019 года, который представлен в таблице 2.

Можно сделать вывод, что дополнительные условия в значительной степени уменьшают возможности для маневрирования фондами. Спецификой января являются шесть праздничных дней (реально восемь – десять выходных), но в связи со спецификой производства часть из них (3, 4, 5, 8, 9, 10 января) являлись рабочими в этом году в полном соответствии с моделью. Специфика третьей декады февраля (восемь дней, из которых один – 23 февраля – праздничный) вынудил остальные дни сделать рабочими. Специфика марта (дополнительный праздничный день – 8 марта – в первой декаде) также отражен в расчете автоматически за счет дополнительных ограничений.

Таблица 2

Результаты расчета для первого квартала 2019 года

	Месяцы первого квартала 2019 года					
	январь		февраль		март	
	Дополнительные ограничения	Результат расчет	Дополнительные ограничения	Результат расчет	Дополнительные ограничения	Результат расчет
Значения переменных x_i и целевой функции $F(X)$	$x_2 \leq 3$ $x_6 \leq 4$ $x_8 \leq 5$	$F(X) = 7$ $x_1 = 6$ $x_2 = 0$ $x_3 = 0$ $x_4 = 1$ $x_5 = 3$ $x_6 = 4$ $x_7 = 0$ $x_8 = 4$ $x_9 = 3$	$x_8 \leq 1$ $x_6 \leq 3$ $x_9 \leq 3$	$F(X) = 7$ $x_1 = 0$ $x_2 = 4$ $x_3 = 3$ $x_4 = 3$ $x_5 = 2$ $x_6 = 2$ $x_7 = 4$ $x_8 = 1$ $x_9 = 2$	$x_1 \leq 3$ $x_5 \leq 2$ $x_9 \leq 4$	$F(X) = 7$ $x_1 = 0$ $x_2 = 5$ $x_3 = 1$ $x_4 = 5$ $x_5 = 0$ $x_6 = 2$ $x_7 = 2$ $x_8 = 2$ $x_9 = 4$

Заключение

Таким образом, была разработана и опробована модель производственной логистики участка нанесения металлических покрытий в приборостроении путем определения оптимального объема партии специфической произведенной продукции и времени ее хранения на складе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аркин П.А. Организационно-экономический механизм экономической координации: логистический подход. СПб.: СПбГУЭФ, 1998. 160 с.
2. Аркин П.А., Иванов М.Б., Аркина К.Г. Методические вопросы оптимизации производства в пищевой промышленности (на примере изготовления сушеных рыбных субпродуктов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2 (110). С. 69-78.

3. Аркин П.А., Соловейчик К.А., Аркина К.Г. Исследование операций. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 232 с.
4. Аркин П.А., Соловейчик К.А., Аркина К.Г. Методология оптимизационных подходов к процессам управления производством в машиностроении // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1-2. С. 69-77.
5. Аркин П.А., Соловейчик К.А., Аркина К.Г. Реализация методологии автоматизации системы моделирования и управления производственной логистикой для машиностроительного предприятия // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 1 (115). 2019. С. 89-96.
6. Беленький М.А. Электроосаждение металлических покрытий: Справочник. М.: Металлургия, 1985. 288 с.
7. Гамбург Ю.Д. Гальванические покрытия: Справочник по применению. М.: Техносфера, 2006. 216 с.
8. Гинберг А.М. Гальванотехника: Справочник. М.: Металлургия, 1987. 736 с.
9. Зальцман Л.Г., Черная С.М. Спутник гальваника. Киев: Техника, 1989. 191 с.
10. Ильин В.А. Цинкование, кадмирование, оловянирование и свинцевание. Л.: Машиностроение, 1983. 87 с.
11. Каданер Л.И. Справочник по гальваностегии. Киев: Техника, 1976. 254 с.
12. Короткин А.И. Технология нанесения гальванических покрытий. М.: Высшая школа, 1984. 200 с.
13. Кузнецов Ю.Н., Кузубов В.И., Волощенко А.Б. Математическое программирование. М.: Высшая школа, 1980.
14. Лисин С.К., Соловейчик К.А., Федотов А.И. Метрология и стандартизация. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 238 с.
15. Мельников П.С. Справочник по гальванопокрытиям в машиностроении. М.: Машиностроение, 1979. 296 с.
16. Таха Х.А. Введение в исследование операций. М.: Вильямс, 2001.
17. Ямпольский А.М. Краткий справочник гальванотехника. Л.: Машиностроение, 1981. 269 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые методики определения качества регионального управления на основе рейтингового анализа и выявления позиций региона (субъекта Российской Федерации) по совокупности исследуемых параметров. Авторами рассмотрены и проанализированы рейтинговые характеристики шести субъектов Российской Федерации, относящихся к основным четырем полюсам роста в стране. На основе проведенного исследования сформулированы выводы и рекомендации по дальнейшему улучшению позиций исследуемых регионов и прогнозируемых направлений развития на перспективу.

Ключевые слова. Качество управления, регион, субъект Российской Федерации, рейтинг, конкурентоспособность региона, социально-экономическое развитие, индекс человеческого развития.

Bulochnikov P.A., Lavrov V.V.

COMPARATIVE ANALYSIS CONCERNING QUALITY OF REGIONAL MANAGEMENT IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article considers some methods of determining the quality of regional management based on rating analysis and identifying the positions of the region (subject of the Russian Federation) on the set of the studied parameters. The authors considered and analyzed the rating characteristics of six subjects of the Russian Federation related to the main four poles of growth in the country. Based on the conducted research conclusions and recommendations on further improvement of positions the studied regions and predicted directions of development for the future are formulated.

Keywords. Quality of management, region, subject of the Russian Federation, rating, competitiveness of regions, socio-economic development, human development index.

Введение

В идеальном случае социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации должно представлять собой результат функционирования сложной, многофакторной модели регионального управления, эффективность которой зависит от многих параметров и условий, определяющих совокупный экономический потенциал региона, с одной стороны, и качества процесса управления, в том числе скорости принятия управленческих решений, рациональности использования ресурсов региона, реализации системных возможностей, способствующих укреплению региональной среды, с другой.

Основой разработки стратегий развития субъектов Российской Федерации является определение первостепенных задач, формирование региональных программ, рациональное распределение бюджет-

ГРНТИ 06.61.33

© Булочников П.А., Лавров В.В., 2020

Павел Андреевич Булочников – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления экономическими и социальными процессами в кино и телеиндустрии Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения.

Виктор Валерьевич Лавров – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления экономическими и социальными процессами в кино и телеиндустрии Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения.

Контактные данные для связи с авторами (Лавров В.В.): 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13 (Russia, St. Petersburg, Pravdy str., 13). Тел.: +7 911 253 06 76. E-mail: Vv_L@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 30.11.2019

ных средств, выделенных субъектам Российской Федерации, учет макроэкономических показателей и конъюнктуры внутреннего и внешнего рынка, как основы осуществления производственной, торговой, посреднической деятельности, взаимовыгодных торговых операций и интеграции с другими регионами или странами мира.

Материалы и методы

Для определения показателей качества регионального управления чаще всего используются методики определения рейтинговых значений региона, в данном случае – субъектов Российской Федерации, и сравнение этих показателей с общероссийскими показателями или выявление рейтинговых значений страны в целом по различным группам параметров.

Среди рассматриваемых учеными и специалистами в области аналитических исследований методик определения качества развития региональной среды и регионального управления достаточно часто применяется рейтингование регионов по уровню конкурентоспособности, уровню кредитоспособности, уровню инвестиционной привлекательности и индексу человеческого развития [4, 5, 16, 18]. В таблице 1 представлены общие характеристики рейтингов качества регионального управления.

Таблица 1

Характеристика рейтингов качества регионального управления [4, 5, 16, 18]

Название рейтинга	Характеристика понятия	Разработчик
Рейтинг конкурентоспособности региона	Анализ комплекса параметров, влияющих на производительность региональной экономики и экономическое развитие региона, что включает оценку операционной деятельности компаний и качества бизнес-среды компаний	Методология Всемирного экономического форума, КК «Бауман инновейшн» [16]
Рейтинг кредитоспособности региона	Агрегирование количественных показателей исполнения бюджетов и параметров экономического развития с учетом прогнозных изменений социально-экономической среды исследуемых регионов	Консалтинговая компания «АК&М», Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [5]
Рейтинг инвестиционной привлекательности	Взаимосвязанная оценка двух основных составляющих инвестиционного климата: инвестиционного потенциала региона и инвестиционного риска. Ранг региона зависит от количественной оценки величины его потенциала как доли в суммарном потенциале всех российских субъектов	Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [18]
Рейтинг субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития	Оценка качества жизни в регионе зависит от эффективности государственной политики, является фактором развития человека на основе исследования таких показателей, как продолжительность жизни, образование, уровень дохода и др.	Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [4]

Одним из индикаторов качества управления является оценка уровня конкурентоспособности региона. «Система анализа показателей оценивает: рынки, институты, человеческий капитал, инновации и информацию, природные ресурсы, инвестиции и финансовый капитал, пространство и реальный капитал. Каждый параметр оценивается по бальной системе от 0 до 5, где 5 – максимум, достигнутый одним из регионов, 0 – минимум, 2,5 – среднее по России» [7].

Для проведения исследования в рамках данной статьи авторами было выбрано шесть регионов – субъектов Российской Федерации: Ханты-Мансийский автономный округ (Югра); Хабаровский край; Приморский край; Саратовская область; Пензенская область и Республика Коми. Выбор данных регионов основывался на идее рассмотрения территорий, относящихся к разным полюсам роста, к тому же расположенных в различных природных и экономических зонах, что способствует некоторым различиям в принятии управленческих решений на уровне региональной власти, отражающихся в стратегиях развития данных субъектов Российской Федерации. На основе выборки из данных, представленных в аналитическом отчете, выполненном по Методике AV Group, в таблицах 2 и 3 представлены результаты рейтингов конкурентоспособности по восьми показателям и набранные баллы с позиций сравнительного анализа всех субъектов Российской Федерации.

Таблица 2

Общероссийский рейтинг конкурентоспособности субъектов федерации за 2018 год

Субъект Российской Федерации	AV RCI		Рынки		Институты		Человеческий капитал	
	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	2,95	8	3,26	5	2,33	28	2,91	10
Хабаровский край	2,40	23	2,28	21	2,66	14	2,40	21
Приморский край	2,18	25	2,20	26	2,43	20	1,78	58
Саратовская область	2,17	26	1,91	32	2,27	29	2,32	26
Пензенская область	1,76	43	1,94	31	1,92	39	1,82	53
Республика Коми	1,59	47	1,57	50	0,93	72	1,91	46

Выполнено авторами на основе данных [16].

Таблица 3

Общероссийский рейтинг конкурентоспособности субъектов федерации за 2018 год (продолжение)

Субъект Российской Федерации	Инновации и информация		Природные ресурсы		Инвестиции и финансовый капитал		Пространство и реальный капитал	
	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	1,89	38	3,05	15	3,46	5	3,31	12
Хабаровский край	2,21	25	3,06	14	1,92	52	2,62	23
Приморский край	1,92	37	3,08	12	2,00	49	2,65	22
Саратовская область	2,20	26	2,60	23	2,32	35	2,06	31
Пензенская область	1,99	33	1,52	53	2,12	44	1,67	41
Республика Коми	1,46	55	2,46	28	2,44	29	1,47	52

Выполнено авторами на основе данных [16].

Исследуемые в статье субъекты Российской Федерации можно разделить на три группы по суммарному рейтингу уровня конкурентоспособности: к первой группе будет относиться Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) с наивысшим по группе восьмым местом в общегосударственном региональном рейтинге конкурентоспособности. Во вторую группу будут включены три субъекта Российской Федерации с рейтинговыми позициями от 20 до 30 места, а именно: Хабаровский край (23), Приморский край (25) и Саратовская область (26). В третью группу будут включаться два субъекта Российской Федерации из исследуемой выборки с позициями от 40 до 50 места в рейтинге конкурентоспособности регионов, а именно: Пензенская область (43) и Республика Коми (47).

Далее, на основе данных общегосударственного рейтинга регионов, представленных в таблицах 2 и 3, на основе суммарной оценки, представим сравнительную оценку шести исследуемых субъектов Российской Федерации. На основе проведенного консорциумом «Леонтьевский центр – AV Group» исследования рейтинга конкурентоспособности субъектов Российской Федерации, были определены так называемые «полюса роста», которые формируют основной вклад в развитие страны.

Исследуемые авторами в статье субъекты Российской Федерации относятся к следующим полюсам роста, расположенным в разных территориальных зонах России согласно методике AV Group: Ханты-Мансийский автономный округ относится к Уральскому полюсу роста; Приморский край, Хабаровский край относятся к Дальневосточному полюсу роста; Республика Коми относится к Северо-Западному полюсу роста; Саратовская область и Пензенская область относятся к Волго-Камскому полюсу роста.

Рейтинг кредитоспособности субъектов Российской Федерации осуществлялся на основе расчета индекса кредитоспособности и представлен в таблице 4. «Индекс кредитоспособности регионов определяется как место региона на нормированной линейке от 0 до 100 по значению интегральной оценки региона. Индекс кредитоспособности 100 может получить регион, который в рейтинге по всем иссле-

двум параметрам получает максимальные показатели» [5, с. 4-5]. В данном рейтинге 100 баллов на 01.01.2019 года получены только двумя регионами в Российской Федерации – это г. Москва и г. Санкт-Петербург. При сравнении данных на 01.01.2019 г. и данных на 01.01.2018 г. можно сделать вывод, позиции регионов по индексу кредитоспособности улучшились в четырех регионах из шести. Максимальное изменение индекса было у Республики Коми (+10,1). Худшие показатели по индексу кредитоспособности – у Хабаровского края (-17,5).

Таблица 4

Рейтинг кредитоспособности субъектов Российской Федерации по итогам 2018 года (в баллах)

Название субъекта Российской Федерации	Индекс кредитоспособности субъектов Российской Федерации		Изменение индекса кредитоспособности
	на 01.01.2018	на 01.01.2019	
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	85,6	87,1	1,5
Хабаровский край	70,6	53,1	-17,5
Приморский край	87,3	88,7	1,4
Саратовская область	53,3	58,5	5,2
Пензенская область	54,6	51,7	-2,9
Республика Коми	70,5	80,6	10,1

Выполнено авторами на основе данных [5, с. 1-2].

В таблице 5 представлены параметры рейтинговой шкалы инвестиционной привлекательности регионов. На основе проведенного Национальным рейтинговым агентством исследования инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации в 2018 году были получены результаты по изучаемым регионам, которые отражены в таблице 6.

Таблица 5

Рейтинговая шкала инвестиционной привлекательности [18]

Уровень	Категория	Характеристика
Регионы с высоким уровнем инвестиционной привлекательности	IC1	Высокая инвестиционная привлекательность – первый уровень
	IC2	Высокая инвестиционная привлекательность – второй уровень
	IC3	Высокая инвестиционная привлекательность – третий уровень
Регионы со средним уровнем инвестиционной привлекательности	IC4	Средняя инвестиционная привлекательность – первый уровень
	IC5	Средняя инвестиционная привлекательность – второй уровень
	IC6	Средняя инвестиционная привлекательность – третий уровень
Регионы с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности	IC7	Умеренная инвестиционная привлекательность – первый уровень
	IC8	Умеренная инвестиционная привлекательность – второй уровень
	IC9	Умеренная инвестиционная привлекательность – третий уровень

Таблица 6

Рейтинг инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации в 2018 году

Субъект Российской Федерации	Рейтинг	Действие	Уровень
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	IC 3	Подтвержден	Высокая инвестиционная привлекательность – третий уровень
Хабаровский край	IC 3	Подтвержден	
Приморский край	IC 4	Подтвержден	Средняя инвестиционная привлекательность – первый уровень
Саратовская область	IC 6	Понижен	Средняя инвестиционная привлекательность – третий уровень
Пензенская область	IC 6	Подтвержден	
Республика Коми	IC 6	Понижен	

Выполнено авторами на основе данных [17]

Исследуемые субъекты Российской Федерации можно разделить на три группы по результатам проведенной сравнительной оценки на основе рейтинговой шкалы инвестиционной привлекательности. Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) и Хабаровский край относятся к IC-3. Приморский край относится к уровню IC-4. Саратовская, Пензенская области и Республика Коми относятся к уровню IC-6.

Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития и его компонентам в 2017 году представлен в таблице 7. На основе исследования группы показателей, отражающих уровень человеческого развития, все 189 стран были разделены на четыре группы. По результатам данного рейтинга Российская Федерация находится на 49-м месте и относится к группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития. Индекс человеческого развития в целом по стране составлял в 2017 году 0,816.

Таблица 7

Рейтинг стран мира по индексу человеческого развития и его компонентам в 2017 году

Место в рейтинге	Страна	Индекс человеческого развития	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Ожидаемая продолжительность обучения, лет	Средняя продолжительность обучения, лет	ВНД на душу населения, долл.
Страны с очень высоким уровнем человеческого развития						
1	Норвегия	0,953	82,3	17,9	12,6	68 012
49	Российская Федерация	0,816	71,2	15,5	12,0	24 233
59	Казахстан	0,800	70,0	15,1	11,8	22 626
Страны с высоким уровнем человеческого развития						
60	Иран	0,798	76,2	14,9	9,8	19 130
112	Молдова	0,700	71,7	11,6	11,6	5 554
Страны со средним уровнем человеческого развития						
113	Филиппины	0,699	69,2	12,6	9,3	9 154
151	Камерун	0,556	58,6	12,2	6,3	3 315
Страны с низким уровнем человеческого развития						
152	Соломоновы Острова	0,546	71,0	10,2	5,5	1 872
189	Нигер	0,354	60,4	5,4	2,0	906

Выполнено авторами на основе данных [6, с. 22-25].

Результаты

На основе исследования, проведенного Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации, были выявлены суммарные индексы человеческого развития по регионам России. Рейтинг субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития в 2015-2016 годах по исследуемым регионам представлен в таблице 8.

Таблица 8

Рейтинг субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития в 2015 – 2016 гг.

Место в рейтинге	Название страны, субъекта Российской Федерации	Индекс человеческого развития		ИЧР субъектов Российской Федерации в 2016 году по сравнению со средним ИЧР по Российской Федерации
		2016	2015	
	Российская Федерация	0,881	0,875	-
3	Ханты-Мансийский АО (Югра)	0,908	0,902	0,027
14	Республика Коми	0,882	0,880	+ 0,001
45	Саратовская область	0,858	0,850	- 0,023
46	Хабаровский край	0,857	0,846	- 0,024
49	Пензенская область	0,853	0,848	- 0,028
53	Приморский край	0,848	0,840	- 0,033

Выполнено авторами на основе данных [4, с. 161-162].

Все шесть субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития относятся к группе с очень высоким уровнем человеческого развития. Однако наблюдаются опасные тенденции, а именно, в 2016 году по сравнению со средним ИЧР по стране в четырех регионах из шести индекс оказался меньше, чем ИЧР по стране в целом. Максимальное значение ИЧР наблюдалось в 2016 году в Ханты-Мансийском автономном округе (Югра), где он составил 0,908. Наименьшее значение ИЧР наблюдалось в Приморском крае, где он соответствовал 0,848. Это достаточно высокий показатель среди других регионов России и стран мира.

Для определения позиций каждого из исследуемых регионов по методу балльной оценки на основе проведенного исследования обобщим полученные характеристики и выявим общий рейтинг субъектов Российской Федерации по четырем, представленным выше, параметрам. В таблице 9 представлен общий межрегиональный рейтинг субъектов Российской Федерации.

Таблица 9

Общий межрегиональный рейтинг субъектов Российской Федерации

Субъект Российской Федерации	Рейтинг конкурентоспособности	Рейтинг кредитоспособности	Рейтинг инвестиционной привлекательности	Рейтинг по индексу человеческого развития	Сумма рангов	Общий межрегиональный рейтинг
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	1	2	1	1	5	1
Хабаровский край	2	3	1	4	10	2
Приморский край	3	1	2	6	12	3
Саратовская область	4	6	3	3	16	5
Пензенская область	5	5	3	5	18	6
Республика Коми	6	4	3	2	15	4

Выполнено авторами на основе данных таблиц 2, 4, 6, 8.

На основе определения межрегионального рейтинга шести исследуемых регионов были выявлены позиции регионов на основе обобщенной ранговой оценки и формирования сводного рейтинга. На первом месте среди данных регионов находится Ханты-Мансийский АО (Югра) с лучшими характеристиками. На втором месте – Хабаровский край, на третьем месте – Приморский край. Далее по сумме баллов – Республика Коми, Саратовская область и на последнем, шестом месте – Пензенская область.

Для определения качества управления на региональном уровне, кроме основных характеристик социально-экономического развития регионов, необходимо рассмотреть показатели национального рейтинга губернаторов, так как даже при единых финансовых и экономических условиях от навыков управления, принятия эффективных решений и распределения финансовых, материальных и трудовых ресурсов зависит качество управления и рейтинговые характеристики субъектов Российской Федерации. Следовательно, достаточно важно определить и управленческие способности губернаторов, как непосредственных руководителей регионов, от которых во многом зависит повышение уровня конкурентоспособности регионов.

«На основе проведения в масштабах всей страны заочного анкетирования и очных опросов представителей экспертного сообщества был сформирован Национальный рейтинг губернаторов» [8]. По результатам проведенного опроса руководителей всех 85 субъектов Российской Федерации разделили на три группы в зависимости от качества и эффективности управления регионами за период сентябрь – октябрь 2019 года. В первой группе рейтинга по качеству управления расположены субъекты Российской Федерации с 1 по 25-е место, во второй группе рейтинга – с 26 по 60-е место, в третьей группе рейтинга – с 61 по 85-е место.

В таблице 10 представлены данные из Национального рейтинга губернаторов по итогам работы за сентябрь – октябрь 2019 года для исследуемой группы регионов. По данным Национального рейтинга по исследуемой группе регионов было выявлено, что наилучшие позиции по показателям качества

управления и 21-е место в Национальном рейтинге у главы Ханты-Мансийского АО (Югра) – Комаровой Натальи Владимировны. Худшие позиции по качеству управления и 81-е место в Национальном рейтинге у главы Хабаровского края – Фургала Сергея Ивановича.

Объединив общий межрегиональный рейтинг регионов по социально-экономическим параметрам и данные из Национального рейтинга губернаторов, выявим место каждого из исследуемых субъектов Российской Федерации на основе сводного рейтинга, отражающего качество и успешность управления. Результаты по сводному межрегиональному рейтингу представлены в таблице 11.

Таблица 10

**Данные из Национального рейтинга губернаторов (сентябрь – октябрь 2019 года)
для исследуемой группы регионов [8]**

Ранг	Глава субъекта Российской Федерации	Название субъекта Российской Федерации
Первая группа рейтинга		
21	Комарова Наталья Владимировна	Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)
23	Кожемяко Олег Николаевич	Приморский край
Вторая группа рейтинга		
52	Гапликов Сергей Анатольевич	Республика Коми
Третья группа рейтинга		
62	Белозерцев Иван Александрович	Пензенская область
65	Радаев Валерий Васильевич	Саратовская область
81	Фургал Сергей Иванович	Хабаровский край

Таблица 11

Сводный межрегиональный рейтинг субъектов Российской Федерации

Субъект Российской Федерации	Общий межрегиональный рейтинг субъектов Российской Федерации	Национальный рейтинг губернаторов	Сумма рангов	Сводный межрегиональный рейтинг
Ханты-Мансийский автономный округ (Югра)	1	1	2	1
Хабаровский край	2	6	8	4
Приморский край	3	2	5	2
Саратовская область	5	5	10	6
Пензенская область	6	4	10	5
Республика Коми	4	3	7	3

Выполнено авторами на основе данных таблиц 9, 10.

Обсуждение

Для каждого региона актуальны и экономически выгодны такие направления развития, которые будут способствовать повышению уровня конкурентоспособности и социальной значимости территории. Позиции субъектов Российской Федерации в рейтинге кредитоспособности регионов также зависят от эффективности регионального управления, умения распределять финансовые ресурсы и минимизировать заемные средства за счет активного развития внутренней производственной базы и финансирование организаций сферы услуг. Инвестиционная привлекательность региона должна быть равна или даже больше, чем потребность в инвестициях для реализации крупных стратегических проектов международного уровня, в том числе с участием иностранного капитала. Результатом эффективного регионального управления является высокий уровень индекса человеческого развития, как совокупной оценки уровня жизни и качества социально-экономической среды региона по сравнению с данным показателем в международном и межрегиональном рейтингах.

В целях повышения качества управления регионами и в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководите-

лей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» № 193 от 25 апреля 2019 года, был разработан «Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

В данный перечень включено 15 показателей, по которым будет определяться качество и эффективность управления регионами Российской Федерации: уровень доверия к власти; количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики; численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей; производительность труда в базовых несырьевых отраслях экономики; уровень реальной среднемесячной заработной платы; объем инвестиций в основной капитал; уровень бедности; ожидаемая продолжительность жизни; естественный прирост населения; количество семей, улучшивших жилищные условия; уровень доступности жилья; доля городов с благоприятной городской средой; качество окружающей среды; уровень образования; доля соответствующих нормативным требованиям автомобильных дорог регионального значения и автомобильных дорог в городских агломерациях с учетом загруженности [9].

Заключение

На основе выявления рейтинговых позиций каждого из регионов России и анализа Стратегий социально-экономического развития можно сделать вывод о качестве регионального управления, как способности на основе имеющихся ресурсов территории повышать уровень конкурентоспособности региона, выявлять наиболее востребованные направления развития, разрабатывать программы развития с распределением средств регионального и федерального бюджетов с учетом сформулированных на перспективу целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евменов А.Д., Смирнов А.Ю., Булочников П.А.* Управление инвестиционным климатом региона. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2011. 142 с.
2. *Лавров В.В., Булочников П.А.* Повышение конкурентоспособности регионов как основа эффективного социально-экономического развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1. С. 99-105.
3. Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / С.И. Неделько, А.В. Осташков, С.В. Матюкин, В.Н. Ретинская, И.А. Мурзина, И.Г. Кревский, А.В. Луканин, О.С. Кошевой. М., 2008. 321 с.
4. Человек и инновации: доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.
5. Индекс кредитоспособности регионов Российской Федерации. Итоги 2018 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/region_credit_2019.pdf (дата обращения 07.11.2019).
6. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновленные статистические данные 2018 г. Доклад для Программы развития ООН. 122 с.
7. Москва – лидер конкурентоспособности регионов России (AV RCI – 2018). Консорциум Леонтьевский центр – AV Group от 23.10.2018 г. – URL: <http://lc-av.ru/2018/10/23/moskva-lider-konkurentosposobnosti-regionov-av-rci-2018/> (дата обращения 07.11.2019).
8. Национальный рейтинг губернаторов (сентябрь – октябрь 2019 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inform-24.com/17614-nacionalnyj-rejting-gubernatorov-sentjabr-oktjabr-2019.html> (дата обращения 17.11.2019).
9. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2019 года № 193.
10. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приморского края на период до 2030 года: Постановление Администрации Приморского края от 28 декабря 2018 года № 668-па.
11. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 года № 321-П.

12. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года: Постановление Правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 года № 215-пр.
13. О Стратегии социально-экономического развития Пензенской области на период до 2035 года: Закон Пензенской области от 15 мая 2019 года № 3323-ЗПО.
14. О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года: Постановление Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 года № 185.
15. О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года с изменениями на 16 августа 2019 года: распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22 марта 2013 года № 101-рп.
16. Презентация AV RCI–2018. Методика AV Group. Слайд 10-11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sc-av.ru/wp-content/uploads/2018/10/LC-AV.RCI-2018-181021.pdf> (дата обращения 07.11.2019).
17. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России по итогам 2018 года. Национальное рейтинговое агентство. М., 2018. 14 с.
18. Рейтинговая шкала инвестиционной привлекательности регионов. Национальное рейтинговое агентство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ra-national.ru/ru/node/55229> (дата обращения 07.11.2019).

Тихомиров Н.Н., Шамина О.А.

МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ ПЕЧАТНЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются малые предприятия печатных средств массовой информации (СМИ). Перечислены особенности малого предприятия печатного СМИ как объекта стратегического управления. Предложена концептуальная модель стратегического управления малыми предприятиями печатных СМИ.*

***Ключевые слова.** СМИ, печатные СМИ, стратегическое управление, малое предприятие, модель, медиа.*

Tihomirov N.N., Shamina O.A.

MODEL OF STRATEGIC MANAGEMENT OF SMALL ENTERPRISE OF PRINT MEDIA

***Abstract.** This article discusses the problems faced by small print media enterprises. The features of a small print media enterprise as an object of strategic management are listed. A conceptual model of strategic management of small print media enterprises is proposed.*

***Keywords.** Media, print media, strategic management, small business, model.*

Введение

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена современными вызовами, с которыми сталкивается малое медиапредприятие на рынке. В последние годы наблюдается тенденция к сокращению общего количества средств массовой информации (СМИ), в основном за счет сектора печатных медиа. Одновременно растет конкуренция, поскольку СМИ потребляются в свободное время, как и индустрия развлечений, демонстрирующая бурное развитие.

Имеет место нестабильная ситуация в отношении финансирования государственных СМИ: оно то увеличивается (например, в связи с проведением чемпионата мира по футболу), то сокращается, что вынуждает СМИ к поиску путей привлечения дополнительных финансовых ресурсов, поэтому многие из них нашли выход в дублировании успешных проектов конкурентов, что вызывает только краткосрочный эффект, но в перспективе ведет к кризису, поскольку рынок станет перенасыщен однотипным продуктом.

Наряду с этим, наблюдается процесс трансформации медиаиндустрии: информационно-технический прогресс провоцирует изменение бизнес-моделей медиапредприятий (в связи с изменением рынка рекламы – основного источника доходов СМИ; новые технологии позволяют потреблять содержание минуя рекламу, рост доходов от которой наблюдается только в сегменте «Интернет»); ини-

ГРНТИ 06.39.02

© Тихомиров Н.Н., Шамина О.А., 2020

Никита Николаевич Тихомиров – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Ольга Алексеевна Шамина – специалист по учебно-методической работе кафедры международных отношений, медиадиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Шамина О.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 953 158-96-87. E-mail: shamina_oa@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 20.10.2019.

цирует процессы конвергенции (слияние технологий, прежде различных и разобщенных медиа-рынков) и развития новых медиа; усиливает интерактивность; ускоряет процессы распространения и потребления содержания и, как следствие, ведет к росту неопределенности внешней среды и необходимости в перспективе перестраивать работу медиапредприятия.

Для малых предприятий печатных СМИ ситуация обостряется ввиду наличия специфических проблем: дефицит квалифицированных кадров; большая загруженность сотрудников, ведущая к многопрофильной работе; высокая степень зависимости от ключевых и трудно заменимых лиц; недостаточная компетентность руководителей, в том числе выражающаяся в нечетком представлении о сути стратегического менеджмента и его роли; отсутствие практики планирования более, чем на год. Стратегическому управлению на малом предприятии печатных СМИ не уделяется должного внимания: если оно и осуществляется, то основано исключительно на личном видении руководителем перспектив развития, опирающегося на собственный опыт, но не на научно-практические достижения в области стратегического менеджмента.

При этом, как правило, стратегия развития медиапредприятия отсутствует или носит исключительно формальный характер, не доводится до сведения сотрудников, не является ориентиром в практике оперативного управления. Подчеркнем, что стратегический менеджмент, как показывает практика, используется в основном крупными компаниями ввиду его дороговизны, однако его возможно адаптировать для применения малыми печатными СМИ с целью достижения долгосрочных конкурентных преимуществ [25].

Общая характеристика модели стратегического управления рассматриваемого предприятия

Перечисленные выше факторы свидетельствуют о возрастающей необходимости разработки модели стратегического управления малым предприятием печатных СМИ (МСУ МПП СМИ). При создании МСУ МПП СМИ учитывались следующие основные особенности малых предприятий печатных СМИ, как объекта стратегического управления:

- функционирование одновременно на двух рынках: рынке товаров и рынке услуг. Предприятия печатных СМИ производят товар, а именно информацию различного рода: новости, мнения, развлечения, то есть «контент» или «содержание», распространяемые в виде газет, журналов. Следовательно, рынок товаров медиаиндустрии – это рынок содержания, то есть первый рынок, на котором конкурируют предприятия печатных СМИ. Вторым является рынок услуг: печатные СМИ организуют для рекламодателей доступ к аудиториям, а именно продают площадь под рекламу, являющуюся важнейшим источником финансирования, в отличие от продажи содержания или спонсорского финансирования;
- необходимость лавирования между экономической целесообразностью и социальной миссией. Функционируя одновременно на двух рынках, предприятия печатных СМИ, с одной стороны, вовлечены в процессы стимулирования потребления, с другой – формирования культуры, ценностей и моральных представлений читателей;
- высокая зависимость от такого трудно прогнозируемого фактора, как «информационные поводы». Во-первых, практически невозможно спрогнозировать: количество информационных поводов, в том числе сенсаций; частоту их возникновения; степень востребованности и заинтересованности со стороны потребителя (восприятие и мышление индивидуальны). Во-вторых, имеет место так называемый информационный взрыв, когда «количество ... источников информации непрерывно растет, а сами данные становятся и сложнее, и разнообразнее – структурированные, неструктурированные и даже квазиструктурированные... При этом далеко не все данные ценны – по оценкам IDC, к 2020 году доля полезной информации составит лишь 35% от всей сгенерированной» [15]. «Данные сегодня превращаются в важный мировой ресурс, аналогичный нефти» [4]. В-третьих, информационные поводы быстро теряют свою новизну и устаревают, ведь массовые коммуникации реализуются в реальном времени, практически мгновенно доходя до потребителя, вне зависимости от географического местоположения. Необходимо учитывать, что «скорость размещения новостей в информационном поле является одним из компонентов капитализации медиакомпаний» [26];
- высокая степень зависимости от уровня научно-технического прогресса. Увеличилась скорость сбора и обработки информации; появились новые платформы потребления и новые каналы доставки контента, основанные на цифровых мобильных технологиях. Потребитель контента одновременно может быть его производителем, то есть любой компьютерный пользователь имеет воз-

возможность производить собственный контент и размещать его в интернете, что является, в том числе, формой досуга, хобби [24].

Вышеперечисленные основные особенности малого предприятия печатных СМИ как объекта стратегического управления нашли свое отражение в предложенной модели (см. рисунок), в которой производственная стратегия предприятия представлена в виде трех стратегий – фаз производственного цикла. Для каждой фазы разрабатывается своя стратегия: стратегия создания содержания (ССС), стратегия распространения и продвижения содержания (СРПС), стратегия потребления содержания и услуг (СПСУ).

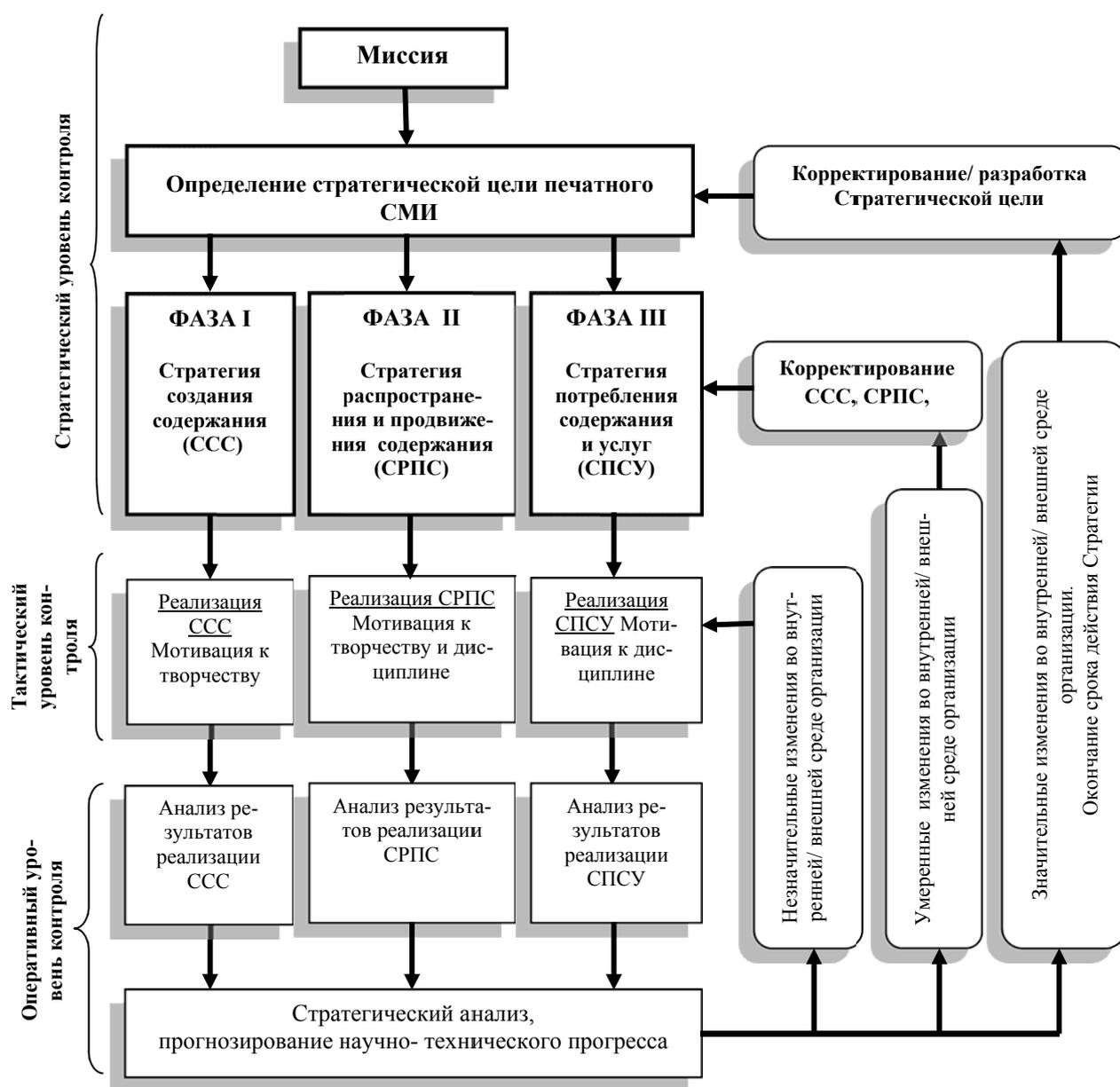

Рис. Концептуальная модель стратегического управления малым предприятием печатных СМИ

Порядок реализации предлагаемой модели

Градации на фазы производства при осуществлении стратегического управления на малом предприятии печатных СМИ позволит наилучшим образом учитывать особенности каждой из них, а значит – разработать эффективные стратегии.

Фаза I состоит из четырех этапов, на первом из которых анализируются: качество контента (на предмет соответствия принятым стандартам), технологические процессы его создания (на предмет возможности их оптимизации), система мотивации сотрудников в части создания содержания. На втором определяются цели и задачи ССС, к ключевым из них отнесены: выделение целевой аудитории печатного СМИ; определение тематики, специализации, объема, периодичности, содержательного уровня публикаций, художественного оформления; введение ежедневного планирования выхода материала (с указанием конкретного времени), что позволит оптимизировать работу главного редактора и дисциплинировать журналистов; выделение сайта и социальных сетей в самостоятельные коммерческие проекты; повышение мотивированности сотрудников к творчеству через создание необходимых для работы условий; выбор ключевых показателей эффективности, характеризующих степень достижения целей ССС. Третий этап представляет собой план мероприятий, необходимых для достижения цели и задач ССС с указанием сроков их реализации, ответственных лиц, предполагаемого результата и необходимых ресурсов. Четвертый этап – информация о необходимом финансовом и ресурсном обеспечении ССС.

Фаза II также состоит из четырех этапов, на первом из которых анализируются средства и способы распространения и продвижения содержания, а также система мотивации сотрудников в части реализации функций распространения и продвижения содержания. Соответственно, цели и задачи СРПС (второй этап) каскадируются по трем основным направлениям:

- в области продаж (обеспечение реализации продукции и оказания услуг печатного СМИ, обеспечение выполнения обязательств по поставкам продукции и оказанию услуг в соответствии с заключенными договорами и заказами-нарядами партнеров);
- в области связей с общественностью (оценка отношений печатного СМИ с общественностью, выявление зоны совмещения и согласования интересов печатного СМИ и общественности, формирование доверительных отношений общественности к деятельности печатного СМИ);
- в области рекламы (формирование осведомленности о печатном СМИ, формирование отношения к печатному СМИ).

Третий и четвертый этапы фазы II аналогичны соответствующим этапам фазы I.

Далее в технологической цепочке производственного процесса печатного СМИ идет фаза III – СПСУ, где «потребление содержания и услуг» – не что иное, как обратная связь от читателей, рекламодателей и партнеров. Применительно к печатным СМИ, мы выделяем два вида обратной связи:

- обратная связь – «требование», когда потребитель намерен добиться от печатного СМИ определенных действий в ответ на его запрос или требование (принести публичные извинения за статью, разобраться в ситуации ввиду ненадлежащего исполнения обязательств по договору об оказании услуг по предоставлению рекламного места в газете, выказывание со стороны партнера издания предложения о поощрении сотрудника печатного СМИ в связи с чрезвычайной удовлетворенностью его работой);
- обратная связь – «мнение», когда потребитель выражает некоторую позицию без намерения получить ответную реакцию со стороны представителей печатного СМИ (например, комментариев под публикацией на сайте).

Оба вида обратной связи, в свою очередь, подразделяются на положительную и негативную. Особое внимание необходимо уделить негативным «требованиям» как наиболее яркому проявлению неудовлетворенности. Необходимо разработать собственную стратегию работы с обратной связью, в частности, с негативным ее проявлением (в маркетинге – жалобами).

Фазы разнятся и в подходах к мотивации сотрудников. При первой фазе, когда происходят процессы создания содержания, необходима мотивация к творчеству через создание необходимых для работы условий. При второй фазе, когда имеет место выбор способов распространения и продвижения содержания, необходима мотивация к разработке новых каналов распространения продукта и реализации иных соответствующих функций, при этом рекомендовано использование материальной и нематериальной мотивации, примерно в одинаковом соотношении. При третьей фазе, когда мы получаем обратную связь от потребителей продуктов и услуг, целесообразна мотивация к своевременному устранению несоответствий, также посредством преимущественно материального (80%) и нематериального (20%) стимулирования деятельности сотрудников.

Еще одной особенностью представленной модели является отведение особой роли процессу прогнозирования научно-технического прогресса (НТП), поскольку развитие медиаотрасли напрямую связано с уровнем его развития. Соответственно, в МСУ МПП СМИ прогнозирование НТП выделено в отдельный блок, как и стратегический анализ. На основании данных стратегического анализа и прогноза развития НТП делаются выводы о степени изменения внутренней и внешней среды: незначительные, умеренные, значительные, что является основанием для проведения соответствующих корректирующих воздействий.

Незначительные изменения во внутренней / внешней среде организации говорят о необходимости внести соответствующие изменения в процессы реализации стратегий. Умеренные во внутренней / внешней среде организации – свидетельствуют о необходимости корректирования стратегий соответствующих фаз. Значительные изменения во внутренней / внешней среде организации провоцируют глобальные изменения, выражающиеся в корректировке существующей стратегической цели. Градация изменений по видам и, соответственно, вытекающие из них рекомендованные действия экономят временные и иные ресурсы, поскольку отсутствует необходимость в постоянном пересмотре стратегической цели и стратегий без соответствующих на то оснований.

Как показал анализ научной литературы, как правило, контроль рассматривается как этап процесса стратегического управления. Однако, по нашему мнению, контроль должен осуществляться в течение всего процесса стратегического управления, поэтому в модели обозначены только его уровни: стратегический, тактический, оперативный, отражающие рекомендованную периодичность его осуществления.

Заключение

Таким образом, в статье описана предлагаемая авторами модель стратегического управления, учитывающая отраслевые особенности. Внедрение представленной МСУ МПП СМИ позволит, по нашему мнению, малым предприятиям печатных СМИ в современных условиях успешно развиваться и конкурировать даже с более крупными и располагающими более значительными ресурсами предприятиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аналоуи Ф., Карамии А.* Стратегический менеджмент малых и средних предприятий. М.: Юнити, 2015. 400 с.
2. *Антонов-Овсеенко А.А., Романкина Е.А.* Бюджеты медиа-пространства: еще раз о специфике национального тренда к сокращению печатных СМИ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2019. № 1 (60). С. 109-113.
3. *Антонов-Овсеенко А.А., Шитикова Е.М.* Бюджет печатных СМИ России: Интернет и другие факторы влияния // Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология. 2018. № 3. С. 93-96.
4. Биг Дата шагает по планете. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/05/14/inf-a-site.html> (дата обращения 04.01.2017).
5. *Громковский В.* Как американцы догоняли СССР за счет малых предприятий // Эксперт. 2016. № 7. С. 50-53.
6. *Дулова А.Д.* Малое предпринимательство: понятие и место в экономике страны // Экономика предпринимательства. 2015. № 27. С. 32.
7. *Ивченкова М.С.* Модели функционирования современных российских СМИ: институциональный подход: автореферат диссертации ... канд. социологических наук. Саратов, 2010.
8. *Исаченко И.И., Исаев Н.О., Макаров И.А., Орешков И.В., Шаронин П.Н.* Организационные аспекты управления экономическими субъектами в медиаиндустрии. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 180 с.
9. *Кислицына Л.В., Суворов Н.С.* Актуальные вопросы организации процесса финансирования предприятий малого бизнеса // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 4. С. 7-15.
10. *Краскова Н.И.* Малое предпринимательство как предмет анализа экономической науки // Экономические науки. 2011. № 74. С. 43-46.
11. *Муравьева О.В.* Тенденции и стратегии развития печатных СМИ Казахстана онлайн // Век информации. 2017. № 2, том 2. С. 156-157.
12. *Науменко О.Л.* Тенденции и перспективы развития рынка печатных СМИ // Сборник научных статей 7-й Международной молодежной научной конференции «Будущее науки-2019», 25-26 апреля 2019 г. Курс: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 237-240.
13. *Никитин Ю.А., Шадрина О.В.* Стратегическое управление персоналом организации // СПб.: ГПА, 2009.

14. Никифорова Н.А. Гражданская ответственность печатных СМИ или как сохранить газеты в эпоху Интернета. Несколько практических советов // Сборник материалов III Международного научного семинара «Актуальные проблемы исследования коммуникационных аспектов PR-деятельности и журналистики». Псков: Псковский государственный университет, 2018. С. 26-39.
15. Объем информации в мире будет удваиваться каждые пару лет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polit.ru/news/2013/05/14/jump_bigdata (дата обращения 04.01.2017).
16. Парамонова Т.А. Кросс-коммуникативное взаимодействие журналистики, рекламы и PR в рекламно-информационных СМИ (на материале специальных проектов журнала «Первый») // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). С. 82-90.
17. Петров А.Н. Современная модель стратегического менеджмента // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1-1. С. 12-20.
18. Портных В.В. Теоретико-методологические основы стратегического менеджмента: монография. М.: Дашков и Ко, 2012. 140 с.
19. Потребин А. Структурная трансформация печатных СМИ: вызовы конвергенции // Материалы II международной научно-практической конференции «Мультимедийная журналистика: медиакоммуникации и медиаиндустрия», 01 марта 2019 г. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 39-43.
20. Приказ Минэкономразвития РФ от 18.11.2011 г. № 683 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и утверждению стратегий развития федеральных государственных унитарных предприятий на срок от 3 до 5 лет».
21. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития: доклад / Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям РФ. М., 2019. 116 с.
22. СМИ в меняющейся России: коллективная монография / под ред. Е.Л. Вартановой; науч. ред. И.Д. Фомичева. М.: Аспект Пресс, 2010. 336 с.
23. Степанова Г.Н., Шаронин П.Н. Технология разработки стратегии развития организации в условиях «цифровизации» медиа // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2015. № 5. С. 141-151.
24. Тихомиров Н.Н., Шамина О.А. Особенности стратегического инновационного развития малых предприятий медиаиндустрии // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 73-76.
25. Тихомиров Н.Н., Шамина О.А. Проблемы предпринимательства в медиаотрасли // Сборник научных трудов I международной научно-практической конференции «Стратегии развития предпринимательства в современных условиях», 26-27 января 2017 года. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 322 с.
26. Уразова С.Л. Зоны риска цифровых медиа // Массмедиа в мультимедийной среде. Основные проблемы и зоны риска. М.: Академия медиаиндустрии, 2014. 129 с.
27. Фомина И.Р. Интернет-версии печатных СМИ: функциональная специфика // Синергия наук. 2018. № 28. С. 999-1003.
28. Юфкина С.Б., Логинова К.А., Фролова Н.М. Дизайн региональных печатных СМИ как условие их успешного функционирования // Медиаисследования. 2017. № 4-1. С. 198-201.
29. Ansoff H.I. Strategic Management. N.Y.: John Wiley, 1979. 272 p.
30. Miles R.E., Snow C.C., Colman H. Organizational Strategy, Structure and Process // Academy of Management Review. 1978. № 7. P. 546-562.
31. Mintzberg H. A Guide to strategic positioning. N.Y.: Addison-Wesley, 1995. 600 p.
32. Porter M.E. What is Strategy? // Harvard business review. 1996. № 12. P. 61-78.
33. Stern C.W. Perspectives on strategy: from the Boston Consulting Group. MA.: John Wiley and Sons, 1998. 336 p.

Давыдов С.А., Сигов В.И., Рогова А.М.

ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ОПЫТ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Аннотация. Эпоха раннего средневековья в Европе характеризуется двумя важными обстоятельствами. В это время в европейскую духовную культуру проникают не свойственные ей прежде «восточные» ценности иерархии, порядка, бескорыстия и человеколюбия. Одновременно под влиянием усиления восточного понимания роли государства и форм государственного участия в организации системы социальных отношений претерпевает изменение правосознание. Под влиянием этих факторов в Византийской империи были заложены основы государственной социальной политики. В ее рамках была создана система социальной защиты, которая опиралась на сложившиеся практики социальных отношений в профессиональных корпорациях и сельских общинах, и была легитимирована государственными правовыми актами. Западная Европа восприняла византийские социальные технологии, однако адаптировала их к традиционным институтам самоорганизации, сложившимся в местных цехах и гильдиях.

Ключевые слова. Средневековье, профессиональная корпорация, социальная защита, социальное регулирование.

Davydov A.S., Sigov V.I., Rogova A.M.

THE PARADIGM OF SOCIAL PROTECTION OF THE MIDDLE AGES: THE EXPERIENCE OF EASTERN AND WESTERN EUROPE

Abstract. The era of the early middle ages in Europe is characterized by two important circumstances. At this time, the European spiritual culture was penetrated not peculiar to it before the "Eastern" values of hierarchy, order, unselfishness and philanthropy. At the same time, under the influence of the strengthening of the Eastern understanding of the role of the state and forms of state participation in the organization of the system of social relations, the legal consciousness was undergoing a change. Under the influence of these factors, the foundations of state social policy were laid in the Byzantine Empire. Within its framework, a social protection system had been created, which was based on the established practices of social relations in professional corporations and rural communities and was legitimized by state legal acts. Western Europe had adopted Byzantine social technologies but adapted them to the traditional institutions of self-organization that had developed in local guilds and workshops.

Keywords. Middle ages, professional corporation, social protection, social regulation.

ГРНТИ 04.21.51

© Давыдов С.А., Сигов В.И., Рогова А.М., 2020

Сергей Анатольевич Давыдов – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Виктор Ивглафович Сигов – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики труда Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Анна Михайловна Рогова – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета.

Контактные данные для связи с авторами (Давыдов С.А.): 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: licurg@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 23.01.2020.

Введение

Деконструкция античного мира со всей остротой поставила перед раннесредневековыми обществами Европы вопрос о выработке новой основы и апробации не менее эффективных, чем прежние, инструментов регулирования общественного воспроизводства. И уже к V-VI векам н.э. в Европе начали складываться институционализированные практики участия государства, сельских общин и профессиональных корпораций в решении проблем, которые сегодня принято относить к предметной сфере социальной защиты, таких как стимулирование вовлеченности социальных агентов в экономическую деятельность, поддержание социальной стабильности в рамках социальной общности, перераспределение общественных благ, обеспечение социальной поддержки лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Идейные основы конструирования новой парадигмы социальной защиты в Европе были заложены христианским вероучением. Оно привнесло в европейскую духовную культуру не свойственные ей прежде «восточные» ценности иерархии, порядка, бескорыстия и человеколюбия, которые были реализованы в социальных практиках христианских «братств» и далее в деятельности их прямых наследников – гильдий и цехов.

Заимствование византийских традиций

В эпоху раннего средневековья источником идей, продуктивных для конструирования сильной социальной политики государства, стала византийская государственная этика. В ее развитии отчетливо проявляли себя две тенденции. Одна из них выражалась в постепенном усилении восточного понимания роли государства и форм государственного участия в организации системы социальных отношений.

Так, ранние византийские документы проникнуты античной идеей равенства прав. В «Советах василевсу» Кевкамен поучает: «Смотри на всех и поступай одинаково», [13, с. 123]. В Василиках значится: «Закон получил название от справедливости; справедливость же есть твердая и постоянная воля воздать каждому причитающееся ему право» [там же]. Однако, в новелле Тиверия (575 г.), наряду с принципом равенства прав, соседствует уже и принцип филантропии. Там, в частности, говорится, что правительство должно ставить себе целью «обеспечить подданным все, в чем они нуждаются, устранить нужду и вообще прийти к ним на помощь» [13, с. 124].

В качестве решения проблем нуждающихся определяется содействие государства «равномерному распределению материальных благ между общественными классами» [13, с. 124], – так говорил Юстин II, обращаясь к императору Тиверии. Тем самым, от идеи признания равенства прав и обеспечения индивидуальных свобод византийское государство приходит к идее активной социальной политики с целью снижения имущественной дифференциации и помощи нуждающимся. В этом проявляется восточное влияние на государственную идеологию Византии.

Однако в ряде ее аспектов усиливаются позиции западных идей. Прежде всего, это касалось понимания методов решения социальных проблем. Если Агапит призывает Юстиниана «на место неравенства установить равенство» [13, с. 124] и мотивирует это равенством всех людей перед богом, то с течением времени идея помощи всем нуждающимся вытесняется идеей адресной социальной помощи. В ней силен элемент западного рационализма: оказанию помощи предшествовало выяснение причин, приведших человека к бедности, а также оценка нравственного достоинства нуждающегося человека.

О том, что подобные изменения действительно имели место, свидетельствует, в частности, тот факт, что в XI веке Лев Грамматик (также известен как Лев Философ, Лев Мудрый – *авт.*) счел нужным закончить приведенную выше мысль Юстина о необходимости помогать нуждающимся словами «если они того заслуживают» [13, с. 124]. Все это дало основание русским византологам еще в XIX веке сделать вывод: «Внутренняя история (византийского – *авт.*) права ... представляет собою процесс постепенного проникновения в законодательство воззрений христианской церкви (и) ... торжеством начала целесообразности над принципом права» [11, с. 264].

Изменения, происходящие в области идеологии, права и правосознания, происходили параллельно с изменениями в социально-экономической сфере византийского общества, связанными с ясно акцентированным усилением элементов этатизации в хозяйственной и социальной жизни восточного Средиземноморья. Этот процесс находил свое отражение и в последовательной антиростовщической политике византийского государства [7], и в «государствлении» хозяйственного права [2], и в проник-

новении административного аппарата органов центральной государственной власти в социальную и экономическую сферу Византии [6].

Это предопределило облик социальной политики, проводимой государством, как на селе, так и в городских центрах империи. Особенности социального регулирования в сельской местности обуславливались, в основном, двумя факторами: крестьянским обычным правом и государственным участием в решении земельного вопроса.

Обычные правовые нормы крестьян империи представляли собой свод неписаных законов, определявших все стороны жизни на селе. Эти нормы сформировались, по-видимому, еще в древнейшие времена и обеспечивали преемственность крестьянского строя Византийской империи с его античными и доклассовыми аналогами. Но не последнюю роль в формировании института крестьянского обычного права Византии сыграла и экспансия варваров – галлов, осевших в Малой Азии, а также славян, заселивших большие области европейской части империи.

Согласно нормам обычного права, основным модулем крестьянского строя являлась община. Она состояла из крестьянских семей, как правило, из нескольких десятков. Каждую семью возглавлял отец-патриарх, которому были подчинены жена и дети. Все члены семьи работали на участке земли, выделенном ей общиной. Земельный фонд периодически перераспределялся на основе решения, принимаемого общим собранием общинников. Кроме того, в компетенции общины также находились вопросы, связанные с организацией взаимопомощи при наступлении «внештатных» ситуаций, таких как грабеж, пожар, стихийное бедствие и проч. [4, с. 88], а также с оказанием помощи нетрудоспособным и воспитанием детей в случае, если последние не имели родных, способных позаботиться о них.

Как можно заметить, организованный обычным правом уклад крестьянской общины купировал большинство социальных рисков. Крестьянину практически не угрожал риск потери трудового заработка, а риски временной или постоянной потери трудоспособности покрывались за счет традиционных форм коллективной взаимопомощи. В этих условиях византийскому государству, очевидно, незачем было выстраивать собственную архитектуру социальной защиты на селе. Необходимо было только адаптировать крестьянский уклад к социальной политике государства и всячески поддерживать его.

Наиболее завершенные черты социальная политика византийского государства по поддержке крестьянской общины приобрела в период феодального строя. Однако и после его отмены византийское государство продолжало оказывать общине как субстрату социальной поддержки на селе самую ощутимую помощь. В основном она выражалась в принятии антиростовщических аграрных законов. Только в X веке их было принято три. Законом 922 года определялось преимущественное право общины на покупку земли и запрещалась скупка земли ростовщиками, законом 934 года предписывалось все захваченные у крестьян земли вернуть общине, законом от 996 года отменялась 40-летняя давность, охранявшая право ростовщиков на захваченную ими землю [1, с. 218].

В то же время, на западе Европы органы центральной государственной власти осуществляли только первые робкие попытки сделать что-либо подобное. Они были слишком слабы и неразвиты, а потому не способны социализировать аграрные отношения, или хотя бы ограничить власть феодального сеньора над общинниками. Это, конечно, обуславливало большую беззащитность крестьян перед произволом феодалов и ростовщиков.

Специфика социальной защиты на уровне профессиональных объединений

Силу государства, его желание и способность проводить активную социальную политику следует считать фактором, определившим особенности подходов к управлению социальными рисками в городах западных и восточных городов христианской Европы. На первый взгляд отличия между ними не так очевидны. Поэтому для понимания таких отличий будет нелишним вспомнить о различных путях, по которым пришлось в своем формировании пройти главным субстратам социальной защиты в восточно- и западноевропейских городах – гильдиям и цехам.

В восточном Средиземноморье профессиональные объединения существовали издревле. Претерпев с античных времен ряд метаморфоз, они, в новых условиях феодальной Византии, постепенно приобрели новую форму цеха. О постепенности и преемственности этого процесса свидетельствует, например, факт массового использования в византийском цеховом производстве труда рабов даже в IX-X веках. В то же самое время, в рамках цехов уже широко распространены качественно новые

отношения свободного найма рабочей силы, и зарождается новый класс наемных работников, т.н. мистиев или мистотов [8].

Как и в цехах западноевропейских городов позднейшего времени, в византийских профессиональных корпорациях центральное место занимала мастерская свободного ремесленника. Однако византийское государство, умело использовав сложившиеся еще во времена римской оккупации устойчивые традиции подчинения профессиональных организаций структурам административного управления, сумело занять командные высоты в системе цеховых и гильдейских отношений. О роли бюрократического аппарата в организации городского ремесла в империи свидетельствует Книга эпарха, содержащая образцы уставов византийских цехов X века [6].

Иначе ситуация складывалась в западной Европе. В южной ее части античные корпорации в III-IV веках были разрушены варварами, а в северной их не было и вовсе. Это, в сочетании с отсутствием здесь сильной центральной государственной власти, обусловило формирование цехов и гильдий на принципах самоорганизации и независимости от органов госуправления. Люди стали здесь объединяться для взаимопомощи не во исполнение воли руководящих указаний чиновников, а под влиянием передового опыта развитых городов христианского Востока, а также в силу экономической необходимости и страха перед угрозой социальных рисков и феодального разбоя.

Тесное единство людей и смешение религиозных целей с целями обеспечения благосостояния и безопасности обусловили первоначальное название западноевропейских корпораций (*fratemitates*, *confratrias*, *confreries* и т.п.). Со временем братства или гильдии становились все более «специализированными». Сначала произошло их разделение на религиозные и светские, затем последние стали разделяться на защитные (охранные) и профессиональные гильдии или собственно цехи.

Образцом для цеховой организации в западной Европе послужил, повторим мы вслед за Энгельсом, общинный строй [10, с. 121]. Здесь мы сможем увидеть и уравнительность в распределении хозяйственных благ, и взаимные обязанности членов цеха друг по отношению к другу, и право их участия в управлении хозяйственной и социальной жизнью. Это роднит западноевропейские цехи с германской маркой. Но в их организации мы можем увидеть многое из того, что могло быть перенято ими у их восточнохристианских аналогов.

Интересные параллели лежали и в области гильдейско-цехового страхования. Вот некоторые из них. Как на западе, так и на востоке Европы страхование в гильдии (цехе) осуществлялось на основании устава. Подобно уставу античных *collegia funeraticia*, цеховой устав определял перечень подлежащих возмещению страховых случаев, размеры страховой суммы и условия ее получения, порядок получения материальных компенсаций и формирования фондов. Однако, в отличие от устава римских коллегий, регламентировавшего отношения между членами исключительно по вопросам взаимного страхования, цеховой устав охватывал значительно более широкую предметную область, организуя всю совокупность как экономических, так и социальных отношений между членами цеха как социальной группы [12].

Однозначно определить круг статей цеховых уставов, регламентировавших исключительно вопросы социального регулирования, непросто.

Во-первых, потому, что в рамках цеховых отношений социальное страхование было еще не вполне отделено от взаимопомощи. Некоторые ее формы сочетали в себе признаки одновременно как первого, так и второго. Например, большинство цеховых уставов запрещало горожанину активно рекламировать свой товар и вообще производить всякую «ловлю клиентов» [5, с. 123], обязывало членов цеха оказывать непосредственное содействие друг другу в преследовании вора, в устранении последствий стихийных бедствий и военных действий и проч., а также гарантировало возмещение всех связанных с этим расходов из цеховой кассы. Кроме того, в уставах было предусмотрено лишение члена цеха гарантировавшихся ему прав за несоблюдение своих социальных обязанностей.

Во-вторых, в большинстве цеховых уставов не было предусмотрено создания отдельных фондов для целей социального страхования. Обычно, социальная поддержка оказывалась людям из единой многоцелевой цеховой кассы, которая формировалась из различных источников. В их числе, как правило, оказывались: вступительные взносы, уплачиваемые вновь принимаемыми мастерами (с введением института подмастерьев – и подмастерьями); регулярные взносы членов цеха; взносы, уплачиваемые членами цеха за учеников; подарки, отказы от завещания в пользу цеха; средства, полученные от наложения штрафных санкций за нарушение цехового устава; прочие поступления, в т.ч. образующи-

еся в связи с введением временных налогов. Таким образом, финансы гильдейско-цехового социального обеспечения были растворены в общецеховой финансовой системе.

Намного более ясно цеховой устав регламентировал распределительную сторону социальной помощи. К числу получателей социальной помощи, как правило, относились члены цеха (мастера, а позже и подмастерья), а также члены их семей и ученики. Под страховым случаем обычно разумеалась смерть, болезнь, потеря кормильца и инвалидность. В случае смерти члена цеха его семья получала два вида пособий: пособие на погребение и пособие по случаю потери кормильца; последнее выдавалось вдове умершего и детям-сиротам. На период болезни пособие выдавалось в исключительных случаях – при особо тяжелой или неизлечимой болезни; например, при проказе, слепоте и т.д. Пособие могло выплачиваться и при наступлении инвалидности, но только тогда, когда она лишала члена цеха способности обеспечить себя собственным трудом [3, с. 8-9].

Следует отметить, что подобные меры социальной поддержки практиковались как на востоке, так и на западе Европы уже в XI-XII веках. С этого времени более высокие стандарты цеховой жизни Византии могут быть обнаружены только в результате самого скрупулезного анализа [3, с. 142-149]. Но процесс конвергенции скорее затронул только внешнюю сторону сближения западно- и восточно-европейской парадигм социальной политики. Между ними не были устранены сущностные отличия, определявшиеся целями социальных мероприятий и степенью участия государства в их реализации.

Заключение

В западноевропейских городах меры социальной поддержки обычно были направлены на поддержание социальной стабильности в рамках поселения и не были инкорпорированы в целостную государственную социальную политику. Поэтому они стали частью финансового механизма коллективного самострахования с присущими ей корпоративностью и самоуправлением. Иначе дело обстояло в городах Византийской империи. Здесь реализация мер социальной поддержки покоилась на прочных основаниях государственной коммунитарной идеологии, регулировалась государственными нормативными актами, а реализующие эти меры цехи были связаны с органами госуправления сложной системой коммуникаций.

Говоря современным языком, реализовывавшаяся в Византии система мер социальной поддержки являла собою один из первых примеров государственного социального страхования децентрализованного типа. Важно отметить, что гильдейско-цеховая парадигма социальной политики стала качественно новым этапом в развитии практик социального регулирования. В ней впервые произошел симбиоз «восточных» установок на всеобъемлющую защиту от социальных рисков и «западных» технологий коллективного самострахования. Она воплотила в себе принципы общественной солидарности и индивидуальной ответственности, обязательности участия индивида в механизме взаимопомощи и добровольность его вхождения в корпорацию.

Можно увидеть, что при распределении материальной помощи принцип нуждаемости учитывается наряду с принципом причинности, а сама помощь предоставляется как в натуральном виде, так и в денежном. Эта причудливая композиция организующих принципов социальной защиты, а также опыт законотворчества Византии и западной Европы эпохи Возрождения, были в той или иной мере восприняты и реализованы в парадигмах социальной политики периода капиталистической индустриализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная история / под ред. Ю.П. Францева. Т. III. М.: Политиздат, 1957.
2. Всемирная история экономической мысли. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
3. *Давыдов С.А., Федорова Т.А., Янова С.Ю.* Социальное страхование: теория и практика. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 1999. 63 с.
4. *Давыдов С.А.* Принципы социетальной экономики: прошлое и будущее // Общество и экономика. 2014. № 12. С. 86-101.
5. *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М.: Терра, 2009.
6. Книга епарха. Уставы византийских цехов X века. Свердловск, 1949.
7. *Ромяковская М.А.* Этические проблемы «Слова против ростовщиков» Николая Кавасилы // Античная древность и средние века. Свердловск, 1977.

8. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М.: Наука, 1951.
9. *Ченцова В.Г.* К вопросу о формах городского ремесла в Венецианской Романии // Византийский временник. М.: Наука, 1990. С. 142-149.
10. *Энгельс Ф.* Марка / В кн.: Крестьянская война в Германии. М., 1953.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VI. СПб., 1892.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIII. СПб., 1903.
13. *Ισοτήξ* как принцип социальной справедливости у византийцев // Византийский временник. Т. 50. М.: Наука, 1989.

Молодкова Э.Б., Попазова О.А.

УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье раскрываются особенности банка как субъекта общественных отношений. Детально рассматривается проблема формирования организационной структуры банка, включающей в себя фронт-офис, бэк-офис, мидл-офис, в зависимости от специализации банка, масштабов деятельности и других факторов. В статье приводятся примеры подразделений, относящихся к бизнес-сектору и сопровождающему сектору организационной структуры, а также рассматриваются показатели для оценки результативности работы сотрудников. Анализируются особенности управления персоналом банка в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова. Управление персоналом, банковский менеджмент, цифровая экономика, компетенции, банковский сектор России, банковские инновации.

Molodkova E.B., Popazova O.A.

PERSONNEL MANAGEMENT OF THE BANKING SECTOR IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Abstract. The article reveals the features of the bank as a subject of social relations. It considers the problem of forming the bank's organizational structure, which includes the front-office, back-office, middle-office, depending on the specialization of the bank, the scale of activity and other factors. The article gives examples of divisions related to the business-sector and the supporting-sector of the organizational structure, as well as the indicators for assessing the employee's performance. It analyzes the features of labor resources management of a credit organization in the conditions of digitalization the economy.

Keywords. Personnel management, banking management, digital economy, competences, banking sector of Russia, banking innovations.

Введение

В настоящее время мы наблюдаем феномен «цифровизации», охватившей все сферы жизни общества, что является новым этапом в развитии общественных отношений. Цифровая экономика, как утверждает А.А. Аузан, есть полностью и целиком экономика индивидуализированных и кастомизированных продуктов, производимых небольшими группами. И для этого требуется не много капитала денежного, а много качественного человеческого капитала [6, с. 7]. Для успешного развития в условиях цифровой экономики индивиды должны отвечать ряду требований, обладать определенными навыками и компетенциями, среди которых: нацеленность на постоянное самосовершенствование, структурированность, управление конфликтами, навыки принятия решений и достижения результатов, пред-

ГРНТИ 82.05.21

© Молодкова Э.Б., Попазова О.А., 2020

Элеонора Борисовна Молодкова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Ольга Анатольевна Попазова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с авторами (Попазова О.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (921) 900-40-69. E-mail: ol-po@inbox.ru.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019.

принимательские навыки, адаптивность, эмоциональный интеллект, работа в условиях неопределенности, цифровые навыки и др.

Банковский сектор один из первых ощутил на себе влияние цифровизации, которое проявилось в автоматизации многих бизнес-процессов, роботизации (платежные терминалы вытесняют и заменяют собой операционных и кассовых работников; автоматизируется процесс кредитования), локализации отдельных функций в удаленных регионах. Одним из примеров влияния цифровизации на банковскую сферу может послужить централизация функций бэк-офиса, а также сервисной поддержки клиентов (контакт-центр) в небольших городах с целью снижения стоимости операционной поддержки, которая стала возможной благодаря современным цифровым технологиям передачи информации.

В результате данных процессов подверглись изменениям корпоративные стандарты и ценности, были пересмотрены критерии отбора сотрудников. На наш взгляд, актуальные на сегодняшний день особенности организации и управления персоналом банка укрупненно можно объединить в следующие группы: связанные со спецификой законодательного регулирования банковской деятельности; обусловленные внутренней организационной структурой предприятий финансово-кредитной сферы, наличием разных подходов к ее формированию; обусловленные особенностями развития финансово-кредитной системы в современных условиях; связанные с аксиодинамикой современного общества.

Материалы и методы

Необходимо отметить, что банк, как субъект общественных отношений, значительно отличается от других видов предприятий и организаций. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» дает следующее определение банка: кредитная организация, которая имеет исключительное право осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц, размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности, открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц [7].

Безусловно, спектр деятельности банков в направлении обслуживания физических и юридических лиц гораздо шире приведенного определения, что раскрывается в ряде статей приведенного Федерального закона, а также других нормативных актов. Деятельность участников кредитно-финансовой системы строго регулируется действующим законодательством РФ. В отличие от торговых, производственных и других предприятий, имеющих определенную степень свободы в отношении организации своей деятельности с контрагентами и клиентами, процесс взаимодействия банков с клиентами (физическими и юридическими лицами), порядок межбанковского взаимодействия, а также порядок взаимодействия банков с надзорными органами унифицирован и фиксирован законодательством.

Однако, в рамках внутренней организационной структуры руководство банков имеет возможности выстраивать бизнес-процессы в соответствии с актуальными потребностями бизнеса и его специализацией. Так, Ю.Г. Одегов выделяет 4 специализации банковского бизнеса: функциональную, отраслевую, клиентскую, территориальную. В соответствии с данной классификацией, существуют следующие разновидности банков: инновационные, инвестиционные, учетные, ипотечные, депозитные, сельскохозяйственные, социального развития, трастовые, строительные, страховые, коммунальные, биржевые, региональные, межрегиональные, международные и др. [3, с. 20].

Несмотря на такое многообразие видов банков как субъектов рыночных отношений, в организационной структуре любой кредитной организации укрупненно принято выделять два блока подразделений: фронт-офис и бэк-офис, а в ряде случаев, отдельно выделяют также подразделения мидл-офиса. В научной литературе и в практике банковского менеджмента встречаются различные подходы к определению содержания названных блоков. Так, О.В. Рузакова объясняет различие между фронт-офисом и бэк-офисом следующим образом: цель деятельности фронт-офиса – непосредственное взаимодействие клиента с операционистом по вопросам выполнения расчетных операций. Главной обязанностью специалистов фронт-офиса является работа с клиентами «вживую». Бэк-офис обеспечивает проведение, сопровождение, контроль и учет операций фронт-офиса, руководствуясь действующими нормативными документами [5].

Также в научной литературе встречается точка зрения, относящая к бэк-офису только бухгалтерский учет и подразделения, занимающиеся исполнением операций, в то время как функции ввода данных, подготовки документов и расчета финансового результата приписываются мидл-офису [1, с. 88].

Ю.Д. Одегов, в свою очередь, также выделяет в структуре банка два блока, однако, определяет их несколько иным образом: зарабатывающие подразделения, приносящие реальный доход (кредитный отдел, отдел по привлечению клиентов, отдел по работе с ценными бумагами, отдел неторговых операций, отдел по работе с денежным рынком, отдел биржевых операций, отдел по работе с драгоценными металлами, подразделения, занимающиеся пластиковым бизнесом) и обеспечивающие подразделения (архив, канцелярия, внутрибанковские расчеты, отделы оперативного учета, службы безопасности, служба внутреннего контроля, служба персонала, служба автоматизации, отдел технического обеспечения).

В классификации Ю.Д. Одегова функции мидл-офиса разделены между фронт-линией и бэк-офисом, что характерно для банков небольшого размера, а также для научной литературы, опубликованной до 2005 года, когда понятие «мидл-офиса» еще не успело закрепиться. На сегодняшний день наличие мидл-офиса характерно для многих крупных инвестиционных банков и, как правило, данный блок решает задачи по внутреннему контролю, подготовке сделок, контролю лимитов, риск-менеджменту и т.п., являясь связующим звеном между фронт-линией и бэк-офисом. При этом, в банковской сфере на сегодняшний день не существует единого понимания задач, стоящих перед мидл-офисом. Так, в некоторых случаях к мидл-офису относят также функцию разработки новых продуктов [1].

Таким образом, учитывая, что наличие мидл-офиса специфично лишь для ряда крупных банков, и не существует единства в подходах к его дифференциации, мы считаем целесообразным придерживаться более широкой и универсальной классификации подразделений банка на бизнес-подразделения (зарабатывающие) и сервисные подразделения (сопровождающие). В рамках ценностного и функционального управления трудовой деятельностью работников наличие данного разграничения необходимо, т.к. единый подход к механизму мотивации не позволяет в полной мере использовать потенциал различных направлений бизнеса. При наличии единого смыслового и ценностного пространства в организации, ключевые параметры материального и нематериального вознаграждения существенно различаются по направлениям деятельности.

Результаты и обсуждение

Итак, для разграничения сервисных и бизнес-подразделений мы предлагаем использовать критерий целевой направленности их деятельности. К бизнес-подразделениям относятся отделы, управления и департаменты, главной целью которых является осуществление функций, направленных на предоставление услуг клиентам (потребителям банковских услуг) и непосредственно влияющих на финансовый результат и величину объемных показателей предоставляемых услуг. К сервисным относятся те подразделения, главной целью которых является осуществление сервисных функций для удовлетворения потребностей клиентов и всех подразделений банка в тех или иных сервисах, но не имеющих непосредственного влияния на финансовый результат.

В таблице приводятся примеры подразделений, относящихся к каждой из двух выделенных категорий, а также основные показатели результативности их работы. Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что задачи, стоящие перед различными подразделениями банка, относящимися к обеим группам (бизнес- и сервисные) требуют наличия обширного перечня профессиональных, когнитивных, цифровых, межличностных компетенций, среди которых: организованность, коммуникация, адаптивность, фокус на достижениях, ментальная гибкость, внутренняя дисциплина, критическое мышление, внимательность к деталям, оперативная обработка больших массивов информации, творчество, обучаемость, лидерство, работа в команде, клиентоориентированность, управление стрессом, аналитика.

На сегодняшний момент зафиксировано три основных подхода к пониманию профессиональной компетенции: это знания, присущие индивиду, полученные в период общего и профессионального образования; это навыки, полученные в процессе производственной деятельности; это способы общения или состав профессиональных коммуникаций [4, с. 685]. Для бизнес-подразделений наиболее актуальны межличностные, коммуникативные компетенции, а для сервисных подразделений – аналитические и цифровые компетенции.

Помимо особенностей, обусловленными структурой кредитной организации, существует ряд других факторов, характеризующих процесс управления трудовыми ресурсами в финансово-кредитной сфере. Так, Ю.Д. Одегов выделяет следующие особенности труда в коммерческом банке: коллектив-

ность труда – практически все операции и услуги невозможно осуществить одним специалистом; высокая степень ответственности за проведенные операции и принятые решения (работа связана с деньгами клиентов); постоянное обновление (усложнение) спектра проводимых операций, внедрение новых компьютерных технологий и т.д.; переориентация рынка банковских услуг с «рынка продавца» к «рынку покупателя»; наличие в рамках одного банковского учреждения совершенно разных по функциям и отраслевой принадлежности секторов, отделов, подразделений, высокий уровень внутрибанковской специализации; закрытость информации об оплате труда посредством зачисления зарплаты и прочих доплат и надбавок на пластиковые карточки или лицевые банковские счета [3].

Таблица

Показатели результативности работы основных подразделений банка

Тип подразделений	Подразделения данной категории	Примеры показателей результативности работы, исходя из основных задач подразделения
Бизнес-подразделения: осуществление функций, направленных на предоставление услуг клиентам (потребителям банковских услуг); непосредственное влияние на финансовый результат и/или величину объемных показателей предоставляемых услуг	Операционные и дополнительные офисы по обслуживанию клиентов (физических и юридических лиц)	Качество обслуживания клиентов (показатели удовлетворенности клиентов, количество жалоб, количество ошибок, время обслуживания и др.). Количество привлеченных клиентов – физических и юридических лиц. Количество совершенных кросс-продаж
	Отдел кассовых операций	Качество обработки денежной наличности (отсутствие ошибок). Качество осуществления кассовых операций (отсутствие ошибок). Качество обслуживания клиентов (показатели удовлетворенности клиентов, количество жалоб, количество ошибок, время обслуживания и др.)
	Отдел корпоративного бизнеса	Выполнение плана по привлечению клиентов – юридических лиц (депозиты, кредиты, комиссионные продукты). Выполнение плана по развитию существующих клиентов
	Колл-центр	Производительность консультирования по продуктам и услугам (время, качество, отсутствие претензий со стороны клиентов и др.). Качество анкетирования клиентов (% опрошенных клиентов). Качество приема первичных кредитных заявок (отсутствие ошибок). Качество обработки письменных обращений клиентов
Сервисные подразделения: осуществление сервисных функций для удовлетворения потребностей клиентов и всех подразделений банка в тех или иных сервисах; отсутствие непосредственного влияния на финансовый результат и/или величину объемных показателей предоставляемых услуг; взаимодействие с надзорными органами	Отдел по работе с проблемными активами	Время взыскания задолженности по должникам различных групп. Процент выполнения плана по взысканию задолженности в отчетном периоде. Эффективность проведения реструктуризации задолженности (процент реструктурированной задолженности)
	Отдел информационных технологий	Качество обработки обращений пользователей информационных систем и сервисов (% обработанных обращений, время обработки, отсутствие жалоб со стороны внутренних клиентов). Качество настройки систем, сервисов и оборудования (количество инцидентов, связанных с некорректной работой систем, сервисов и оборудования)
	Юридический отдел	Качество и своевременность подготовки заключений по правовым вопросам. Качество защиты интересов предприятия по искам (% судебных решений не в пользу предприятия). Качество правовой экспертизы документов
	Отдел внутренней безопасности	Качество проверки данных сотрудников, проходящих по конкурсу на вакансии предприятия (время проверки, % невыявленных угроз). Качество выявления внешних и внутренних угроз экономической безопасности предприятия (%не выявленных угроз и др.). Качество проверок по соблюдению режима сохранности банковской и коммерческой тайны и т.п. (количество выявленных инцидентов, своевременность выявления)

Окончание табл.

Тип подразделений	Подразделения данной категории	Примеры показателей результативности работы, исходя из основных задач подразделения
	Отдел налогообложения	Качество формирования отчетности для налоговых органов (своевременность, полнота отображения информации, отсутствие ошибок). Качество формирования внутренней отчетности (своевременность, полнота отображения информации, отсутствие ошибок)
	Архив	Производительность учета, систематизации, оформления документов, принятых на хранение. Производительность предоставления документов, находящихся в архиве, по запросам подразделений. Качество отбора, подготовки документов к уничтожению
	Отдел маркетинга и рекламы	Качество проведения маркетинговых исследований. Качество подготовки информации по продуктам банка (рекламные буклеты и др.)

Практически все перечисленные особенности актуальны на сегодняшний день. Помимо этого, на наш взгляд, современный финансово-кредитный сектор находится под воздействием ряда новых факторов, среди которых:

- ситуация глубокого кризиса банковской системы, когда Центробанк лишает лицензии десятки кредитных организаций ежегодно, выводит с рынка недобросовестных игроков, осуществляющих сомнительные операции. Помимо сокращения количества банков, как утверждает Э. Набиуллина, банковскую систему ждет существенная реконструкция, в частности, превращение в трехуровневую структуру, каждый уровень которой будет иметь специализацию. Планируется выделить: крупные системно значимые кредитные организации, к которым будут предъявляться повышенные требования со стороны регулятора; универсальные банки, которые смогут проводить весь набор операций, к ним будут предъявляться требования, соответствующие Базельским стандартам; а также банки с базовой лицензией, чей объем операций будет ограничен и которые в основном будут обслуживать малый бизнес и физических лиц – для них регулирование станет проще [2];
- значительная конкуренция финансовых специалистов на рынке труда в связи с уменьшением количества кредитных организаций, переизбыток специалистов общего профиля (операционные работники, кассиры, финансовые консультанты);
- кадровая замкнутость банковской системы – банковские специалисты, как правило, имеют мало возможностей перейти в другую сферу деятельности, т.к. их навыки и знания являются узкоспециализированными. Также не всегда успешен и возможен переход специалистов в банк из других отраслей;
- возрастание нагрузки на действующих банковских работников в связи с сокращением штата многих банков, наличие постоянной сверхурочной работы;
- существенная трансформация ряда банковских специальностей. Так, «специализация», о которой писал Ю.Д. Одегов, на сегодняшний день сменяется универсализацией;
- локализация ряда трудовых функций в отдельных регионах с учетом специфики рынка труда и уровня заработных плат;
- по-прежнему актуальной особенностью банковской сферы остается высокая скорость изменений, динамизм, высокая конкуренция среди банков. Быстро развивается сегмент финансовых технологий, который оказывает влияние на бизнес-модели участников рынка и на всю финансовую систему. Технологии создают новые виды финансовых инструментов и продуктов, новые каналы дистрибуции [2]. Радикально изменяется интерфейс взаимодействия с клиентом, сегодняшние банки уже не те, что были еще 5-6 лет назад;
- особенностью труда банковских работников является также наличие операционных рисков, порождаемых некорректной работой сотрудников банка, ошибками информационного обеспечения, несовершенством организационной структуры в различных аспектах. Операционный риск – это риск возникновения убытков в результате несоответствия характеру и масштабам деятельно-

сти кредитной организации и (или) требованиям действующего законодательства внутренних порядков и процедур проведения банковских операций и других сделок, их нарушения служащими кредитной организации и (или) иными лицами (вследствие непреднамеренных или умышленных действий или бездействия), несоразмерности (недостаточности) функциональных возможностей (характеристик) применяемых кредитной организацией информационных, технологических и других систем и (или) их отказов (нарушений функционирования), а также в результате воздействия внешних событий [8]. Выявлено, что наиболее опасными для организации представляются риски, вызываемые действиями персонала (91%) и внутренними процессами (62%) [1, с. 88];

- как правило, банки характеризуются иерархичностью оргструктуры, что не вполне соответствует ценностям современного общества, призывающего к формированию более гибких и плоских оргструктур, либерализации управления, демонтажу иерархий, поощрению индивидуальной инициативы и творчества. Согласно данным ВСГ, к 2025 году поколение Z (1997 года рождения и младше) будет составлять около 25% всей рабочей силы. Это люди, которые с рождения пользуются цифровыми технологиями (digital natives) и имеют неограниченный доступ к информации. Личный рост, баланс работы и личной жизни для них приоритетнее финансового вознаграждения и карьеры. В отличие от предыдущих поколений, «зеты» склонны довольно часто менять работодателей [6].

Заключение

Резюмируя, необходимо сказать, что феномен цифровизации кардинально меняет характер трудовой деятельности, социальные нормы и ценности, в рамках которых она осуществляется. Современный банковский сектор требует от работников готовности постоянно обучаться, развивать широкий диапазон профессиональных, межличностных, цифровых компетенций. В иерархии актуальных на сегодняшний день ценностно-мотивационных ориентаций персонала наиболее важно наличие таких ориентаций, как возможность профессионального развития, самосовершенствование, личностный рост, продуктивная жизнь, свобода, творчество, инициативность, толерантность к ситуации неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаркова Н.А. Влияние операционных рисков на деятельность коммерческих банков // *Банковское дело*. 2006. № 3.
2. Мне KPI устанавливает закон: интервью с Э. Набиуллиной. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hbr-russia.ru/management/upravlenie-izmeneniyami/a21081> (дата обращения 05.01.2018).
3. *Одегов Ю.Г., Никонова Т.В., Безделов Д.А.* Банковский менеджмент: Управление персоналом. М.: Экзамен, 2004. 445 с.
4. *Потемкин В.К.* Управление персоналом. СПб.: Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России, 2013. 775 с.
5. *Рузакова О.В., Софиева В.А.* Оптимизация работы операционного отдела банка с использованием реинжиниринга бизнес-процессов // *Управленец*. 2014. № 4. С. 42-47.
6. Россия 2025: от кадров к талантам. Boston Consulting Group, 2017.
7. Федеральный закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (ред. от 31.12.2017) «О банках и банковской деятельности».
8. Письмо Банка России от 24.05.2005 г. № 76-Т «Об организации управления операционным риском в кредитных организациях».

Хабибулина Э.А.

ВАЛЕНТНОСТЬ И ДИСТРИБУЦИЯ НЕМЕЦКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА

Аннотация. В статье рассматриваются синтагматические характеристики немецких прилагательных цвета: сочетаемость, синтаксико-морфологическое оформление актантов, их семантическое наполнение. Типологические признаки адъективных цветообозначений немецкого языка анализируются с точки зрения валентностной модели, представленной в «Словаре валентности и дистрибуции немецких прилагательных» К.-Е. Зоммерфельдта и Х. Шрейбера. Цветообозначения, в целом, обладают всеми присущими качественным прилагательным грамматическими категориями, однако эта лексико-семантическая группа имеет ряд ограничений и исключений.

Ключевые слова. Валентность, дистрибуция, синтагматический аспект, прилагательные цвета, качественное прилагательное, актант.

Khabibulina E.A.

THE VALENCY AND DISTRIBUTION OF GERMAN COLOR ADJECTIVES

Abstract. The article deals with syntagmatic characteristics of German color adjectives: compatibility, syntactic-morphological design of actants, their semantic content. Typological features of adjectival color terms of the German language are analyzed from the point of view of the valency model presented in the Dictionary of valency and distribution of German adjectives by K.E. Sommerfeldt and H. Schreiber. Color terms, in general, have all the grammatical categories inherent in qualitative adjectives, but this lexical-semantic group has a number of limitations and exceptions.

Keywords. Valency, distribution, syntagmatic aspect, adjectives of color, qualitative adjective, actant.

Введение

Типологические признаки прилагательных, а именно их валентность, дистрибуция, управление не так часто становятся предметом исследований, существенно уступая таким лексическим категориям, как существительное и глагол. По мнению ряда исследователей, это вызвано тем, что прилагательные недостаточно четко противопоставлены ядерным категориям – существительным и глаголам – как во внутриязыковом, так и в межъязыковом аспекте. Группа прилагательного представляется как своего рода «тупиковая ветвь» деривации, поскольку сама по себе не дает начала никакой рекурсивной категории и не предназначена для обозначения основных внеязыковых объектов – событий и вовлеченных в них индивидов [3, с.10].

ГРНТИ 16.41.21

© Хабибулина Э.А., 2020

Эльвира Анваровна Хабибулина – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации Сургутского государственного педагогического университета.

Контактные данные для связи с автором: 628403, Сургут, Рабочая ул., д. 31/2 (Russia, Surgut, Rabochaya str., 31/2). Тел.: 8 922 485 80 02. E-mail: elvira_khabibulina@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 27.01.2020.

Краткий обзор литературы

К наиболее значимым современным исследованиям в рассматриваемом направлении относятся работы В.П. Гращенкова, Е.А. Лютиковой, И.М. Кобозевой. В них обсуждаются основные семантические противопоставления в системе признаковой лексики, выявляются грамматические категории, характерные для прилагательных русского языка, делаются обобщения о дистрибуции этой синтаксической категории [2; 3]. В германском языкознании изучению синтагматического аспекта различных частей речи отводилась важная роль. Результаты такого рода исследований легли в основу фундаментальных работ, опубликованных в 20 веке, которые актуальны и на сегодняшний день и являются основой современных типологических исследований.

При рассмотрении синтагматического аспекта частей речи особое значение уделяется валентности. Понятие валентности (Valenz) в немецкой грамматике появилось благодаря работам французского лингвиста Л. Теньера. Л. Теньер придерживается так называемой «вербоцентрической концепции». Он относит понятие валентности только к глаголу и определяет его как число актантов, которые может присоединять глагол [4]. Данную теорию поддерживал и И. Эрбен, использовавший для понятия валентности термин «Wertigkeit» [7].

В.Г. Адмони определяет понятие валентности термином «сочетательная потенция» (Fügungspotenz) или «сочетаемость» (Fügungswert) и признает сочетательные потенции за каждой частью речи [1].

М.Д. Степанова переносит понятие валентности также и на словообразование. Наряду с «внешней валентностью», она различает также и «внутреннюю» валентность по отношению к отдельным компонентам слова: основам, префиксам, суффиксам [10].

Немецкие ученые Г. Хельбиг и В. Шенкель разработали модель валентности, которую представили в «Словаре валентности и дистрибуции немецких глаголов» [9]. Эта модель первоначально опиралась на синтаксическую валентность (т.е. валентность на уровне выражения) и распространялась на одну часть речи – глагол. Однако позднее выяснилось, что она, с одной стороны, может быть применена к другим частям речи, а с другой стороны, может быть в качестве необходимой составной части интегрирована в комплексную модель, охватывающую различные уровни анализа [6, с.146].

Итак, под валентностью понимается способность глагола или другой части речи создавать вокруг себя определенные открытые позиции, которые должны быть заполнены обязательными или факультативными актантами. Но, чтобы адекватно описать роль актантов в предложении, недостаточно знать их число, т.е. валентность в узком смысле. Необходимо учитывать ещё их вид (синтаксический или семантический), т.е. дистрибуцию. Дистрибуция, в свою очередь, это – совокупность всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемая всем тем окружениям, в которых она встречаться не может.

Результаты и их обсуждение

Очевидно, что валентностные отношения у других частей речи иные, чем у глагола. Наибольшее сходство с глаголом обнаруживает при этом прилагательное. Убедиться в этом можно, обратившись к «Словарю валентности и дистрибуции немецких прилагательных» К.-Е. Зоммерфельдта и Х. Шрейбера [11]. В синтагматическом аспекте прилагательные обладают следующими характеристиками, имеющими общие черты с валентностью глагола:

- а) прилагательные обладают облигаторной и факультативной валентностью;
- б) имеются одно-, двух- и трехвалентные прилагательные;
- в) актанты прилагательного могут иметь различное синтаксико-морфологическое оформление (S_g, S_d, NS и т.д.);
- г) актанты прилагательного допускают различное семантическое наполнение ([Hum], [±Anim] и т.д.), т.е. подвержены различным ограничениям в избирательности;
- д) некоторые актанты выступают как альтернативные.

Для определения синтагматических связей прилагательных цвета важно определить их место во внутренней классификации прилагательных. Заметим, что в классической немецкой грамматике употребляются термины «относительное прилагательное» (relatives Adjektiv) и его противочлен «абсолютное прилагательное» (absolutes Adjektiv). Эти термины употребляются для указания на валентность прилагательного.

Относительным прилагательным свойственно несколько актантов. Но число мновалентных прилагательных в немецком языке очень невелико. Абсолютные прилагательные одновалентны, т.е. ограничиваются одним облигаторным актантом, который при предикативном употреблении является субъектом, а при атрибутивном употреблении стоит после прилагательного. Прилагательные, обозначающие цвет, относятся к группе абсолютных, т.е. одновалентных (по классификации Бехагеля) [11, с. 27].

Общепринятым является также деление прилагательных на качественные (qualitative) и относительные (relative) [8, с. 145].

Качественные прилагательные выражают признаки предмета непосредственно своим собственным значением, это, в основном, корневые прилагательные, обозначающие внешний вид, форму, размер, положительную или отрицательную характеристику предмета или явления, состояние предмета. Качественные прилагательные обладают всеми грамматическими категориями прилагательных, включая степени сравнения, и выполняют все присущие прилагательным синтаксические функции.

Относительные прилагательные выражают признак предмета через его отношение к другому предмету, это всегда – производные прилагательные. Эти прилагательные не имеют степеней сравнения, как правило, не употребляются в краткой форме.

Цветообозначения мы относим к качественным прилагательным, хотя для этой лексико-семантической группы имеется ряд исключений и смежных случаев. Так, прилагательные цвета *gelb*, *weiß*, *schwarz* и т.д. являются корневыми. Однако, способность образовывать степени сравнения не считается для них релевантным признаком, поскольку возможность использования сравнительной и превосходной степени цветочных прилагательных в конкретных речевых ситуациях достаточно ограничена [5, с. 207].

Существует также немногочисленная группа неизменяемых прилагательных, обозначающих цвет: *rosa*, *lila*, *orange*, у которых отсутствует несколько типичных качественным прилагательным свойств (абсолютно не имеют степеней сравнения, не склоняются, обладают низким словообразовательным потенциалом), но и они представляют собой качественные прилагательные.

Будучи качественными, прилагательные цвета могут выполнять все присущие прилагательным синтаксические функции: атрибутивную, предикативную, а также могут употребляться адвербально в сочетании с глаголом.

Проиллюстрируем вышеизложенное конкретными примерами, опираясь на «Словарь валентности и дистрибуции немецких прилагательных» К.Е. Зоммерфельдта и Х. Шрейбера, и рассмотрим при этом также семантическое наполнение актантов прилагательных, обозначающих цвет.

Для всех ядерных прилагательных цвета, к которым мы относим названия трёх ахроматических цветов: *schwarz*, *weiß*, *grau* и пяти хроматических: *rot*, *grün*, *blau*, *braun*, *gelb* свойственна сходная модель валентности и дистрибуции. Рассмотрим её на примере словарной статьи прилагательного **blau** «Словаря валентности и дистрибуции немецких прилагательных»:

blau (1) = „Farbbezeichnung,“

1.1. 1

1.2. B

1.3. attr (*die blaue Decke*)
 präd (*Die Decke ist blau*)
 adv (*Die Decke sieht blau aus*)

2. B 1. +Anim / -Hum (*ein blauer Vogel, eine blaue Blume*)
 2. –Anim (*eine blaue Tapete, ein blaues Kleid, blaue Flecke*)
 3. –Anim / Körperteil (*blaue Lippen/Hände*)

Hierzu auch: „mit einem blauen Auge davonkommen“ (ugs.), „jemanden grün und blau schlagen“ (ugs.), „sich grün und blau ärgern“ (ugs.)

Пункт 1.1 данной словарной статьи называет количество необходимых актантов, которые может присоединять прилагательное. Все выше названные цветообозначения – облигаторно одновалентные прилагательные.

Пункт 1.2 сообщает о том, что облигаторный актант представляет собой существительное, определяемое этим прилагательным (B – Beziehungswort).

Под пунктом 1.3 представлены синтаксические функции, в которых может выступать цветочное прилагательное. Мы видим, что *blau* выполняет все синтаксические функции, присущие качественным при-

лагательным: функции определения, именной части сказуемого и обстоятельства. Аналогичен синтаксический функционал у прилагательных *gelb u grau*. Остальные же прилагательные (*schwarz, weiß, rot, grün, braun*) выступают только в первых двух функциях и не могут употребляться адвербиально.

Пункт 2 даёт информацию о семантическом наполнении актанта. Так, прилагательное *blau* обладает широкой сочетаемостью, но, всё же, имеет некоторые ограничения.

Маркировка +*Anim* / - *Hum* обозначает, что определяемым словом у этого прилагательного может быть существительное, обозначающее объекты живой и неживой природы (животные – *ein blauer Vogel*, растения – *eine blaue Blume*), исключая человека (- *Hum*).

–*Anim* указывает на сочетаемость прилагательного с существительными, обозначающими артефакты (*eine blaue Tapete, ein blaues Kleid, blaue Flecke*).

–*Anim* / *Körperteil* свидетельствует о том, что прилагательное может характеризовать цвет частей тела человека (*blaue Lippen/Hände/Augen*).

Аналогичное семантическое наполнение имеют актанты других прилагательных цвета.

Кроме того, словарная статья «Словаря валентности и дистрибуции немецких прилагательных» даёт представление о наличии у прилагательного вторично-номинативных значений. Так, мы видим, что прилагательное *blau* функционирует в составе устойчивых сочетаний. Следует отметить, что все ядерные цветоименования немецкого языка имеют переносные значения и включаются в состав фразеологических единиц.

Заключение

Таким образом, прилагательные цвета являются абсолютными и, следовательно, облигаторно одновалентными. Будучи качественными, они употребляются как в краткой, так и в склоняемой форме и выполняют синтаксические функции именной части сказуемого и определения, реже выступают в роли обстоятельства. Единственный и обязательный актант цветовых прилагательных представляет собой определяемое существительное. Семантически прилагательные цвета сочетаются почти со всеми объектами окружающего мира, за исключением существительных, обозначающих человека. Как известно, такие словосочетания как «*blaue Jungs*», «*der schwarze Peter*», «*der grüne Junge*» существуют, но цветовые прилагательные в них уже претерпели семантическую модификацию и употребляются в переносном значении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973. 176 с.
2. Гращенков П.В., Кобозева И.М. Семантические классы и управление прилагательных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Вып. 16 (23): В 2 т. Т. 2. М., 2017. С. 134-149.
3. Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. Рема. 2018. Вып. 4. С. 9-33.
4. Теньер. Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. 656 с.
5. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953. 376 с.
6. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978. 259 с.
7. Erben J. Deutsche Grammatik. Ein Abriß. München, 1972. 328 s.
8. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976. 363 s.
9. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1969. 458 s.
10. Stepanova M.D., Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. М., 1986. 247 s.
11. Sommerfeldt K.-E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. Leipzig, 1983. 435 s.

Аветисян А.В.

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ**

***Аннотация.** Наряду со значительными достижениями в социально-экономическом развитии и достижениями системы местного самоуправления в Республике Армения, в то же время может быть выявлен ряд важных вопросов, связанных с необходимостью разработки новых руководящих принципов управления местными органами власти, политики их дальнейшего развития, их независимости и демократизации. В статье представлены основные проблемы, существующие в системе местного самоуправления Армении, которые негативно влияют на эффективность деятельности этих органов и препятствуют созданию и сбалансированному развитию системы местного самоуправления в Армении.*

***Ключевые слова.** Местное самоуправление, обязательные и делегированные органы власти, общества, инфраструктура, финансовый менеджмент.*

Avetisyan A.V.

**THE CURRENT STATE OF THE LOCAL SELF-GOVERNANCE SYSTEM
AND ACTUAL PROBLEMS OF ITS DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF ARMENIA**

***Abstract.** Along with the significant achievements and achievements of the local self-government system in the Republic of Armenia, at the same time, several important issues can be identified related to the need to develop new guidelines for the management of local authorities, policies for their further development, their independence and democratization. The article presents the main problems existing in the system of local self-government of Armenia, which negatively affect the effectiveness of the activities of these bodies and prevent the creation and balanced development of the local self-government system in Armenia.*

***Keywords.** Local Government, binding and delegated authorities, communities, infrastructure, financial management.*

Введение

Наряду со значительными достижениями в системе местного самоуправления в Республике Армения, существует ряд важных вопросов, связанных с управлением местных органов власти, установлением новых руководящих принципов политики для их дальнейшего развития, их независимости и демократизации.

Прежде всего, следует отметить, что, с момента создания в Армении системы местного самоуправления, высокая степень фрагментации административно-территориального устройства республики всегда была ключевой проблемой. В 1995 году, в ходе развития системы административно-

ГРНТИ 82.13.37

© Аветисян А.В., 2020

Ашот Вачаганович Аветисян – аспирант Института экономики им. М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения (г. Ереван).

Контактные данные для связи с автором: 0019, Республика Армения, г. Ереван, пр. Маршала Баграмяна, 24д (Armenia, Yerevan, Marshala Bagramyana str., 24d). Тел.: +37477401045.

Статья поступила в редакцию 02.01.2020.

территориального деления, в Армении было сформировано большое количество общин, в которых существенные различия были связаны с климатическими условиями, возможностями получения дохода, предоставлением инфраструктуры и фактическим статусом, доступом к медицинским и образовательным услугам, межгосударственными и республиканскими дорогами с рыночной позицией этих сообществ и других факторов. Естественно, что эти факторы по-разному влияют на уровень социально-экономического развития общин, а также влияют на процесс пропорционального территориального развития в Армении.

Однако, в то же время, следует отметить, что, несмотря на значительные различия между общинами и вышеупомянутыми факторами, законодательство, регулирующее местное самоуправление Республики Армения, определяет одинаковые полномочия для всех общин. Последние во многих случаях даже недостаточны для больших и средних сообществ, когда многие небольшие общины не могут в полной мере реализовать свои определенные полномочия и не могут предоставить населению необходимые услуги, при отсутствии соответствующей инфраструктуры сообщества, даже из-за неспособности ими управлять из-за недостатка средств.

Возможно, это также связано с тем фактом, что в большинстве местных органов власти Армении (особенно в небольших городских и сельских общинах) по разным объективным и субъективным причинам значительная доля как обязательных, так и делегированных государством полномочий недоработана или вообще не реализована. Таким образом, получается, что полномочия, которыми наделена Республика Армения в сфере местного самоуправления, не учитывают возможности общин по осуществлению этих полномочий. Хотя полномочия, предоставленные органам местного самоуправления по закону, в последние годы были несколько изменены и дополнены, никаких радикальных изменений в этом отношении пока не наблюдалось.

Из вышесказанного совершенно очевидно, что основные проблемы в области местного самоуправления касаются сельских общин, в большинстве из которых, как уже упоминалось, качество услуг, предоставляемых населению, является довольно низким, а во многих случаях некоторые услуги вообще не предоставляются, что в некоторой степени связано с нехваткой финансовых и кадровых ресурсов сообществ, а также отмечается низкий уровень управления. Однако, в то же время, следует отметить, что выделение дополнительных финансовых ресурсов таким общинам не решит эффективно существующие проблемы, во многих случаях это может оказаться пустой тратой государственных финансовых ресурсов.

Еще одной ключевой проблемой в секторе местного самоуправления в Армении является все еще значительная централизация власти на государственном уровне, которая не всегда эффективна и соответствует принципу субсидиарности. В этом отношении Армения значительно отстает от Восточной Европы и стран Балтии. В частности, согласно годовому отчету Freedom House «Страны с переходной экономикой» (см.: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/2018/armenia>), система местного самоуправления Республики Армения за 2005-2010 года были оценена на 5,50 баллов, а в 2011-2018 годы – на 5,75 балла.

Это означает, что система местного самоуправления Армении все еще находится на переходном этапе, от прежней авторитарной к демократической системе управления. Из вышесказанного становится ясно, что созрели новые, более эффективные отношения между централизованным и децентрализованным режимами общественных услуг, что расширило полномочия и финансы местных органов власти. В связи с этим, необходимо срочно заняться проблемами, существующими в системе местного самоуправления Армении, что существенно затрудняет дальнейшее развитие этой системы. В статье будут рассмотрены некоторые из ключевых вопросов, препятствующие эффективному развитию в рассматриваемой области.

Недостаток собственных доходов сообществ

Основным условием правильного осуществления полномочий общин Республики Армения является наличие достаточных финансовых ресурсов, которые должны формироваться, в основном, из источников собственного дохода. Мы рассмотрели структуру доходов армянских общин, в частности ставки налогов и других обязательных платежей по доходам общинного бюджета на 2014-2018 годы (см. табл.), и выяснили, что они составляли в среднем 19,9%, т.е., другими словами, уровень финансовой независимости органов местного самоуправления составляет всего 19,9% [1].

Фактически получается, что значительная часть доходов общин в Республике Армения (РА) обеспечивается в основном за счет средств, предоставленных Правительством Республики Армения. Таким образом, государственные субсидии сообществам на 2014-2018 годы финансировались в целях выравнивания в среднем 46% доходов сообществ. Как мы видим, существующая система финансового выравнивания не стимулирует сообщества к увеличению собственных доходов и не способствует их финансовой независимости.

В дополнение к вышесказанному, несоразмерное распределение их ресурсов также является серьезной проблемой в области получения дохода самими общинами. Фактически, общая налоговая система, которая в настоящее время действует в Армении, препятствует усилиям по созданию собственных налоговых систем сообществ и на практике не в состоянии обеспечить надлежащую налоговую автономию на уровне сообществ без создания возможности для сообществ повысить свою фискальную ответственность. Исходя из вышеизложенного, уровень местной налоговой зависимости сообществ должен постепенно повышаться, в том числе для обеспечения подотчетности местных органов власти при одновременном снижении роли государственных субсидий.

Таблица

Состав и структура доходов муниципального бюджета на 2014–2018 годы [1]

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018
Общий доход, млрд драм, в т.ч.:	114.4	128.4	128.6	126.6	127.5
налоги и сборы	23.3	23.8	24.6	26.8	26.3
прочие доходы	35.5	45.0	48.8	42.6	41.4
официальные гранты	55.6	59.4	55.3	57.2	59.7
Удельный вес, %, в т.ч.:	100	100	100	100	100
налоги и сборы	20.3	18.5	19.1	21.1	20.6
прочие доходы	31.0	35.1	37.9	33.6	32.5
официальные гранты	48.6	46.3	43.0	45.2	46.8

Низкий уровень фискальной децентрализации

Одним из основных направлений развития органов местного самоуправления является фискальная децентрализация, которая должна осуществляться посредством систематических и комплексных планов действий. Одним из важных направлений политики децентрализации системы местного самоуправления является создание надлежащего местного налогового администрирования в качестве обязательного элемента местного самоуправления.

Расходы бюджетов армянских общин на 2014-2018 годы в среднем составили 123,2 млрд драмов [1], из которых 76,0 млрд драмов (расходы на душу населения составили 70,7 тыс. драмов), или 58,7% расходов, составили расходы Еревана, а 52,3 млрд драмов (расходы на душу населения 28,0 тыс. драмов), или 41,3% расходов составили остальные общественные расходы. Как мы видим, существует значительная разница в расходах средств бюджета сообществ. Рассмотрим показатели коммунальных налогов и сборов в общих доходах государственного бюджета РА, их удельный вес за 2014-2018 гг. В среднем это было около 2%, что свидетельствует о низком уровне фискальной децентрализации и высоком индексе фискальной концентрации – 98% [1].

В соответствии с Законом РА «О бюджетной системе» [2] процентная доля отчислений в бюджет сообщества от подоходного налога, налога на прибыль и экологических платежей устанавливается Законом «О государственном бюджете» РА на каждый год. Тем не менее, Закон РА «О государственном бюджете» ежегодно предусматривает, что статья 57 Закона «О местном самоуправлении» и статья 73 Закона «О местном самоуправлении» в городе Ереване не предусматривают налог на коммунальный бюджет и налог на прибыль, а экологические платежи осуществляются в порядке, установленном Законом Республики Армения «О целевом использовании экологических платежей, подлежащих уплате компаниями» (см., например, [3]).

Чтобы обеспечить высокий уровень фискальной децентрализации, необходимо повысить уровень финансовой независимости сообществ путем предоставления новых устойчивых источников доходов бюджета сообщества и финансирования долгосрочных программ, которые обеспечат будущие доходы. Таким образом, системы финансирования местного самоуправления должны быть достаточно разнообразными и гибкими, чтобы идти в ногу с расширением их полномочий и вытекающими из этого изменениями затрат, которые могут возникнуть при выполнении задач в рамках этих органов.

Недостаточное развитие инфраструктуры сообщества

Эффективная работа органов местного самоуправления во многом зависит от наличия, статуса и уровня развития инфраструктуры сообществ. Следует отметить, что даже при самых оптимистичных оценках последние являются неадекватными, и, в частности, средства к существованию в сельской местности в Армении за последние годы существенно не улучшились. Несмотря на то, что во многих общинах РА государственные и международные донорские организации реализовали ряд проектов, направленных как на восстановление инфраструктуры сообществ, так и на развитие малого и среднего бизнеса в общинах, эти проекты не оказали существенного влияния на улучшение социально-экономического положения этих общин.

В частности, отмечается недостаточный финансовый и управленческий потенциал сельских общин для эксплуатации и обслуживания модернизированных или вновь построенных инфраструктур в результате реализации инвестиционных программ в сельских районах, в том числе, отмечается отсутствие знаний в области управления созданными организациями, что снижает эффективность осуществляемых инвестиций. Сельские жители пользуются общественными услугами, такими как здравоохранение, образование, культура, вывоз мусора, освещение, коммунальные услуги и др., объемы, качество и доступность которых варьируются в зависимости от сельской местности и сообществ. Исследования основных факторов, влияющих на качество услуг, предоставляемых гражданам в сельских населенных пунктах, показывают, что долгосрочные и низкие уровни предоставления услуг, а также редкое использование современного оборудования и программного обеспечения являются серьезной проблемой в этой области.

Например, ряд услуг, в частности бюро регистрации гражданского состояния (ОГО), в основном сосредоточены в городских общинах, а также обслуживают население соседних сельских общин. Однако следует отметить, что государственная пошлина, взимаемая за эти услуги, указывается только в бюджетах соответствующих городских сообществ, хотя необходимые расходы на эти услуги, а также расходы, связанные с реализацией делегированных полномочий государством, осуществляются за счет средств, перечисляемых из государственного бюджета в бюджеты общин; последние не представляют соответствующие отчеты о своей деятельности местным органам власти. Кроме того, следует отметить, что уровень осведомленности жителей сообщества об услугах ОГО и ставках взимаемых государственных пошлин достаточно низок.

Говоря о секторе жилищно-коммунального хозяйства, следует отметить, что в целом предоставление услуг в этом секторе еще не полностью регулируется законодательством, в частности, нет единых норм и стандартов для этого сектора, а также нет установленных показателей эффективности и четких критериев для их оценки. Почти во всех общинах в Армении бесплатные и платные общественные услуги предоставляются в неполном объеме и неадекватного качества, не будучи доступными для широких слоев населения.

Не менее важной проблемой в этой области является низкая эффективность работы кондоминиумов. Около 761 кондоминиумов в Республике Армения (499 из которых сосредоточены в городе Ереване) не действуют или не созданы вообще. Кроме того, отношения между сообществом и кондоминиумом юридически не уточнены, кондоминиумы и формы помощи кондоминиумам не регулируются. Все вышеперечисленные проблемы, естественно, оказывают негативное влияние на средства к существованию и благосостояние населения в данной общине, во многих случаях приводя к безработице в сельских районах.

Несоразмерное распределение субсидий, в том числе субсидий для сообществ

Исследования процесса выделения грантов сельским сообществам правительством Республики Армения показывают, что в этой области существует ряд проблемных вопросов, в частности:

1) предоставление грантов не учитывает доходы, финансовые потребности и их различия в сообществах, а также расходы, отражающие реальные потребности сообществ и их особенности;

2) для сообществ нет четких механизмов оценки финансовых потребностей, в результате каждому сообществу с населением до 3500 человек выделяется равное количество субсидий. Более того, степень первоначального финансового разрыва в возможностях сообществ не регистрируется и четко не оценивается;

3) нет четкой связи между качественными и количественными показателями эффективности услуг с целью решения обязательных задач сообщества и уровнем финансового выравнивания;

4) отсутствуют системы для реалистичной оценки финансовых требований и контроля за предоставленными средствами;

5) субсидии, предоставляемые сообществам по принципу финансового равновесия без четких указаний расходов, просто дополняют записи административного бюджета, а в некоторых случаях расходуются без учета эффективного выполнения обязательных задач в рамках собственных полномочий сообщества. Фактически, нынешняя политика финансового выравнивания не заставляет общины в РА повышать собственный уровень сбора доходов;

6) процедура предоставления субсидий общинам, определенная Правительством Республики Армения, является довольно неполной, правительство рассматривает и подает заявления в этих условиях в отсутствие четких стандартов и процедур. Более того, эти решения часто носят дискреционный характер, что делает их непрозрачными.

Принимая во внимание вышесказанное, необходимо установить четкие критерии для увеличения адресности субсидий, в частности – субсидий для сообществ, а также сделать процесс выделения этих средств правительством РА более прозрачным и подотчетным.

Низкий уровень экономического сотрудничества между общинами

Анализ вопросов, связанных с реализацией программ экономического сотрудничества и инвестиционного развития между различными общинами страны, показывает, что одним из эффективных подходов в этой области является наличие политики реализации программ экономического сотрудничества и инвестиционного развития между общинами. В то же время, сотрудничество армянских общин с общинами других стран следует рассматривать как опыт экономического сотрудничества между общинами.

Однако уровень экономического сотрудничества между общинами Армении достаточно низкий, а также отмечается отсутствие опыта реализации совместных проектов и механизмов их финансирования. В целях содействия межобщинному сотрудничеству, важно создание межобщинных ассоциаций и включенных в них сообществ, руководящих органов, их взаимоотношений, собственности, источников бюджетных доходов и механизмов государственного бюджетирования, а также руководящих принципов государственного бюджетирования и расходов.

Неполное управление сообществами, включая системы финансового управления

Разработка рациональной и эффективной системы управления сообществом имеет большое значение для развития местного самоуправления, что в значительной степени обусловлено взаимоотношениями и сотрудничеством Совета старейшин и главы общины, с наличием полных процедур балансирования и сдерживания и эффективных механизмов. Однако, в настоящее время Совет старейшин не полностью создан из-за недостатков в существующем законодательном регулировании выборов его членов.

В частности, действующее законодательство не гарантирует избрание членов совета с соответствующими знаниями и навыками. Навыки, компетентность и управленческие знания около 7000 общественных служащих, вовлеченных в систему местного самоуправления РА, остаются недостаточными для эффективного управления обществом. Из-за профессионального характера того или иного органа ощущается нехватка специалистов с соответствующим профессиональным образованием, квалификацией, опытом и навыками. Поскольку местные органы власти также осуществляют полномочия, делегированные сообществам государством, заинтересованность государства в развитии их потенциала неоспорима.

Что касается системы финансового управления сообществами, анализ текущей ситуации показывает, что проблемы, возникающие в процессе перехода к бюджетированию сообщества, связаны с недостаточным уровнем практической и методологической поддержки процесса, отсутствием систем

мониторинга и оценки программ, реализуемых сообществами, также отмечается неэффективное функционирование системы внутреннего аудита в сообществах. Следует отметить, что отсутствие законодательного регулирования в области обязательных и делегированных полномочий местных органов власти создает серьезные препятствия, как для установления минимальных объемов финансовых ресурсов, необходимых для осуществления этих полномочий, так и для обеспечения надлежащего внутреннего и внешнего контроля за их осуществлением.

Органы местного самоуправления не четко и не однозначно устанавливают обязательные полномочия, что вызывает произвол. С другой стороны, надзорные органы, в которых отсутствуют четкие правовые стандарты и нормы для реализации обязательных полномочий, не могут в полной мере и эффективно выполнять свои надзорные, контрольные и оценочные функции. В основном из-за отсутствия таких законодательных положений, Правительство Республики Армения еще не установило надлежащие процедуры для реализации обязательных и делегированных полномочий органов местного самоуправления и их финансового обеспечения.

Несовершенство системы стратегического планирования в общинах является серьезной проблемой, с точки зрения прозрачности и подотчетности финансового управления местных органов власти. Хотя, согласно Закону РА «О местном самоуправлении», армянские общины должны разработать и утвердить четырехлетний план развития общины [4], но в целом эти требования носят поверхностный характер, отражая реальную ситуацию и проблемы общин, но, как правило, не имеют элементов, необходимых для стратегического планирования. Кроме того, последние, как правило, не согласованы с программами развития как на национальном, так и на провинциальном уровне, поскольку отсутствуют методологические руководящие принципы для разработки программ регионального и общинного развития.

Следует также отметить, что выполнение законодательных требований для обеспечения публичности бюджетов сообществ практически недостаточно в отсутствие местных средств массовой информации в подавляющем большинстве сообществ, включая официальные веб-сайты в Интернете. В области подотчетности и финансовой дисциплины управления финансами сообщества важна проблема неэффективности и непрозрачности управления финансами общественных некоммерческих организаций. Последнее, как хорошо известно, не внедряется в систему бюджетирования сообщества, что ограничивает подотчетность этих организаций, что создает определенные трудности для интеграции бюджета сообщества и внебюджетных ресурсов, а также для эффективного и прозрачного финансового управления.

Важной проблемой в области управления финансами сообществ является низкая эффективность процесса закупок в общинах, что особенно заметно в сельских и небольших городских общинах. Возможно, это связано с низким уровнем профессионализма соответствующих сотрудников органов местного самоуправления и отсутствием соответствующих знаний и навыков. В то же время, следует отметить, что требования об объявлении конфликта интересов членов комитета по оценке тендеров в рамках процесса закупок сообществ юридически не регламентированы, что напрямую ставит под угрозу конкурентные возможности претендентов и увеличивает коррупционные риски в этой области.

Следует также отметить, что функции децентрализованной системы управления финансовым менеджментом сообщества, института внутреннего аудита, не реализуются должным образом в сообществах, во многих сообществах планы аудита не разрабатываются, соответствующие отчеты об исполнении бюджета не разрабатываются и не представляются на рассмотрение совета сообщества. Кроме того, профессиональные возможности и навыки внутренних аудиторов на уровне сообществ очень низки, они независимы и работают в основном по прямому указанию своих руководителей, а аудит в лучшем случае ограничивается аудитом финансового соответствия. Об этом свидетельствуют результаты проверок, проведенных Высшим контрольным органом Республики Армения по деятельности органов местного самоуправления.

В результате, в ряде городских и сельских общин были выявлены как чисто законодательные, процедурные, так и финансово-экономические нарушения, при этом имела место широкомасштабная коррупция. Ввиду вышесказанного, с точки зрения улучшения управления государственными финансами в общинах, а также повышения эффективности, прозрачности, подотчетности и законности финансового надзора и надзора в целом, важно совершенствовать законодательство в области общинно-

го финансирования и устранять несоответствия, разрабатывать механизмы стратегического планирования и управления.

Заключение

Таким образом, нами были представлены основные проблемы, которые существуют в системе местного самоуправления Армении и которые негативно влияют на эффективность деятельности этих органов и препятствуют созданию и сбалансированному развитию системы местного самоуправления Армении.

Разработка, обсуждение, внедрение, периодический обзор и мониторинг методических руководств, гармонизация государственных/региональных программ развития и развития сообществ, внедрение новой многолетней системы программного планирования и/или бюджетирования результатов в общинах и процедур для организации бюджетного процесса в них, инвестиции государственных, частных, местных и международных организаций, развитие и укрепление потенциала и навыков местного самоуправления для участия в программах технической помощи и развития; совершенствование системы государственных закупок, продвижение требований о конфликте интересов и декларировании, содействие конкуренции в процессе закупок, установление государственного контроля над применением и поддержанием процедур, внедрение новой системы бухгалтерского учета в сообществе, внедрение систем внутреннего и внешнего аудита и развитие законодательной базы, оказание методологической поддержки, внедрение систем мониторинга и оценки, развитие и обучение профессиональных кадров общественных служащих – таковы основные направления развития, по нашему мнению, в рассмотренной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Статистический ежегодник Армении-2019. Финансы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armstat.am/file/doc/99516813.pdf> (дата обращения 20.12.2019).
2. Закон Республики Армения «О бюджетной системе», НО-134 от 24.06.1997.
3. Проект закона Республики Армения «О государственном бюджете на 2020 год». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-draft.am/projects/1980> (дата обращения 20.12.2019).
4. Закон Республики Армения «О местном самоуправлении», НО-337, от 21.06.2002.

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ РОСТА НАПРЯЖЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Актуальность исследования обосновывается тем, что управление человеческими ресурсами предприятий в условиях экономического либерализма позволяет выделить находящиеся в конфликтных отношениях социальные группы, оказывающие влияние и на результаты деятельности, и на управление людьми в организациях. В статье показано, что на всем периоде постоянно идущих трансформаций в отечественной практике изменятся и концепция, и социальная политика, и организационные формы управления наемным трудом. Обосновано, что бесконфликтное развитие событий в условиях кризиса и снижения уровня жизни персонала будет зависеть от умения наемных работников рационально использовать имеющиеся у них ресурсы для отстаивания своих интересов и наличия у менеджмента навыков управления сложными социально-экономическими процессами.

Ключевые слова. Социально-трудовые отношения, экономический либерализм, протестные действия, ценность труда, отчуждение труда, управление человеческими ресурсами, социальный конфликт, управление сложными социально-экономическими процессами.

Aliev U.A.

MANAGEMENT OF HUMAN RESOURCES OF ENTERPRISES IN THE CONDITIONS OF GROWTH OF TENSION IN SOCIAL AND LABOR RELATIONS

Abstract. The relevance of the study is justified by the fact that the management of human resources of enterprises in the conditions of economic liberalism allows us to identify the social groups in conflict relations that have an impact on the results of activities and on the management of people in organizations. The article shows that the concept, social policy, and organizational forms of wage labor management will change throughout the period of constantly ongoing transformations in domestic practice. It is proved that the conflict-free development of events in the conditions of crisis and decline in the standard of living of the personnel will depend on the ability of employees to rationally use their available resources to defend their interests and the availability of management skills to manage complex socio-economic processes.

Keywords. Social and labor relations, economic liberalism, protest actions, the value of labor, alienation of labor, human resource management, social conflict, management of complex socio-economic processes.

Введение

Сегодня можно выделить три категории лиц, оказывающих в той или иной степени влияние и на результаты деятельности, и на управление людьми в организациях. Это, во-первых, владельцы, хозяева, работодатели, акционеры, которым принадлежат средства производства и от имени которых действуют современные предприятия и организации. Решения этих людей являются определяющим при при-

ГРНТИ 06.71.57

© Алиев У.А., 2020

Ульви Алиевич Алиев – старший преподаватель кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: Санкт-Петербург, Дачный пр., 16 (Russia, St. Petersburg, Dachniy av., 16). Тел.: 8 (950) 007-69-21. E-mail: ulvi_aliev@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 24.12.2019.

нятии наиболее значимых управленческих решений в деятельности хозяйственной организации – начиная от создания и заканчивая репрофилированием, продажей или банкротством. Согласно действующему законодательству никто не может заставить владельца или акционеров сохранять нерентабельное предприятие и содержать какой-либо персонал. В то же время, несмотря на властные возможности, эту категорию лиц трудно отнести к реальным управленцам. С одной стороны, они могут сами управлять, с другой – в той или иной степени непредсказуемо вмешиваться в управление, с третьей (и это – самый распространенный вариант) – доверить управление нанятому с этой целью менеджменту.

Во-вторых, это топ-менеджмент организации, т.е. люди, принимающие решения по основным направлениям ее деятельности. В настоящее время в управлении наметилась тенденция смещения внимания с индивидуальной работы управленца (генерального директора, отвечающего перед владельцем за деятельность организации) на командную работу менеджеров. В управлении организацией как важнейший фактор рассматривается умение руководителя создать успешную команду менеджеров, обладающих профессиональными компетенциями различных областях управления. Основная задача в организации командной работы менеджеров – это необходимость создания единой системы ценностных ориентаций для решения нетривиальных проблем и обеспечение на этой основе наиболее полного сочетания интересов владельцев, менеджмента и работников. Командная форма организации труда в настоящее время является основой нового подхода в управлении человеческими ресурсами – командного менеджмента (*team management*) [1]. Основная социально-экономическая задача, стоящая перед топ-менеджментом, это бесконфликтное развитие событий за счет обеспечения непосредственного участия в управлении совместной деятельностью всего персонала.

В-третьих, это персонал или человеческие ресурсы организации, стратегическая роль которых в управлении предприятием постоянно меняется исходя из процессов глобализации, государственной социальной и экономической политики, состояния рынка труда, постоянно предъявляющих новые требования к деятельности организаций. Колебания на рынке рабочей силы, совершенствование технологий, повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции и т.д. постоянно предъявляют новые требования к компетенциям производственного персонала, который является наиболее дорогостоящей и наиболее ценной составляющей в ресурсах предприятия. С другой стороны, участие в управлении всего персонала организации требует от менеджеров умения управлять процессом социально-экономической самоорганизации.

Материалы и методы

На всем периоде постоянно идущих социально-экономических трансформаций, в отечественной практике изменяются и концепция, и социальная политика, и организационные формы управления наемным трудом. Можно проследить следующую динамику организационных изменений в управлении данным процессом:

- управление кадрами, как механизм, оставшийся от советской планово-административной системы. Это – управление советскими гражданами, обязанными, согласно действовавшим законам, работать в организациях. Возглавлявший эту работу отдел кадров был тесно связан с действующей административной системой управления, выполняя функции по учёту и контролю движения кадров на основе применения действовавших правил и законов;
- управление персоналом, функция, выросшая из необходимости организаций взаимодействовать со складывающимся с середины 1990-х годов рынком труда. Планово-административная система обеспечивала предприятия рабочей силой на основе системы государственного распределения. Переход к либерально-рыночной экономике вынудил все предприятия взаимодействовать с рынком труда как единственным источником рабочей силы. Необходимость такого взаимодействия вызвала к жизни появление на предприятиях людей, знающих какие профессии и специальности из необходимых предприятию имеются на рынке труда, какова рыночная стоимость работника той или иной профессии, как определить компетенции работника при найме, какова рыночная стоимость образовательных услуг по основным профессиям предприятия и т.д. Это направление работы выделилось в особую функцию и специальный отдел по управлению персоналом, основная функция которого состоит в разработке соответствующих технологий управления и обеспечении предприятия нужными сотрудниками в нужное время, по стоимости рынка труда;

- управление человеческими ресурсами. Это сравнительно новая функция в управлении наемным трудом, выросшая из необходимости повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции и оказываемых услуг. Такой переход означал расчет на работу с людьми на длительный срок в плане разработки социальных программ и необходимости воспринимать людей как потенциальные активы, а не переменные затраты, что потребовало вкладывать средства в их развитие. Т.Ю. Базаров отмечает, что управление человеческими ресурсами необходимо рассматривать как «принципиально новую технологию кадрового менеджмента, инкорпорированную в систему стратегического менеджмента организации» [2]. Одновременно это переход к индивидуализации в управлении людьми, включающий поиск и привлечение талантливых сотрудников, развитие карьер управленцев, необходимость учитывать систему ценностных ориентаций и социальных установок каждого работника в долгосрочной перспективе и условиях постоянных изменений ситуации. Таким образом, управление человеческими ресурсами – это «новая политика в области отношения к человеческим ресурсам, опирающаяся на три ключевых момента. Во-первых, гибкость во всех ее проявлениях, во-вторых, принципы образования команд, делегирования власти и вовлеченности, и, в-третьих, управление культурной сферой» [3];
- управление человеческим капиталом (Теодор Шульц и Гэри Беккер) рассматривает человека как источник капитала, состоящий «из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг» (цит. по [4, с. 16]). Исследование человеческого капитала обосновало положение о необходимости инвестиций в образование, как важнейший элемент воспроизводства человеческого капитала. К ожидаемой отдаче от инвестиций в человеческий капитал относятся более высокий уровень заработков, большее удовлетворение от избранной работы в течение жизни, более высокая оценка нерыночных видов деятельности.

Первый уровень – управление кадрами – до настоящего времени остается прерогативой государственных организационных структур, независимых от экономических результатов деятельности и не связанных с конкурентной средой. Выстраивать сложную систему управления персоналом, рассчитанную на взаимодействие с рынком труда в таких организациях нет экономического смысла, т.к. в силу достаточно высокой конкуренции за рабочие места в государственной системе управления, в ней нет недостатка в кадрах, желающих получить работу.

Второй уровень – управление персоналом – используется в современном бизнесе на начальных этапах создания и работы организаций. После того, как бизнес определился с конкурентной средой и занял достаточно устойчивое место на рынке товаров и услуг, а специалисты в области управления персоналом приобрели достаточные компетенции для работы на рынке труда, начинается этап перехода к управлению человеческими ресурсами. В настоящее время значительное большинство отечественных негосударственных организаций работает в рамках данной концепции.

Возможно, научно-технологический прогресс и успешный выход из этапа экономического кризиса создадут в отечественном бизнесе возможность для перехода к управлению на основе концепции управления человеческим капиталом, при котором инвестирование в развитие человеческих ресурсов станет основной статьей затрат на персонал.

Результаты и обсуждение

Сразу следует отметить, что экономические интересы и ценностные ориентации трех участвующих в управлении организацией социальных групп на исходном уровне далеко не идентичны, а если точнее, то глубоко конфликтны. Если попытаться выделить основные ценностные установки владельцев бизнеса, то это, скорее всего, будут власть, собственность и рейтинг по уровню дохода. Для менеджмента такими ценностными установками будут степень участия в собственности предприятия, доход от результата деятельности, профессиональная репутация, успешная карьера. Для остального персонала такими ценностями будут заработная плата, позволяющая поддерживать достигнутый уровень удовлетворения потребностей.

Естественно, что кризисная экономическая ситуация накладывает определенное влияние на отношения в управлении предприятиями. Самым существенным фактором такого влияния становится фактическое обнищание людей наемного труда, существующих исключительно на зарплату. Как отметила на заседании Совета Федерации Заместитель председателя правительства Ольга Голодец,

в России появилось «уникальное социальное явление – бедность работающего населения». Порог абсолютной бедности в нашей стране определяется минимальным уровнем оплаты труда (МРОТ). С 2016 года и до недавнего времени он составлял 7500 руб., а прожиточный минимум для трудоспособного населения (работников наемного труда) составлял 10722 рубля.

Зарплаты ниже прожиточного минимума сейчас получают в России примерно 4 млн 910 тыс. человек, а по Трудовому кодексу РФ минимальная оплата труда должна быть не менее прожиточного минимума. Косвенным измерителем уровня абсолютной бедности является доля расходов на питание в общих затратах, которая в настоящее время составляет около 58%. По подсчетам экспертов ВШЭ, в 2016 году трудности с покупкой продуктов или одежды испытывал 41% россиян (при этом у 11% жителей страны денег не хватает даже на продукты).

Существенно влияет на современные социально-трудовые отношения и т.н. «относительная бедность», измеряемая по показателю разрыва доходов 10% наиболее бедных и 10% наиболее богатых граждан. Современный наемный работник оценивает получаемую за свой труд зарплату, сравнивая ее с доходами других лиц, с позиции социальной справедливости. В СССР показатель относительной бедности был небольшой (4-5 раз) и это воспринималось вполне адекватно и не создавало социальную напряженность ни в обществе, ни в организациях. В России этот показатель постоянно растет – в 1990 году он составлял 4,4 раза, в 2013 году – 16,3 раза, в 2017 году – 17-18 раз. Это по данным официальной статистики, которая не включает доходы наиболее богатых граждан. Если учитывать скрытые доходы, то разрыв может составлять 40-50 и более раз (см.: <http://flb.ru/info/60880.html>).

Расслоение по уровню доходов имеет два отрицательных последствия:

1) наступает привыкание к низкому уровню жизни, в результате большинство людей собственное материальное положение плохим или очень плохим не считает. По мнению аналитиков, это говорит о «привыкании граждан к снижению потребительских стандартов». Как культурный феномен падает ценность труда в качестве источника повышения уровня жизни. В западном обществе широко исследуется «культура бедности», проявляющаяся в зависимости ценностей и социальных установок людей от реально сложившейся ситуации, проявляющаяся в экономическом поведении. В исследованиях утверждается, что условия бедности «вырабатывают определенный образ жизни, установки, ценности, которые социально наследуемы, блокируют возможности продвижения по социальной лестнице и удерживают на социальном дне» [5]. В нашей стране такие исследования не проводятся, но на уровне здравого смысла очевидно, что такие факторы, как снижение уровня жизни, невозможность удовлетворять элементарные потребности при увеличении объема выполняемых работ или перенос сроков вступления в пенсионный возраст оказывают существенное влияние на отношение к труду и социальные установки как уже работающих, так и вступающих в трудовой возраст людей;

2) возникает противоположная первой социальной установке социальная установка протеста и социального конфликта. Трудно выделить какую-либо одну причину протестных действий, чаще всего тяжелое экономическое положение и растущая бедность связываются и с коррупцией, и с отсутствием внятной социальной политики государства в отношении людей наемного труда.

Отсутствие релевантной статистики конфликтов в области социально-трудовых отношений не позволяет сделать достоверные выводы о преобладании той или иной тенденции. К примеру, забастовка как наиболее значимая форма трудового протеста весьма ограничена формальными требованиями законодательства по ее проведению и требует согласованных действий коллектива, которых достаточно сложно достигнуть. В связи с этим, практически не прибегая к забастовке, работники выбирают другие формы протестных действий.

Так, в 2017 году 49% всех протестных действий проходили в форме выдвижения требований к администрации с угрозой перехода к более решительным действиям, 14% протестных действий проходили в форме обращения к властям, а 45% путем проведения митингов, на которых работники объявляли о своих требованиях властям, а не работодателям, 29% всех форм протеста составили стоп-акции (остановка работы подразделений или предприятия целиком). Все более очевидной становится тенденция отказа работников от проведения диалога с менеджментом предприятий и замена его на непосредственное обращение к органам государственной власти, с угрозой проведения митингов, пикетов или других публичных акций. Обращения в прокуратуру, Рострудинспекцию, Правительство РФ применялось в 95% случаев, тогда как обращения к администрации предприятия и собственнику составили всего 3% случаев [6].

Заключение

Тенденция к конфликтности говорит о том, что в условиях снижения уровня жизни наемного персонала предприятий и невозможности отстаивания им своих прав в условиях действующего трудового законодательства, менеджмент организаций не справляется с такой социально-экономической функцией, как обеспечение интересов бизнеса в условиях бесконфликтного управления организацией. Очевидно, что наемные работники постоянно ищут новые возможности для отстаивания своих прав на достойную оплату труда. В связи с этим, заслуживает внимания такая сравнительно новая форма классовой борьбы как увольнение ключевых сотрудников организации, делающая практически невозможной дальнейшее продолжение деятельности организации.

Дальнейшее развитие событий в рассмотренной сфере будет зависеть от умения наемных работников рационально использовать имеющиеся у них финансовые, административные и информационные ресурсы для достижения намеченных целей и наличия у менеджмента навыков управления сложными социально-экономическими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dyer W.* Team Building. Reading, MA: Addison-Wesley, 1995.
2. *Базаров Т.Ю.* Управление персоналом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cfin.ru/management/people/pmanbook.shtml> (дата обращения 11.08.2019).
3. *Legge K.* The morality of HRM / In: Experiencing Human Resource Management. London: Sage, 1998.
4. *Капелюшников Р.* Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // Экономика, политика, идеология. 1993. № 11.
5. *Batles M.M.* The Many Faces of Dependency in Old Age. Cambridge University Press, 1996.
6. *Калашников К.Н., Шаров В.В.* Трудовые отношения в России: между партнерством и конфронтацией // СОЦИС. 2017. № 4. С. 73-81.

Алфименко С.С.

РИСКИ БЮДЖЕТНОГО ПРОЦЕССА: ОТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА К МЕТОДОЛОГИИ МИНИМИЗАЦИИ

***Аннотация.** В статье проведен краткий обзор отечественных исследований, посвященных предупреждению операционных рисков бюджетного процесса, сделан вывод о недостаточной проработанности методологических подходов к их идентификации и систематизации. Предложено определение понятия операционного риска бюджетного процесса с учетом координирующей роли финансового органа в организации бюджетного процесса. Приведены примеры реализации институционального подхода к предупреждению рисков бюджетного процесса, характерного для стран зрелого парламентаризма. Сформулирован вывод о предпочтительности операционного подхода к повышению качества бюджетных правоотношений публично-правовых образований Российской Федерации как в большей степени поддающегося формализации и оценке, а также отвечающего современной российской системе управления.*

***Ключевые слова.** Бюджетный процесс, бюджетные риски, риски бюджетного процесса, бюджетные институты, процессный подход, внутренний финансовый контроль, внутренний аудит, качество управления региональными финансами, финансовый менеджмент в секторе государственного управления, риск-менеджмент.*

Alfimenko S.S.

RISKS OF THE BUDGETARY PROCESS: FROM IMPROVEMENT OF THE CONCEPTUAL APPARATUS TO THE MINIMIZATION METHODOLOGY

***Abstract.** The article provides a brief overview of domestic studies on the mitigation of operational risks of budget processes and finds that their methodological approaches to risks identification and systematization lack necessary sophistication. We suggest redefining operational risks of budget processes to include the coordinating role of budgetary institutions in the organization of budget processes. We provide examples of the implementation of the institutional approach to budget risks mitigation typical for developed parliamentary countries. We conclude that the preferred option is the operational approach to improving the quality of budgetary legal relations between public law entities of the Russian Federation as most easily formalized and quantified as well as best matching the modern Russian management system.*

***Keywords:** budget processes, budget risks, risks of budget processes, budgetary institutions, process approach, internal financial audit, financial management in the public administration sector, risk management*

Введение

Российская государственная бюджетная политика в сегодняшних экономических реалиях призвана служить основным инструментом стратегического планирования, стимулировать развитие определенных отраслей экономики, способствовать прогрессу в различных сферах экономической жизни. Чем больший объем ресурсов в экономике аккумулируется и перераспределяется государством,

ГРНТИ 06.39.02

©Алфименко С.С., 2020

Светлана Сергеевна Алфименко — аспирант кафедры финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета, начальник аналитического отдела Комитета финансов Санкт-Петербурга.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 (812) 576-34-35. Email: salfimenko@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 14.11.2019.

тем выше роль бюджета в обеспечении финансовой безопасности и устойчивого экономического роста, ликвидации диспропорций в экономике, поддержании на должном уровне выполнения социальных обязательств.

Начиная с 2010 года финансовыми органами России осуществляется политика, направленная на повышение эффективности бюджетных расходов, регулярно пересматриваемая в соответствии со стоящими перед страной вызовами и приоритетами. В Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019-2024 годах, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31.01.2019 г. № 117-р, основным результатом реформ системы управления общественными финансами за прошедшее десятилетие названо «обеспечение условий для устойчивого экономического развития и сохранения макроэкономической стабильности при безусловном исполнении принятых расходных обязательств и реализации ключевых приоритетов социально-экономического развития страны».

Государственный бюджет может и должен играть стимулирующую роль в интенсификации экономического роста и повышении качества человеческого капитала. Система управления общественными финансами вращается вокруг бюджетного процесса, а значит в нем следует искать пути её модернизации. На всех этапах бюджетного процесса целесообразно выделить направления, по которым путем проведения активной бюджетной политики можно добиться снижения рисков для макроэкономической и финансовой стабильности. Как справедливо отмечает Аветисян И.А., «в ходе организации бюджетного процесса выявляются возможные пути совершенствования управления всей бюджетной системой страны с помощью новых подходов и методов, базирующихся на системе современных теоретических, методологических концепций развития государственных и муниципальных финансов» [2].

В условиях необходимости обеспечения качественного рывка во всех сферах научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, возрастает актуальность разработки такой методологии управления бюджетным процессом, которая способна дать ощутимый результат при минимальных затратах в сжатые сроки. При этом, однако, не следует впадать в крайность, возлагая на организацию бюджетного процесса всю полноту ответственности за обеспечение устойчивости финансовой системы государства в условиях неопределенности внутренней и внешней среды. Признавая возможности, имеющиеся у непосредственных участников бюджетного процесса, для улучшения результата реализации бюджетной политики государства, необходимо помнить о том, что на этот результат будут в немалой степени влиять многочисленные сопутствующие благоприятные и неблагоприятные факторы и события – риски. Несмотря на разнообразие подходов к изучению рисков, существующих в бюджетной сфере, по-прежнему актуальным остается вопрос о том, в какой степени ими могут управлять участники бюджетных правоотношений.

Обзор исследований бюджетных рисков

Приступая к исследованию обозначенного вопроса, автор данной статьи для начала предлагает разграничить понятия «бюджетный риск» и «риск бюджетного процесса». Говоря о первом, исследователи в основном апеллируют к рискам, которые угрожают стабильности бюджетной системы. Например, такие признанные специалисты финансовой сферы, как Гурвич Е.Т., Зимарин К.А. причисляют к этому типу рисков замедление темпов роста экономики, потерю доходов, большой объем накопленного государственного долга, ухудшение демографических пропорций и т.п. В докладе Рабочей группы по оценке бюджетных рисков Общественного совета при Минфине России, представленном в 2015 году, под бюджетными рисками подразумеваются «факторы, которые могут при определенных обстоятельствах привести к отклонению параметров бюджетов бюджетной системы от запланированных или прогнозных значений» [7].

Кроме того, вышеуказанная Рабочая группа предлагает различать понятия «бюджетные риски» и «бюджетные вызовы», подразумевая под последними «растянутое во времени ухудшение бюджетных показателей», в целях предотвращения которых правительство должно заблаговременно принимать меры, нивелирующие негативный эффект. Бюджетные вызовы, на которые государство долгое время не находит адекватного ответа, отрицательно влияют на инвестиционную привлекательность страны. Рано или поздно бюджетные вызовы перерастают в масштабные бюджетные риски со всеми негативными последствиями для бюджета. Коллектив авторов во главе с Гурвичем Е.Т. предлагает делить бюджетные риски на экономические – обусловленные изменением экономических показателей, внешних по отношению к бюджетной политике (замедление роста ВВП, снижение обменного

курса), технические риски, возникающие на этапе бюджетного планирования (например, ошибки прогнозирования) и, наконец, политические риски, связанные с политическими решениями, идущими вразрез с показателями бюджетной эффективности (например, отказ от увеличения платы за проезд в общественном транспорте, повышение уровня пособий и т.п.) [7].

Важно отметить, что политика по предотвращению бюджетных вызовов подразумевает целый комплекс мер, предпринимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в том числе проведение глубоких реформ в социальной сфере, внесение изменений в законодательные акты, создание инфраструктуры для цифровизации экономики, направление значительных объемов средств в такие сектора народного хозяйства, которые дадут эффект только в отдаленном будущем. Такого рода стратегические решения вырабатываются совместно законодательной и исполнительной властью на основе глубокого анализа текущего состояния всех сфер экономики, пересмотра ранее применявшихся подходов в проведении государственной политики и общего понимания долгосрочных приоритетов развития страны.

Финансовые органы страны, осуществляющие методологическое руководство в области составления и исполнения бюджетов, безусловно, вносят значительный вклад в успешность реализуемой долгосрочной политики государства, в связи с чем важно выявить непосредственные точки приложения их усилий при обеспечении стабильности бюджетной системы. Следует признать, что в России методологическая база для квалификации и оценки бюджетных рисков, как с точки зрения вероятности наступления, так и значимости последствий, на сегодняшний день недостаточно разработана. Практика выявления рисков представлена в основном результатами проведения проверок органами государственного финансового контроля, а инструменты риск-менеджмента ограничены деятельностью Федерального казначейства в рамках внутреннего аудита.

Нередко звучат рекомендации принимать в практику государственного управления, предварительно адаптировав, инструменты менеджмента, широко используемые в бизнесе. Действительно, анализ работ по идентификации и оценке бюджетных рисков показывает, что интерес к данной тематике был высок в 2008-2013 годах, когда риск-менеджмент активно внедрялся в корпоративное управление. Традиционно предлагалось деление рисков на внешние, или риски внешней среды, и внутренние, которые генерирует сама система. Применительно к бюджетному процессу среди внешних факторов называют такие риски как риск, сопутствующий традиционным финансовым и хозяйственным операциям, обосновывая эту позицию тем, что распорядитель бюджета при этом рискует так же, как и любой другой участник акта купли-продажи [5].

При этом, к числу внутренних рисков относится, например, риск структуры доходов бюджета, поскольку мононалоговая база делает бюджет зависимым от деятельности одной сферы экономики, где она формируется. Также в отдельную группу выделяются «риски, появление которых носит вероятностный характер», например, риски случайной ошибки, риски экономического кризиса или риски коррупции [5]. Данная классификация, позаимствованная многими исследователями из достаточно старого исследования Бакши Н.В., на взгляд автора, является произвольной с точки зрения критериев отнесения рисков к той или иной группе.

Наиболее полное исследование данной тематики было осуществлено Гороховой Д.В. в диссертации 2013 года «Управление бюджетными рисками субъектов Российской Федерации», в котором автор рекомендует рассматривать не риски как таковые, а рискообразующие факторы, подразделяя их на объективные (внешние) и субъективные (внутренние). Основным негативным последствием наступления факторов риска автор называет «отклонение исполнения бюджета по доходам и расходам от запланированных назначений в ситуации неопределенности и под воздействием непредвиденных факторов внутренней и внешней среды». [6]. Другая коллега, Цветова Г.В., повторяет тезис Гамукина В.В. о том, что «факт несовпадения плановых (утвержденных) и фактических показателей бюджета дает основание утверждать о наличии бюджетного риска, необходимости его оценки и учета в бюджетном процессе».

Приведенные определения сохраняют в своей основе традиционное представление о том, что главное негативное последствие бюджетного риска заключается в отклонении исполнения бюджета по доходам и расходам от запланированных назначений. Однако, подобные определения оставляют без внимания важную проблематику: иногда в полной мере исполняется предусмотренный в бюджете заведомо некорректный план по расходам. Кроме того, важное значение имеет то, какие

именно плановые показатели берутся для расчета – первоначально утвержденный бюджет или со всеми внесенными в него корректировками.

Наиболее близкой автору представляется позиция, выраженная в работе Соломко И.М., Соломко М.Н. «Оценка рисков бюджетного процесса: теоретический аспект», написанной еще в 2011 году, о том, что от рисков, обусловленных внешними факторами (макроэкономическими, социально-демографическими, политическими и т.п.), следует отделять риски, источником возникновения которых является организация бюджетного процесса. [12] Авторы приводят следующее определение рисков бюджетного процесса: «Риски бюджетного процесса ... представляют вероятность количественного и/или качественного несоответствия параметров бюджетных потоков плановым показателям, задачам и целям бюджетной политики либо объективным потребностям экономики, обусловленную несовершенством методологии, методики, технологии организации и осуществления бюджетного процесса, неэффективного или некорректного выполнения участниками бюджетного процесса их полномочий».

Главное достоинство вышеприведенной работы нам видится в том, что авторы предлагают системный подход к управлению рисками бюджетного процесса на основе выбора единого критерия классификации рисков, который обеспечивает их сопоставимость. В качестве примера классификационного признака исследователями взят такой критерий, как вид управленческой деятельности, в ходе осуществления которой возникает риск. Далее Соломко И.М. и Соломко М.Н. показывают фрагмент классификатора рисков управленческой деятельности на этапах бюджетного прогнозирования, бюджетного планирования, исполнения бюджета, учета и контроля и выдвигают предположение, что можно количественно оценить риски на основе аппарата математической статистики. При этом авторы признают, что на сопоставимость данных за различные периоды в большой степени повлияют изменения бюджетного законодательства, практика бюджетирования, а также социально-экономическая ситуация в России в выбранный отрезок времени [12].

Для получения более точных результатов исследователи рекомендуют использовать данную методику в сочетании с другими инструментами, например, оценкой качества финансового менеджмента, однако, подробно на этом не останавливаются. В связи с большим разнообразием и разнородностью рисков, генерируемых деятельностью участников бюджетного процесса, целесообразно предварительно определить наиболее первоочередные задачи, стоящие перед публично-правовым образованием. Среди них могут быть, например, увеличение доходной базы, реалистичность бюджетного планирования, своевременность освоения бюджетных средств, эффективность их использования.

Институциональный подход к минимизации рисков бюджетного процесса

Согласно Бюджетному кодексу РФ (далее – БК РФ), ответственными за составление и исполнение бюджетов бюджетной системы Российской Федерации являются исполнительные органы государственной власти и исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований. В частности, статья 154 БК РФ говорит о том, что обеспечивают составление проекта бюджета, вносят его на утверждение в законодательные органы, обеспечивают исполнение бюджета исполнительные органы государственной власти. При этом финансовые органы составляют проект бюджета, представляют его в законодательные органы и организуют исполнение бюджета [1].

Отметим, что выбор глаголов сам по себе вызывает у автора вопросы. Что значит «обеспечивают составление», и как это соотносится с «составляют»? Чем отличается «внесение» проекта бюджета от его «представления» на рассмотрение законодательных органов? У кого главенствующая роль на всех этапах? Статья 171 БК РФ, перечисляющая органы, осуществляющие составление проектов бюджетов, также оставляет вопросы, поскольку про составление проектов бюджетов сказано, что это исключительная прерогатива Правительства Российской Федерации, высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местных администраций муниципальных образований» и то, что составлением проекта бюджета непосредственно занимаются Министерство финансов Российской Федерации, органы управления государственными внебюджетными фондами, финансовые органы субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что финансовому органу любого уровня власти отводится скорее роль технического исполнителя, организатора в процессе составления бюджета.

Учитывая, что бюджетный процесс – это прежде всего процесс, а значит ему должны быть присущи характерные ключевые элементы, определяем, что высший орган власти публично-правового образования – это владелец бюджетного процесса, исполнительные органы государственной власти – это участники процесса, а финансовый орган – это координатор процесса. Такое разделение ролей позволяет переосмыслить бюджетный процесс в понятиях, присущих процессному подходу в управлении бизнесом: распределения ответственности, межведомственного взаимодействия, обеспечения ресурсов и информации для принятия управленческих решений [10].

Возвращаясь к определению бюджетных рисков, предложенному экспертной группой во главе с Гурвичем Е.Т., отметим, что меры по предотвращению таковых предпринимают совместно владелец и участники бюджетного процесса, тогда как координатор, отвечающий за согласованную работу участников процесса и обеспечивающий сохранность и своевременное представление всей потенциально полезной информации, играет ключевую роль в предупреждении и минимизации рисков бюджетного процесса. Реализация бюджетных рисков, в отличие от реализации рисков бюджетного процесса, может непосредственно привести к недостижению целей социально-экономического развития публично-правового образования. В частности, от структуры бюджетных расходов напрямую зависит, будет ли бюджет играть стимулирующую роль в развитии приоритетных отраслей экономики. Согласно Федеральному закону от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» условия достижения долгосрочных и среднесрочных целей описываются в прогнозах социально-экономического развития публично-правовых образований, разрабатываемых на вариативной основе.

Реализация базового (консервативного, энергосырьевого) либо инновационного (целевого) сценария при этом зависит в том числе от интенсивности инновационного обновления обрабатывающих производств, динамики производительности труда, развития институтов, определяющих предпринимательскую и инвестиционную активность, повышения качества человеческого капитала и формирования среднего класса [3]. Для осуществления инновационного сценария бюджет должен характеризоваться, в частности, повышением доли расходов на образование, здравоохранение, науку и развитие транспортной инфраструктуры. Следовательно, органы государственной власти, проводящие государственную политику в соответствующих отраслях, как главные распорядители бюджетных средств, несут ответственность за адекватность принятых управленческих решений об объеме средств, направляемых в те или иные отрасли экономики, и за эффективность их использования.

При этом за минимизацию рисков бюджетного процесса отвечают в первую очередь именно его координаторы – финансовые органы, поскольку они отвечают за качество процедур, являющихся составными частями бюджетного процесса на всех его этапах. Способы и степень влияния финансового органа на бюджетный процесс в разных странах являются предметом изучения многих исследователей государственного сектора. В западной научной литературе, посвященной данной тематике, распространены термин *budgeting institutions*, то есть «институты, ответственные за бюджетирование». В это понятие, помимо собственно ведомства, отвечающего за организацию бюджетного процесса, включаются также формализованные в той или иной степени правила, принципы и методы управления бюджетным процессом, из которых во многом складывается бюджетная политика публично-правового образования.

Немецкий экономист, лауреат премии Госсена, Юрген фон Хаген в своей работе «Бюджетные институты на пути к бюджетной эффективности» («*Budgeting Institutions for Better Fiscal Performance*»), изданной при поддержке Всемирного Банка, выделяет два основных вопроса, вытекающих из особенности публичных финансов – системы, при которой небольшой части населения делегировано право решать, как потратить деньги, собранные усилиями большей части населения. Первый вопрос – выстраивание рамок отношений типа «принципал-агент» между населением и ведомствами, формирующими и расходующими бюджет. Второй вопрос – это проблема «общего котла», подразумевающая, что средства, собранные в виде налогов со всего населения, перераспределяются по определенным приоритетным направлениям, от чего всё население в равной степени выиграть не может [13].

В указанной статье фон Хаген показывает, ссылаясь на многочисленные примеры из разных стран, как бюджетные институты могут активной бюджетной политикой минимизировать негативный эффект, порождаемый проблемами «принципала-агента» и «общего котла». В частности, автор призывает бороться с различного рода резервными фондами, непрограммными расходами, поправками и кор-

ректировками, индексацией части расходов в зависимости от макроэкономических показателей. Из правил формирования бюджета не должно быть никаких исключений, только тогда бюджетный процесс сможет играть системообразующую роль инструмента, при котором все участники бюджетного процесса конкурируют друг с другом на равных условиях.

Второе важнейшее требование современной бюджетной политики – требование прозрачности. Бюджет не должен позволять распорядителям «спрятать» расходы или использовать их на цели не по тому назначению, которое обозначено в бюджете и утверждено законом [13]. Среди факторов, снижающих бюджетную прозрачность, фон Хаген называет оптимистические бюджетные прогнозы, а также программно-ориентированное бюджетирование, показывающее расходы бюджета в разрезе программ и проектов. Последнее хотя и полезно для того, чтобы граждане смогли сравнить объем средств, направляемых на развитие различных отраслей, но не должно подменять собой бюджетирование в соответствии с полномочиями органов власти, поскольку программно-ориентированное бюджетирование может, по мнению автора, привести к размыванию политической ответственности. Еще больше может усугубить непрозрачность бюджета использование необычной терминологии.

Немаловажным фон Хаген считает и достижение разумного баланса между законодательным и управленческим аспектами бюджета. Следует отметить, что во многих западных странах, например, во Франции, бюджет фактически является управленческим документом, говорящим о том, как правительство намеревается достичь своих целей в заданных экономических условиях, в течение определенного финансового года. Бюджет, хотя и разрабатывается в форме закона, может быть введен в действие правительственным декретом, если парламент в определенный срок не утвердит его в виде закона [11]. В России же статья 2 БК РФ относит закон о бюджете к бюджетному законодательству, тем самым наделяя его приоритетом над актами иных органов власти.

Норма о том, что бюджет не просто утверждается законом, а сам является таковым, традиционная для российского бюджетного права, на практике приводит к тому, что принятый бюджет, являясь сводом общеобязательных, формально определенных правил поведения участников бюджетных отношений, будучи строго исполненным, уводит в сторону от ответа на вопрос, помогает ли исполнение добиваться социально-экономических целей. Фон Хаген утверждает, что в процессе исполнения бюджета важность исполнить закон не должна ставиться выше эффективности. И на стадии планирования чрезмерно зарегулированный бюджетный процесс не всегда оставляет возможность оценить, адекватны ли финансовые запросы целям государственной политики [13].

Бюджетные институты, по мнению фон Хагена, могут внести вклад в дело повышения конкурентности политической системы. Политики, находящиеся у власти, имеют заведомое конкурентное преимущество ввиду того, что у них больше возможностей для создания и развития своей электоральной платформы. В то же время, партии, бросающие им вызов, могут надавать много обещаний, базируясь на неполноте информации о настоящем положении государственных финансов. В обоих случаях населению будет сложно разобраться. Для этого практикуются независимые оценки исполнения годового бюджета.

Например, в Нидерландах существует независимый исследовательский институт – Центральное бюро планирования Нидерландов, представляющее оценку ежегодного проекта бюджета. В отличие от России, где внешнюю проверку годового отчета об исполнении бюджета осуществляют органы внешнего государственного финансового контроля, в Нидерландах одновременно оппозиционные партии представляют вышеуказанному институту свои проекты ежегодного бюджета. Произведя независимый анализ всех представленных проектов, Центральное бюро планирования публикует в открытом доступе оценку экономических и фискальных последствий изученных программ [13].

Уточнение понятия операционных рисков бюджетного процесса как предпосылка для их минимизации

Предлагаемые Юргеном фон Хагеном меры повышения эффективности бюджетного процесса характерны для институционального подхода управления бюджетными рисками, основным субъектом которого выступают органы государственной власти, осуществляющие нормативное регулирование бюджетного процесса, выработку и реализацию бюджетной политики. При этом существует и другой концептуальный подход – операционный, при котором основное внимание сконцентрировано на рисках технических ошибок, обусловленных недостатками и пробелами в деятельности финансовых ор-

ганов, и предусматривается применение инструментов и процедур, способствующих повышению качества финансового планирования и прогнозирования, эффективности и результативности использования бюджетных средств, действенности внутреннего контроля, достоверности бухгалтерской и бюджетной отчетности и т.д. При операционном подходе управление бюджетными рисками осуществляется преимущественно в рамках внутреннего контроля и аудита. Немаловажная роль в преодолении рисков в рамках данного подхода принадлежит организационной культуре государственных органов, наличию стандартов и формализованных процедур риск-менеджмента, внутреннему контролю и мониторингу [4].

Поэтому, соглашаясь с определением рисков бюджетного процесса, предложенным Соломко И.М. и Соломко М.Н., автор данной статьи полагает целесообразным уточнить его для рассмотрения только операционных рисков бюджетного процесса, что, с одной стороны, носит более прикладной характер для участников бюджетного процесса, с другой стороны – имеет больше перспектив для контроля осуществления и оценки со стороны координаторов – финансовых органов. При операционном подходе представляется оправданным исходить их предположения о заведомой правильности принятых стратегических решений, следовательно, операционным риском бюджетного процесса можно считать вероятность количественного и/или качественного несоответствия параметров бюджета плановым показателям, обусловленную несовершенством методологии, методики, технологии организации, осуществления и оценки качества выполнения участниками бюджетного процесса их полномочий, в заданных условиях бюджетной политики.

При этом операционные риски бюджетного процесса не противопоставляются бюджетным рискам, но скорее являются составными частями последних. По нашему мнению, бюджетные риски включают в себя риски внешней среды и риски бюджетного процесса, а последние – операционные и институциональные риски. Смещение фокуса с бюджетных рисков вообще на операционные риски бюджетного процесса позволяет отсеять глобальные экономические и политические риски, на которые финансовый орган может влиять лишь как один из многочисленных участников бюджетного процесса, и сосредоточить усилия на доступных финансовому органу инструментах предупреждения и минимизации операционных рисков.

Методологию и набор инструментов работы с операционными рисками бюджетного процесса следует искать в повышении внутренней операционной эффективности деятельности участников бюджетного процесса. В качестве примеров таких инструментов можно привести внутренний финансовый контроль и внутренний аудит, получившие наиболее полную реализацию в Федеральном казначействе. С момента выделения в 2005 году из структуры Минфина России в самостоятельную федеральную службу, Федеральное казначейство утвердило Концепцию развития системы внутреннего контроля и аудита в 2006-2011 годах, которая подразумевала реализацию ряда мероприятий по совершенствованию внутреннего контроля и внутреннего аудита, в том числе правовое регулирование данных вопросов.

В Федеральном казначействе 16.12.2016 г. приказом № 475 утвержден Стандарт внутреннего контроля, направленный на соблюдение законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых и правовых актов Министерства финансов Российской Федерации и Федерального казначейства, а также иных документов, регламентирующих деятельность органов Федерального казначейства и подведомственного ему учреждения. Нормативная база осуществления внутреннего контроля в Федеральном казначействе отличается широким терминологическим аппаратом. Методика проведения мероприятий в сфере внутреннего контроля и аудита унифицирована с помощью такого документа, как Классификатор внутренних (операционных) казначейских рисков, и опирается на Стандарт управления внутренними (операционными) казначейскими рисками в Федеральном казначействе, разработанный с учетом требований национальных стандартов менеджмента риска [9].

В силу тех или иных причин по истечении пяти лет после принятия порядка осуществления главными администраторами средств федерального бюджета внутреннего финансового контроля, попытки адаптации которого наблюдались и на субрегиональном уровне, Минфин России так и не увидел во внутреннем финансовом контроле действенного инструмента повышения операционной эффективности региональных органов власти. До июля 2019 года статья 160.2-1. БК РФ описывала цели осуществления внутреннего финансового контроля как бюджетного полномочия главного распорядителя

(распорядителя) бюджетных средств, главного администратора (администратора) доходов бюджета, главного администратора (администратора) источников финансирования дефицита бюджета. В настоящее время указанной статьей закреплено осуществление только внутреннего финансового аудита как бюджетное полномочие участников бюджетного процесса, направленное на повышение качества финансового менеджмента.

С 01.01.2020 г. начнет действовать новая редакция БК РФ, согласно которой внутренний финансовый аудит осуществляется в соответствии с разрабатываемыми Минфином России федеральными стандартами внутреннего финансового аудита. В то же время, пункт 6 этой же статьи БК РФ закрепляет с 01.09.2019 г. проведение финансовым органом в отношении главных администраторов средств соответствующего бюджета в установленном им порядке мониторинга качества финансового менеджмента, включающего мониторинг качества исполнения бюджетных полномочий, а также качества управления активами, осуществления закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд.

Минфин России и ранее был обязан проводить мониторинг качества финансового менеджмента главных распорядителей средств федерального бюджета в соответствии с приказом от 29.12.2017 г. № 264н «О формировании отчета Министерства финансов Российской Федерации о результатах мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета (главными распорядителями средств федерального бюджета, главными администраторами доходов федерального бюджета, главными администраторами источников финансирования дефицита федерального бюджета)». Приложениями к данному приказу закреплялась методика расчета показателей качества финансового менеджмента, их целевые значения [14].

Что касается проведения оценки качества финансового менеджмента на субфедеральном уровне, то она до сих пор рассматривалась лишь как один из индикаторов высокого качества управления региональными финансами, перечень которых приведен в приказе Минфина России от 03.12.2010 г. № 552 [15]. Высшие исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации самостоятельно определяли порядок, правила расчета и анализа значений показателей качества финансового менеджмента. Как правило, оценка качества финансового менеджмента проводилась региональными финансовыми органами по следующим основным направлениям: планирование проекта бюджета, исполнение бюджета, отчетность об исполнении бюджета.

В некоторых регионах, например, в Санкт-Петербурге, к данному списку добавляется качество управления сетью подведомственных учреждений, что с учетом их огромного количества представляется вполне оправданным. При этом подавляющее большинство индикаторов по данному направлению связано с публикацией информации о деятельности учреждений в Интернете. В каких-то регионах в перечень показателей качества финансового менеджмента входят результаты ведомственного контроля, в других – результаты анализа осуществления внутреннего финансового контроля, что с принятием новой редакции БК РФ должно исчезнуть. Помимо сильно разнящегося состава показателей оценки отличаются частота проведения мониторинга, источники получения информации для оценки и т.д.

Причиной такого разброса подходов является факультативность проведения оценки качества финансового менеджмента главных администраторов средств регионального бюджета, поскольку приказ № 552 всего лишь предусматривал дополнительный балл для субъекта РФ за факт наличия результатов такой оценки, рассматривая её как признак высокого качества управления региональными финансами. При этом не ставилась цель установления взаимовлияния степени качества финансового менеджмента администраторов средств бюджета и качества управления региональными финансами. После закрепления данного направления деятельности в БК РФ, с особой актуальностью встает вопрос, станет ли оценка качества финансового менеджмента действенным инструментом повышения эффективности бюджетного процесса или остановится на формальной констатации его соответствия регламентам, предусматривающим однозначность выполнения процедур.

Заключение

Хочется надеяться, что оценку качества финансового менеджмента не ожидает судьба внутреннего финансового контроля, по осуществлению которого так и не было установлено единых требований и не сформировалось понимания перспектив применения его результатов, единого для всех публично-

правовых образований. С закреплением за финансовыми органами обязанности проведения оценки качества финансового менеджмента в БК РФ, наступает подходящий момент, чтобы начать широко использовать финансовый менеджмент в качестве инструмента предупреждения и минимизации операционных рисков бюджетного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ.
2. *Аветисян И.А.* Бюджетный процесс как инструмент управления государственными и муниципальными финансами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 1 (19). С. 121-135.
3. *Белостоцкий А.А.* Роль государственного бюджета в социально-экономическом развитии России // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 3 (30). С. 191-198.
4. *Васюнина М.Л.* Об управлении бюджетными рисками // Финансы и кредит. 2017. № 40 (760). С. 2408-2419.
5. *Гамукин В.В.* Бюджетные риски: введение в общую аксиоматику // Terra Economicus. 2013. № 3. С. 52-61.
6. *Горохова Д.В.* Управление бюджетными рисками субъектов Российской Федерации. М., 2013. 24 с.
7. Бюджетные риски – выявление, предупреждение и защита. Доклад рабочей группы по оценке бюджетных рисков / под ред. Гурвича Е.Т. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://economytimes.ru/sites/default/files/%D0%91%D0%AE%D0%94%D0%96%D0%95%D0%A2%D0%9D%D0%AB%D0%95%20%D0%A0%D0%98%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%2830-6-2015%29%D0%93%D1%83%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf> (дата обращения 10.11.2019).
8. *Зимарин К.А., Закирова Ю.А.* Бюджетная политика и особенности бюджетного процесса в Российской Федерации // Bulletin USUES. Science. Education. Economy. 2014. № 2 (8). С. 7-11.
9. *Канкулова М.И., Алфименко С.С.* Внутренний контроль в государственном секторе: рекомендации ИНТОСАИ и российская практика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 76-84.
10. *Козлова А.А.* Особенности процессного подхода в управлении бизнесом // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 13 (132). С. 228-232.
11. *Колесников Ю.* Введение в бюджетное право. Общие положения // Бизнес в законе. 2006. № 1-2. С. 127-134.
12. *Соломко И.М., Соломко М.Н.* Оценка рисков бюджетного процесса: теоретический аспект // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2011. № 2 (21). С. 175-182.
13. Budgeting and budgetary institutions. Public Sector Governance And Accountability Series. The World Bank, 2007. 552 p.
14. О формировании отчета Министерства финансов Российской Федерации о результатах мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета (главными распорядителями средств федерального бюджета, главными администраторами доходов федерального бюджета, главными администраторами источников финансирования дефицита федерального бюджета): Приказ Минфина России от 29.12.2017 г. № 264н.
15. О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами: Приказ Минфина России от 03.12.2010 г. № 552.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов развития цифровой экономики и формирования единого национального информационного пространства России. В статье рассматриваются подходы к определению понятия и структуры информационного пространства. Затрагиваются проблемы неоднородности информационного пространства в форме цифрового неравенства.

Ключевые слова. Информационное пространство; информационное общество; цифровая экономика; цифровое неравенство.

Asalhanova S.A.

FORMATION OF A SINGLE INFORMATION SPACE IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. The article is devoted to the study of the development of the digital economy and the formation of a single national information space in Russia. The article discusses approaches to the definition of the concept and structure of the information space. The problems of heterogeneity of the information space in the form of digital divide are touched upon.

Key words. Digital economy; information space; information society; digital divide.

Введение

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и информация в наше время стали важным ресурсом трансформации мировой экономики и модели экономического развития. Д. Белл, являющийся классиком теории постиндустриальной экономики, в своих работах отмечал огромное значение информации для современного общества, определяя ее как основу власти, а доступ к информации как условие свободы [2, с. 330]. Информация в современной экономике становится продуктом массового потребления. Объемы получения, хранения, передачи и потребления информации растут несоизмеримо высокими темпами, наряду с развитием информационно-коммуникационных технологий и информационной инфраструктуры. По экспертным данным, до 70% мирового ВВП в разной степени зависит от информации, обращающейся в информационных системах.

Развитие ИКТ привело к появлению информационного производства, а информация стала результатом производственного процесса. Создание, передача, хранение и обработка информации становятся постепенно основополагающими источниками роста производительности труда, появления новых методов ведения конкуренции, изменений в структуре экономики. Происходит формирование информационного пространства на национальном и глобальном уровнях.

Обзор подходов к формированию категориального аппарата информационного пространства

Существуют различные подходы к определению информационного пространства в рамках различных научных школ и направлений исследования. Так, например, междисциплинарное направление исследования позволяет выделить два основных подхода к определению информационного пространства. Во-первых, информационное пространство трактуется как нематериальная среда или пространство

ГРНТИ 06.56.21

© Асалханова С.А., 2020

Софья Алексеевна Асалханова – аспирант кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 192012, Санкт-Петербург, Рабфаковская ул., д. 3 (Russia, St. Petersburg, Rabfakovskaya str., 3). Тел.: +7 951 663-96-06. E-mail: asa_1@list.ru.

Статья поступила в редакцию 10.11.2019.

информации или информационных объектов. Во-вторых, оно рассматривается как совокупность информационных ресурсов, технологий, информационной инфраструктуры.

Так, например, в рамках первого подхода, информационное пространство, по мнению И.А. Лазарева и Г.С. Хижи, «является результатом информационного отображения материального пространства, которое включает в себя процессы формирования информационной модели среды и композиции на ее основе нового образа материального пространства» [9, с. 22]. Также, в рамках первого подхода даются определения, отражающие процесс движения информации и определяющие информационное пространство как некое пространство, в котором «создается, перемещается и потребляется информация» [6]. Данный подход отражает такую функцию информационного пространства, как «информационный обмен и взаимодействие», в результате которого происходит «расширение и обогащение информационной базы социума, равно как и обновление самого социума» [5].

В рамках второго подхода, информационное пространство – это пространство, образуемое информационными ресурсами, технологиями взаимодействия и информационной инфраструктурой, формирующееся в процессе информатизации экономики и общества [11, с. 4]. Гирич В.Л. и Чуприна В.Н. определяют информационное пространство как «совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации» [6, с. 141]. В определениях данного подхода превалирует техническая составляющая и дается достаточно узкая трактовка информационного пространства. Однако информационное пространство не сводится только лишь к совокупности информационно-коммуникационных технологий, информационных систем и инфраструктуры, следовательно, определения в рамках второго подхода нельзя считать отвечающими целям всесторонней, междисциплинарной характеристики такого явления, как информационное пространство.

В литературе также предлагаются определения информационного пространства комплексного, междисциплинарного характера, который представляется наиболее перспективным для целей исследования понятия информационного пространства, например: «... информационное пространство с одной стороны является некой описательной информационной моделью, с другой оно служит инструментом воздействия на окружающий мир, в частности инструментом локального или глобального управления» [12, с. 207]. Или определение информационного пространства как «исторически сформировавшейся, обеспеченной правовыми гарантиями и средствами, обеспечивающей наибольшую меру доступности для потребителя формы скоординированных и структурированных, территориально близких и удаленных информационных ресурсов, аккумулирующих результаты коммуникационной деятельности людей» [8]. Данные подходы отражают отдельные характеристики такого многоаспектного явления как информационное пространство, в основе формирования которого лежит информация в форме знаний, теорий, моделей, систем.

Характеристика информационного пространства

Национальное информационное пространство тесно взаимосвязано с экономическим пространством и влияет на эффективность его функционирования. Информационное взаимодействие субъектов экономики, обращение информационных ресурсов протекает в информационном пространстве. В свою очередь, в определении экономического пространства, также нет единого подхода. Экономическое пространство в рамках территориального подхода отождествляется с территорией или определяется географическими границами; так, по мнению А.Г. Гранберга, «это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, ... транспортные и инженерные сети и т.д.» [4, с. 25].

В рамках ресурсного подхода экономическое пространство определяется как «система отношений по использованию экономических ресурсов». В рамках информационного подхода экономическое пространство рассматривается как структурированная совокупность информационных потоков или как система информационного обмена [3]. Однако информационное пространство полностью не соотносится с экономическим пространством и не должно с ним отождествляться. В то же время, с развитием ИКТ происходит мощная виртуализация и экономического, и информационного пространства. Виртуализация является одной из основных характеристик информационного пространства, представляет собой социально-технологический процесс, являющийся следствием информатизации и обусловленный информационно-коммуникационными технологиями, но ими не ограниченный.

Так, Д.В. Иванов под виртуализацией понимает «любое замещение реальности ее симуляцией / образом с применением логики виртуальной реальности» и считает, что по данной логике виртуальной экономикой является не только та, в которой хозяйственные операции реализуются в сети Интернет, но и та, в которой сектор производных финансовых инструментов преобладает над реальным сектором [7, с. 17-18]. Можно определить виртуализацию как процесс создания информационного цифрового образа (информационной формы) реально существующих объектов и явлений (материальной формы), обладающего большими потенциальными возможностями функционирования и использования.

Нарастающие темпы виртуализации и широкое распространение сети Интернет способствуют созданию единого глобального информационного пространства. Однако информационное пространство имеет более высокую степень виртуальности по сравнению с экономическим пространством. На специфику информационного пространства влияют также социокультурные факторы. Развитие информационно-коммуникационных технологий способствует стремительному расширению информационного пространства, которое является более открытым, чем экономическое пространство страны. Информационное пространство, также как экономическое пространство, является неоднородным, что на национальном уровне проявляется в цифровом разрыве между регионами страны и субъектами экономики. При этом в основе информационного неравенства лежит социально-экономическое неравенство субъектов экономики на ее различных уровнях национальной экономики. Подчеркнем, что информационное неравенство растет как на уровне национальных экономик, так и на глобальном уровне между развитыми и развивающимися странами.

Развитие ИКТ расширяет границы национального информационного пространства, которое активно взаимодействует с информационными пространствами других стран, и способствует формированию глобального информационного пространства. В России в 1995 г. была разработана Концепция формирования и развития единого информационного пространства России (ЕИПР) и соответствующих государственных информационных ресурсов. ЕИПР в Концепции трактуется как «совокупность баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе взаимосвязанных принципов и по общим правилам и стандартам обеспечивающих информационное взаимодействие организаций и граждан, удовлетворение их потребностей в информационных услугах» [10]. На основе этого документа в 1998 г. была разработана и одобрена Концепция государственной информационной политики.

На данный момент принята и реализуется Национальная технологическая инициатива «Нейронет» по созданию среды информационного обмена нового поколения, что является новым этапом развития информационного пространства. Проект предполагает непосредственную интеграцию человека в информационное пространство посредством слияния мозга человека и вычислительных устройств и развития нейронных технологий [13].

Заключение

Таким образом, под информационным пространством понимается совокупность отношений, возникающих в процессе информационного взаимодействия субъектов и включающая производство, хранение, обмен и потребление информации, опосредованные информационно-коммуникационными технологиями. В структуре информационного пространства выделяются следующие элементы: ресурсы информации, содержащие информацию в определенной форме, существующую на соответствующих носителях; информационно-организационная инфраструктура, включающая информационно-коммуникационные технологии и информационные системы, которая обеспечивает хранение, передачу и получение информации потребителем.

Информационные ресурсы содержат базы данных, сведения, знания, зафиксированные в определенной форме и на определенных носителях. В состав информационно-организационной инфраструктуры входят не только ИКТ и информационные системы, но и организационно-регулятивная структура информационного взаимодействия субъектов, действующая на основе системы нормативно-правовых актов, регулирующих информационную сферу. Информационное пространство характеризуется неравномерностью и неоднородностью. Ресурсы информации, информационные сети и информационная инфраструктура распределены в пределах глобального и национального информационного пространства неодинаково.

Как правило, высокая плотность информационного пространства и, соответственно, концентрация информационных ресурсов, наблюдается в регионах с высоким уровнем информатизации и развитой

информационной инфраструктурой. Неоднородность информационного пространства проявляется в разной степени развития, внедрения и использования информационно-коммуникационных технологий и информационных систем. Неравномерность и неоднородность информационного пространства проявляются в форме информационного (цифрового) неравенства, преодоление которого, а также обеспечение равного доступа всех потребителей к информационным ресурсам, является приоритетной задачей на данном этапе формирования единого информационного пространства.

Формирование информационной экономики, рост цифровизации во всех сферах общества являются стратегическим приоритетом руководства России. Процессы информатизации способствуют трансформации общественно-экономической системы и способствуют ее переходу к новой ступени развития – информационной экономике и информационному обществу. Развитие информационного общества связано с формированием единого национального информационного пространства страны, которое в ходе своего развития взаимодействует с национальными информационными пространствами других стран и ведет к становлению глобального информационного общества и глобального информационного пространства.

Понятие информационного пространства неразрывно связано с понятием информационного общества. На сегодняшний день отсутствует единое, общепринятое понятие информационного общества. Согласно принятой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, информационное общество трактуется как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [1]. Реализация цели данной Стратегии предполагает достижение соответствующего уровня информатизации и развития национального информационного пространства для обеспечения экономического роста и социально-политической стабильности.

Формирование информационного общества предполагает реализацию взаимодействия между субъектами в среде информационного пространства посредством ИКТ, обеспечение качества и доступности информационных услуг для всех потребителей, недопущение информационной монополии и информационной изолированности.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.
3. Бияков О.А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник КузГТУ. 2004. № 2. С. 101-108.
4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.
5. Дементьев С.А. Трансдисциплинарный анализ информационного пространства современного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 35-39.
6. Добровольская И.А. Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенностям // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 140-147.
7. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
8. Каткова М.В. Понятие «информационное пространство» в современной социальной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2008. Вып. 2. С. 23-26.
9. Лазарев И.А., Хижа Г.С., Лазарев К.И. Новая информационная экономика и сетевые механизмы развития / Российская академия естественных наук. М.: Дашков и К, 2010. 244 с.
10. Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов (одобрена решением Президента РФ от 23.11.1995 г. № Пр-1694).
11. Селищева Т.А. Проблемы информационного неравенства российского экономического пространства // Вестник СПбГЭУ. 2014. № 3 (70). С. 4-13.
12. Цветков В.Я. Информационное пространство как ресурс познания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3-2. С. 207-212.
13. О Нейронете. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusneuro.net/chto-takoe-nejronet> (дата обращения 08.09.2019).

КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются угрозообразующие факторы в сфере государственно-частного партнерства России во взаимосвязи с базовыми категориями экономической безопасности. Приводится авторская классификация угрозообразующих факторов с конкретными примерами злоупотреблений.

Ключевые слова. Криминализация, государственно-частное партнерство, угрозообразующие факторы, классификация злоупотреблений.

Derkach V.A.

CLASSIFICATION OF THREAT-FORMING FACTORS IN THE PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP MARKET IN RUSSIA

Abstract. The article deals with the threat-forming factors in the market of public-private partnership in Russia in relation to the basic categories of economic security. There is the author's classification of threat-forming factors with specific examples of abuse.

Keywords. Criminalization, public-private partnership market, threat-forming factors, the classification of irregularities.

Введение

О сложной криминогенной ситуации в экономических сферах, связанных с деятельностью участников бюджетного процесса, говорят статистические данные формы 5-БЭП ФГКУ «ГИАЦ МВД России». Материальный ущерб от преступлений коррупционной направленности исчисляется более чем в десятки млрд руб. [3, с. 87]: преступлений коррупционной направленности – 2 506; ущерб – 17 млрд 718 млн 383 тыс. руб.; изблечены – 2 355 лиц; привлечены к уголовной ответственности – 1 746 лиц.

В приведенной статистике не учитывается потенциальный ущерб от действий субъектов латентной экономической преступности, тщательно замаскированной под законные действия участников экономических процессов. С помощью применения фиктивных документов, уничтожения следов документов, искажения сведений и умышленной подмены информации о необходимости удовлетворения производственных и социально-экономических потребностей общества на территории тех или иных субъектов Российской Федерации, могут приниматься неэффективные организационно-экономические решения с выделением бюджетных активов. Поэтому исследование и структурирование угрозообразующих факторов являются условиями обеспечения национальной экономической безопасности.

Позиционирование категории «угрозообразующий фактор» в теории экономической безопасности

Для достижения цели исследования проводилось позиционирование угрозообразующих факторов в системе базовых категорий теории экономической безопасности. При этом использовалась следующая официальная терминология [5, ст. 7]:

ГРНТИ 06.91.00

© Деркач В.А., 2020

Виктория Александровна Деркач – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Контактные данные для связи с автором: 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилотова, д. 1 (Russia St. Petersburg, Pilot Pilutov str., 1). Тел.: +7 921 300-82-73. E-mail: step-26@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 25.11.2019.

1. Вызовы экономической безопасности – совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности.

2. Угроза экономической безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере.

3. Риск в области экономической безопасности – возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности.

Категория «угрозообразующий фактор» закрепились в теории экономической безопасности [1; 2] и объединила обстоятельства, действия, правовые, организационно-экономические и социальные процессы, внешне выглядящие как обычная хозяйственная деятельность или явления, которые при определенных обстоятельствах могут привести к появлению новой угрозы и усилению существующих, вплоть до правонарушения и преступления. Такой угрозой выступает исследуемая автором криминализация сферы государственно-частного партнерства (ГЧП).

Исследование угрозообразующих факторов сопряжено с областью экономической криминологии, где термин «криминализация» – процесс вытеснения легитимных экономических отношений в деятельности хозяйствующих субъектов их криминальными разновидностями, общественно-опасный социально-экономический дезорганизационный процесс, за который предусмотрено наказание, установленное действующим Уголовным кодексом Российской Федерации [4, с. 24].

Одним из подразделений бюджетной сферы, связанным с расходованием средств и распределением государственных активов, является реализация проектов ГЧП. В широком смысле, различают корпоративное и контрактное (договорное) партнерство. Для целей настоящего исследования использовано авторское определение ГЧП в узком смысле как совокупности общественных отношений, складывающихся между государством и субъектами национальной экономической системы, регулируемых положениями 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] и 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» [7].

Систематизация угрозообразующих факторов в сфере ГЧП

С целью систематизации угрозообразующих факторов в сфере ГЧП были рассмотрены различные виды злоупотреблений, в том числе в финансово-хозяйственной деятельности субъектов экономических отношений ГЧП, не систематизированные и не учитываемые официальной статистикой, выявленные в результате анализа материалов исследований Национального центра ГЧП, результатов контрольно-надзорных мероприятий, проводимых Счетной Палатой Российской Федерации, анализа конкурсов, решений ФАС России и арбитражных судов Российской Федерации.

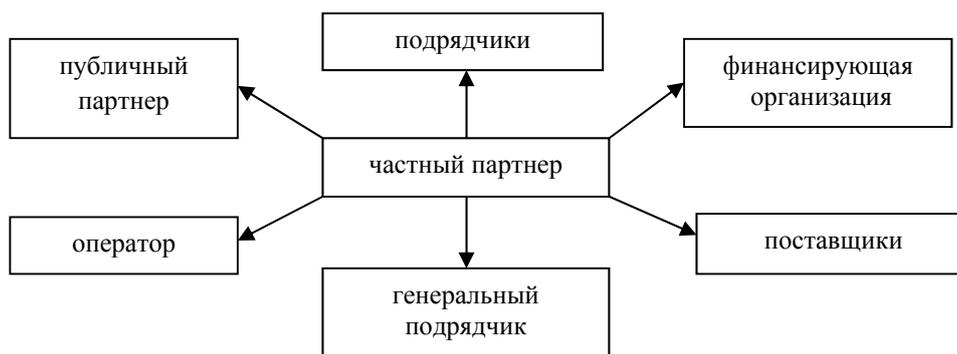

Рис. Схема участников ГЧП-проекта (составлено автором)

Поскольку ГЧП-проект связан с созданием (реконструкцией) объекта инфраструктуры и предполагает вовлечение большого числа участников (см. рис.), которые играют важную роль в достижении его эффективной реализации, то и риск появления новых угрозообразующих факторов также возрастает. Классификация угрозообразующих факторов и злоупотреблений в сфере ГЧП приведена в таблице.

Классификация угрожающих факторов на рынке ГЧП в России (составлено автором)

Критерий	Характеристика	Признак
По источникам возникновения	Эндогенные	Внутренние, где источником являются процессы, происходящие внутри сферы ГЧП
	Экзогенные	Внешние, где источник находится за пределами сферы ГЧП
В зависимости от этапа жизненного цикла проекта	На прединвестиционном этапе	Завышение стоимости проекта
		Занижение стоимости проекта
	На инвестиционном этапе	Проект полностью финансируется из бюджета, на протяжении длительного периода отсутствуют частные инвестиции. Выбор неоптимального подрядчика (проектной организации). Длительный период конкурса. Отсутствие претендентов
	На эксплуатационном этапе	Произвольное изменение видов и объемов работ, проектных решений, сроков реализации проектов, произвольное определение размера штрафных санкций, необоснованное использование коэффициентов удорожания строительства
	На ликвидационном этапе	Низкая бюджетная эффективность. Низкая социальная эффективность. Падение инвестиционной привлекательности субъекта РФ. Передача объекта ГЧП в состоянии, отличающемся от планового. Моральное устаревание, разрушение объекта ГЧП
	На стадии контроля, мониторинга, аудита	Отсутствует общественное обсуждение, закрепленное законодательно
По субъекту совершения	Со стороны публично-го партнера	Включение в стоимость проекта по объектам ГЧП уже оплаченных проектных работ, инженерных изысканий, экспертизы и других видов работ
	Со стороны частного партнера	Навязывание потребителям экономически необоснованных и невыгодных условий
	Совместно публичным и частным партнером	Неправомерное принятие и оплата невыполненных частным партнером работ, изменение сроков и условий соглашений, заведомо ухудшающих положение публичной стороны
	Со стороны иных участников рынка	Рейдерство на отраслевом и региональном уровне
По виду юридической ответственности	Дисциплинарная	Нарушение сроков исполнения поручений, документов и т.д.
	Уголовная	Нецелевое расходование бюджетных средств. Злоупотребление должностными полномочиями. Ограничение конкуренции. Коммерческий подкуп. Служебный подлог. Халатность. Мошенничество. Присвоение и растрата
	Административная	Невыполнение предписания федерального антимонопольного органа (ч. 2.6 ст. 19.5 КоАП)
	Гражданско-правовая	Неисполнение, ненадлежащее исполнение сторонами обязательств
По уровню скрытности	Низкий	Несоблюдения правил размещения информации или протоколов в рамках проведения конкурсных процедур
	Средний	Конкурсная документация содержит требования к участникам конкурса, необоснованно ограничивающие доступ какого-либо из участников конкурса к участию в конкурсе и (или) создающие участнику конкурса преимущественные условия участия в конкурсе. Признание конкурса несостоявшимся, неисполнение обязанности по направлению участнику торгов уведомления с предложением представить конкурсное предложение
	Высокий	Уклонение от конкурентных процедур, предусмотренных законодательством о контрактной системе, объединяя в рамках одного договора нескольких видов работ в рамках ГЧП

Заключение

Подводя итог рассмотрению поставленной задачи, отметим, что классификация и анализ угрожающих факторов необходимы для понимания сущности криминализации ГЧП как угрозы экономической безопасности России. Безотлагательного решения требуют вопросы разграничения ГЧП с законодательством в сфере закупок и доработка процедуры отбора частного партнера. Так, сегодня в сфере ГЧП отсутствует электронная форма проведения торгов. Дальнейший анализ будет построен на базе риск-ориентированного подхода для проведения количественных оценок проявления угрозы криминализации объекта исследования и последующего совершенствования механизма противодействия криминализации в сфере ГЧП на уровне субъекта Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

8. Концепция федеральной системы управления рисками в области экономической безопасности // Сборник материалов всероссийского симпозиума «Проблемы стратегического управления», Москва, 20 февраля 2018 г. / под ред. С.Н. Сильвестрова. М.: Когито-Центр, 2018.
9. *Литвиненко А.Н., Феофилова Т.Ю., Воротнев А.С.* Финансовая безопасность государства: проблема управления рисками. СПб.: ИВЭСЭП, 2006. 216 с.
10. *Телков А.В.* Некоторые аспекты выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности в бюджетной сфере // Научный портал МВД России. 2019. № 3 (47). С. 87–91.
11. *Титов В.А., Кудрявцев А.В.* Криминализация деятельности хозяйствующих субъектов: факторы пространства и времени // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 1. С. 19–24.
12. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
13. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
14. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

НОРМАТИВНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ

Аннотация. В статье проанализированы ключевые проблемы нормативно-методического обеспечения подготовки кадров в сфере управления городской средой в контексте исследования образовательных стандартов высшего образования и профессиональных стандартов. Автором представлены основные характеристики проекта профессионального стандарта «Управление городской средой».

Ключевые слова. Подготовка кадров, управление городской средой, профессиональные стандарты, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования.

Medvedev V.M.

NORMATIVE AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF TRAINING IN THE FIELD OF URBAN ENVIRONMENT MANAGEMENT

Abstract. The article analyzes the key problems of normative and methodological support of personnel training in the field of urban environment management in the context of educational standards of higher education and professional standards. The author presents the main characteristics of the project of professional standard «urban environment management».

Keywords. Training, urban environment management, professional standards, Federal state educational standards of higher education.

Введение

Подготовка профессиональных кадров и ее нормативно-методическое обеспечение является важной частью формирования и развития современной городской среды. Особенное внимание в данном вопросе необходимо уделить подготовке управленческих кадров, способных использовать полученные навыки в целях создания комфортного и доступного городского пространства для различных целевых групп на основе применения инновационных продуктов и цифровых технологий. Достижение этой цели возможно в условиях постепенной гармонизации профессиональных и образовательных стандартов, область распространения и применения которых включает широкий спектр компетенций специалиста по управлению городской средой.

Создание отдельных образовательных программ в системе высшей школы в нашей стране основывается на использовании обязательных федеральных стандартов, которые определяют основные требования к реализации подготовки специалистов на уровне бакалавриата, магистратуры и специалитета в зависимости от той или иной отрасли науки. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть тот факт, что в системе высшего образования в России отсутствуют единые методические и нормативно-правовые подходы к определению профессиональной принадлежности и комплекса навыков и трудовых функций специалиста в области управления городской средой [9].

ГРНТИ 06.52.13

© Медведев В.М., 2020

Василий Михайлович Медведев – научный стажёр кафедры экономики труда Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 664046, г. Иркутск, ул. Постышева, д. 18 (Russia, Irkutsk, Postisheva str., 18). Тел.: +7 921 768 36 84. E-mail: medvedev@loksys.ru .

Статья поступила в редакцию 07.11.2019.

Материалы и методы

К числу наиболее важных навыков и умений для специалиста в области управления городской средой можно отнести следующие общепрофессиональные компетенции, формируемые на основе ФГОС ВО:

- способен участвовать в комплексном проектировании на основе системного подхода, исходя из действующих правовых норм, финансовых ресурсов, анализа ситуации в социальном, функциональном, экологическом, технологическом, инженерном, историческом, экономическом и эстетическом аспектах (070000 Архитектура) [2, 3];
- способен использовать и совершенствовать применяемые системы менеджмента качества в производственном подразделении с применением различных методов измерения, контроля и диагностики (080000 Техника и технологии строительства) [4];
- способен оценивать эффективность выбранных материалов, технологий, методов организации и управления для жилищного и коммунального хозяйства (380000 Экономика и управление) [5];
- способен обеспечивать безопасность обслуживания потребителей и соблюдение требований заинтересованных сторон на основании выполнения норм и правил охраны труда и техники безопасности (430000 Сервис и туризм) [6, 7];
- способен применять полученные знания в области социокультурного проектирования в профессиональной деятельности и социальной практике (510000 Культуроведение и социокультурные проекты) [8].

Объединение представленных выше компетенций в едином образовательном стандарте позволит обеспечить эффективную подготовку профессиональных кадров в области управления городской средой. С учетом требований современных стандартов ФГОС ВО 3++, профессиональные компетенции любого специалиста должны определяться на основе содержания обобщенных трудовых функций профессиональных стандартов и коррелировать с ними.

По мнению автора, достаточно большое количество существующих профессиональных стандартов напрямую или косвенно связано с вопросами оптимизации городского пространства и создания комфортной среды функционирования и проживания как для населения, так и для предпринимательских структур, локализованных на той или иной территории [10].

Развитие городской среды на основе системного и комплексного подхода является приоритетным направлением не только для таких крупнейших индустриальных метрополий нашей страны, как Москва и Петербург, но и для многих других регионов, население которых по преимуществу проживает в городских агломерациях, в том числе и для Ленинградской области [11]. Все вышеперечисленное свидетельствует в пользу необходимости разработки специализированного профессионального стандарта, который бы регламентировал деятельность, а также требуемые навыки и умения профессионала в области управления городской средой.

Результаты и обсуждение

Описание трудовых функций (на примере 7 и 8 квалификационного уровня) к предлагаемому автором профессиональному стандарту «Управление городской средой» подробно представлено в таблице. На основании представленной таблицы-проекта трудовых функций профессионального стандарта в области управления городской средой можно сделать следующие выводы:

- формируемые профессиональные компетенции специалиста в области управления городской средой обладают мультидисциплинарным характером и предполагают получение набора знаний, навыков и умений в различных областях науки и техники – строительстве, архитектуре, юриспруденции, экономике, менеджменте и многих других, что затрудняет процесс выработки как обобщенных, так и частных трудовых функций;
- наиболее близкой профессиональной областью специалиста по управлению городской средой следует признать стандарты группы «07 Административно-управленческая и офисная деятельность» в связи с общностью теоретико-методологических и практических аспектов ведения данного рода деятельности;
- для реализации трудовых функций в области управления городской средой необходимо наличие 7 уровня профессиональной квалификации, что предполагает освоение определенных программ высшего образования как на уровне бакалавриата, так и магистратуры. Кроме того, важное значе-

ние в данном контексте необходимо уделить вопросам дополнительной профессиональной подготовки, а также наличию практического опыта [1];

- стратегическое управление развитием городской среды требует дополнительных профессиональных навыков и компетенций, что отражается в необходимости 8 уровня квалификации (образовательный уровень не ниже магистерской подготовки) [1].

Таблица

**Описание трудовых функций к проектируемому профессиональному стандарту
«Управление городской средой»**

Наименование обобщенной трудовой функции	Связь с областями профессиональной деятельности	Предполагаемые трудовые функции (примеры)
Организация работ по проектированию городской среды на основе внедрения инновационных технологий	10. Архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн (в сфере градостроительного проектирования и урбанистики); 07. Административно-управленческая и офисная деятельность; 08. Финансы и экономика; 09. Юриспруденция	<ul style="list-style-type: none"> • обоснование и оценка возможности использования инновационных материалов при строительстве социальных объектов; • проектирование и внедрение новых форм туристской навигации в условиях городской среды; • проектирование городской транспортной сети на основе использования беспилотного общественного автотранспорта
Организация работ по совершенствованию городской среды на основе внедрения инновационных технологий	10. Архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн (в сфере градостроительного проектирования и урбанистики); 08. Финансы и экономика; 33. Сервис, оказание услуг населению; 07. Административно-управленческая и офисная деятельность	<ul style="list-style-type: none"> • организация эффективного управления благоустройством городских территорий с использованием инновационных материалов и технологий; • развитие программ городского промышленного туризма; • внедрение цифровых технологий в процесс управления персоналом, связанных с развитием городской среды
Управление стратегическим развитием городской среды	08. Финансы и экономика; 09. Юриспруденция; 07. Административно-управленческая и офисная деятельность; 10. Архитектура, проектирование, геодезия, топография и дизайн (в сфере градостроительного проектирования и урбанистики); 16. Строительство и жилищно-коммунальное хозяйство; 17. Транспорт; 20. Электроэнергетика	<ul style="list-style-type: none"> • разработка стратегического плана по развитию туристской инфраструктуры городской среды; • разработка стратегии развития телекоммуникационной сети городской среды; • разработка стратегии экологической безопасности городской среды

Составлено на основании [12, 13] и собственных разработок автора.

Заключение

Формирование и дальнейшая апробация предлагаемого автором к рассмотрению профессионального стандарта «Управление городской средой» позволит повысить кадровый потенциал в данной области и гарантировать принятие и последующую реализацию соответствующих управленческих решений по оптимизации городских территорий в нашей стране. Вместе с тем, только в условиях комплексного развития всей системы подготовки кадров в сфере управления городской средой можно добиться ка-

чественных результатов в обучении высококвалифицированных специалистов, способных к принятию грамотных управленческих решений в условиях высокого уровня неопределенности внешней среды современных городских агломераций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 12 апреля 2013 г. № 148н «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов».
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.04 Градостроительство (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/070304_B_3_29062017.pdf (дата обращения 28.10.2019).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.03 Дизайн архитектурной среды (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/070303_B_3_03072017.pdf (дата обращения 28.10.2019).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 08.03.01 Строительство (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/Bak/080301pdf> (дата обращения 26.10.2019).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 38.03.10 Жилищное хозяйство и коммунальная инфраструктура (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/380310.pdf> (дата обращения 26.10.2019).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 43.03.01 Сервис (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20430301_B_3_03072017.pdf (дата обращения 29.10.2019).
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 43.03.02 Туризм (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/Bak/430302_B_3_30062017.pdf (дата обращения 16.10.2019).
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 51.03.03 Социально-культурная деятельность (уровень бакалавриата). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510303_B_3_12012018.pdf (дата обращения 16.10.2019).
9. Глухова Е.Г., Голубева Е.И., Горецкая А.Г., Король Т.О. Основные подходы к созданию комфортной городской среды – образовательный аспект // Экология урбанизированных территорий. 2016. № 3. С. 70-76.
10. Лиджеева К.Ф., Олчанова Ц.В. Университет как фактор развития региональной и городской среды // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2 (59). С. 107-110.
11. Комитет по жилищно-коммунальному хозяйству Ленинградской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gkh.lenobl.ru> (дата обращения 15.10.2019).
12. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Раздел профессиональные стандарты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/docs/101/69/2> (дата обращения 18.10.2019).
13. Перечень профессиональных стандартов в сфере ЖКХ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--80almfnfiqx.xn--p1ai/profstandart100.html> (дата обращения 14.10.2019).

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПОДДЕРЖКИ ОДАРЕННОЙ И ТАЛАНТЛИВОЙ МОЛОДЕЖИ В РОССИИ

Аннотация. Актуальность представленной статьи заключается в необходимости совершенствования системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в рамках научно обоснованного психологического подхода. Целью статьи, таким образом, является обоснование оптимальных механизмов совершенствования этой системы с вытекающей разработкой оптимизированной системы, ее модели и организационной структуры. Новизна работы заключается в разработке оптимизированной существующей системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи, оптимизированной модели системы, организационной структуры системы; в установлении новых инструментов выявления и критериев отбора одаренной молодежи. Предложено введение единых стандартов обучения, создание специализированного государственного центра, оказывающего образовательные услуги, совершенствование процесса управления системой на федеральном уровне, путем организации нового государственного департамента при Министерстве просвещения России.

В статье проведен анализ проблемных механизмов рассмотренной системы, в частности: инструментов выявления и критериев отбора, отсутствия единых стандартов обучения, отсутствия специализированного государственного учреждения, оказывающего нацеленную поддержку в развитии одаренной и талантливой молодежи, непродуктивного управления на федеральном уровне. Обоснованы пути оптимизации системы; предложено использование нового инструмента: всероссийского тестирования на определение одаренности (с учетом полученных современных результатов научных исследований в области психологии, педагогики, нейробиологических наук), предложена разработка единых стандартов обучения, предложено создание нового государственного стратегического центра по развитию одаренной молодежи, оказывающего нацеленную поддержку в развитии одаренной и талантливой молодежи. Предложено создание нового департамента, деятельность которого направлена на управление вопросами в области политики одаренной и талантливой молодежи в РФ на федеральном уровне.

С учетом оптимизации проблемных механизмов общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи России, визуализированы: оптимизированная организационная структура системы, оптимизированная всероссийская модель выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи, сама оптимизированная общенациональная система выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи России.

Ключевые слова. Человеческий капитал, инновационная экономика, одаренная и талантливая молодежь, государственная политика, инструменты выявления, критерии отбора, система выявления и поддержки, всероссийское тестирование, стратегический центр развития одаренной и талантливой молодежи, департамент по вопросам одаренной и талантливой молодежи.

Miagkikh A. A.

OPTIMIZATION OF THE NATIONAL SYSTEM OF IDENTIFICATION AND SUPPORT OF GIFTED AND TALENTED YOUTH IN RUSSIA

Abstract. The relevance of this article lies in the need to improve the system of identification and support for gifted and talented young people within the framework of a scientifically sound psychological approach.

ГРНТИ 06.71.37

© Мягких А.А., 2020

Алёна Александровна Мягких – аспирантка кафедры экономики труда Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). E-mail: miagkikh.a@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 29.11.2019.

Thus, the purpose of the article is to substantiate the optimal mechanisms of improvement of the System with the consequent development of an optimized System, its model and organizational structure. The novelty of the work consists in the development of the optimized existing System of identification and support of gifted and talented youth, the optimized model of the System, the organizational structure of the System. Establishment of new tools for identification and selection criteria for gifted youth. Introduction of unified standards of education, creation of a specialized state center providing educational services, improvement of the system management process at the federal level by organizing a new state department under the Ministry of Education of Russia.

The article analyzes the problem mechanisms of the System, in particular: identification tools and selection criteria, the lack of uniform standards of education, the absence of a specialized public institution that provides targeted support in the development of gifted and talented young people, unproductive management at the federal level. The ways of their optimization are justified: the use of a new tool is proposed: All-Russian testing for the definition of talent (taking into account the received modern results of scientific research in the field of psychology, pedagogy, neurobiological sciences), the development of unified standards of education is proposed, the creation of a new state strategic center for the development of gifted youth is proposed, providing targeted support in the development of gifted and talented youth. It is proposed to create a new department, the activity of which is aimed at managing issues in the field of gifted and talented young people in Russia at the federal level.

Taking into account the introduction of optimization of problem mechanisms of the nationwide system of identification and support of gifted and talented young people of Russia, the following have been visualized: organizational structure of the System, the All-Russian model of identification and support of gifted and talented young people, the national system of identification and support of gifted and talented young people of Russia.

Keywords. *Human capital, innovation economy, gifted and talented youth, public policy, identification tools, selection criteria, identification and support system mechanisms, identification and support model, identification and support system, identification and support system, identification and support system organizational structure, Olympiads/creative competitions/sport competitions, testing, strategic center for development of gifted and talented youth, Department of Gifted and Talented Youth, Ministry of Education.*

Введение

Инвестиции в человеческий капитал становятся все более важными по мере того, как характер работы меняется в ответ на быстрые технологические изменения. Как подчеркивается в Докладе о мировом развитии 2019 года, «в связи с изменением характера работы рынки все больше требуют работников с более высоким уровнем человеческого капитала, особенно продвинутых когнитивных и социально-поведенческих навыков. Во Вьетнаме, например, работники, способные выполнять нестандартную аналитическую работу, зарабатывают почти на 25% больше, чем те, кто не может» [13].

Одним из природных явлений – предпосылок высокого уровня человеческого капитала – является одаренная и талантливая молодежь, развитие которой способно трансформировать ее в высококвалифицированную рабочую силу. Такая категория людей, определяемая как одаренные, потенциально может принести большие плоды в развитии технологий своей стране. Но такая молодежь требует специализированного подхода в воспитании и специальных программ обучения. В РФ действует общенациональная система выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи (далее – Система) реализующая практическую реализацию выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи.

Одним из ранних подходов к формированию таланта была модель ученичества, широко используемая в искусстве, музыке и танцевальном искусстве. Этот подход широко использовался в эпоху Возрождения и в последующий период как подходящий метод воспитания раскрытых талантов. Спонсорская поддержка короной или дворянами талантливых сыновей, таких как Моцарт, была стандартным источником поддержки и поощрения. При этом, специфическое изучение одаренности и ее воспитания произошло в относительно современную эпоху, и организационно оформленные попытки стимулировать эти способности получили дальнейшее развитие. На сегодняшний день развитые страны уделяют приоритетное внимание развитию одаренной молодежи, напрямую связывая эту проблему с воспроизводством человеческого капитала.

Инвестирование в человеческий капитал является приоритетным направлением для того, чтобы извлечь максимум пользы из этих развивающихся экономических возможностей. На рынках труда все большее значение приобретают три вида навыков: передовые когнитивные навыки, такие как умение решать сложные проблемы, социоповеденческие навыки, такие как командная работа, и сочетания навыков, которые позволяют прогнозировать адаптивность, такие как логика и самоэффективность. Развитие этих навыков требует прочной основы человеческого капитала и обучения на протяжении всей жизни.

Таким образом, фундаментальные основы человеческого капитала, созданные в раннем детстве, приобретают все большее значение. Однако правительства развивающихся стран не уделяют приоритетного внимания развитию детей младшего возраста, и результаты обучения в начальной школе не являются оптимальными с точки зрения человеческого капитала [14].

Проблемные механизмы общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в РФ

Рассмотренная ранее автором система выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в России имеет ряд серьезных упущений, которые сводят эффективность достижения целей проводимой политики к минимуму, а именно: проводимая Правительством РФ политика в сфере регулирования выявления и поддержки одаренной молодежи за последние 26 лет не является эффективной в первую очередь из-за использования неэффективных инструментов выявления и критериев отбора одаренной молодежи [5].

Во-первых, проводимая политика идет вразрез с результатами психологических исследований. Не учитывается при отборе критерий выявления детей со скрытой одаренностью. Отбор среди победителей Олимпиад оставляет молодых людей со скрытыми талантами не выявленными, а соответственно и без оказания должной поддержки одаренной молодежи, которая нуждается в специализированном образовании. Критерии и методы отбора, закреплённые на федеральном уровне, соответствуют стандартам СССР, и не могут отвечать современным требованиям в выявлении талантливой молодежи.

Во-вторых, не разработано единого стандарта обучения талантливой молодежи, который учитывал бы все особенности такой молодежи, как психологические, так и педагогические в отношении предоставления образовательных услуг.

В-третьих, отмечается отсутствие специализированного государственного учреждения, оказывающее нацеленную поддержку в развитии одаренной и талантливой молодежи. На современном этапе такую поддержку оказывает всероссийский центр дополнительного образования «Сириус», организационно-правовая форма которого – фонд. Соответственно все процессы, происходящие в центре, регулируются учредителями фонда и экспертным советом. Отбор и обучение учеников осуществляется по внутренним утвержденным критериям фонда. Подчинения какому-либо государственному органу центр не имеет. Соответственно, изменения в инструментах и критериях отбора на федеральном уровне не повлияют на политику предоставления услуг в центре. К тому же, предоставление образовательных услуг имеет ряд недостатков.

В-четвертых, непродуктивное управление на федеральном уровне. В период 1993-2012 гг. не был определен конкретный орган по координации и реализации политики в области поддержки и развития одаренной молодежи. В период с 2012 по 2018 гг. Национальный координационный совет по поддержке молодых талантов России занимался реализацией общенациональной системы выявления и развития молодых талантов. Основными задачами совета являлись: выработка механизмов поиска и поддержки одаренных детей и молодежи в общенациональную систему выявления и развития молодых талантов; подготовка предложений и рекомендаций по созданию условий, обеспечивающих развитие и реализацию способностей детей и молодежи в целях достижения ими выдающихся результатов в избранной сфере профессиональной деятельности; координация реализации Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов.

В ноябре 2018 он был упразднен. Результатами его деятельности явилось: закрепление на федеральном уровне критериев выявления одаренной и талантливой молодежи, позволяющее выявить только явную одаренность. В своей работе совет не учитывал результаты проведенных психологических исследований. Таким образом, по сей день осуществляется выявление детей только с явной одаренностью, и полностью игнорируется выявление со скрытой одаренностью, которая, по мнению ис-

следователей одаренной психологии, обладает более глубокой «остротой» интеллекта, молодежь со скрытой одаренностью не получает должной поддержки.

В 2018 году при Министерстве просвещения был создан департамент государственной политики в сфере воспитания, дополнительного образования и детского отдыха, который частично занимается и вопросами развития системы выявления и поддержки одаренной молодежи. Наряду с решением таких задач, как подготовка перечня олимпиад/конкурсов/соревнований, создание сети региональных центров выявления и поддержки одаренных детей и пр., департамент также решает вопросы, связанные с воспитанием, оздоровлением, отдыхом детей, проведением конкурсов. За период существования департамента с 2018 по 2019 гг. никаких нововведений и принятых новых мер в отношении одаренной и талантливой молодежи предпринято не было.

По мнению автора, функционал департамента не сосредоточен на развитии в области одаренной политики. Смежные задачи мешают фокусироваться на реализации и развитии Системы. Проблема выявления и поддержки одаренной молодежи должна быть основной, а не одной из перечня. В этой связи, рассмотрим далее пути оптимизации проблемных механизмов Системы.

Оптимизация инструментов выявления и критериев отбора

Согласно психологическим исследованиям, проводившимся по заказу правительства в 2000-х годах, одаренность бывает двух видов – скрытая и явная. Для каждого типа существуют свои критерии и методы определения. Используемые на сегодняшний день критерии – победы на олимпиадах, позволяют определить только явную одаренность. Соответственно на федеральном уровне закреплено выявление только таких детей. В рамках современных психологических исследований в области одаренности, ученые разработали целые системы для выявления скрытой одаренности, основополагающим рычагом выявления одаренности является тестирование.

Ведущими психологами в этой области являются: Богоявленская Д.Б. (определение одаренности, выявление типов – скрытой и явной одаренности); Григоренко Е.В. (оценка эффективности применяемых в России способов выявления и поддержки одаренной молодежи); Марголис А.А., Рубцов В.В. (предложение целостной системы по выявлению и развитию одаренной и талантливой молодежи в РФ); Холодная М.А. (разработка онтологической теории интеллекта, определение двух ключевых интерпретаций одаренности); Ушаков Д.В. и Куливец С.Г. (разработана структурно-динамическая теория интеллекта, предложен подход к определению одаренности с помощью тестирования – это самая корректная основа для выявления одаренной молодежи, смоделирована взаимосвязь между когнитивными способностями и экономическими возможностями).

В последних исследованиях тестирование при определенных бесстрессовых условиях является оптимальным решением для выявления любого типа одаренности. Таким образом, автор предлагает Министерству просвещения поставить задачу перед научным блоком в области психологии, педагогики, нейробиологии по официальной разработке подобных тестов с определением бесстрессовых условий для его проведения и определению новых критериев отбора, соответствующих современным требованиям, с последующим закреплением на федеральном уровне и использованием на практике.

Таким образом, предлагается новый инструмент выявления одаренной молодежи любого типа: многоуровневое тестирование на одаренность по всей России. Тестируемые: все граждане РФ, достигшие возраста 6-18 лет. Критерии отбора: градация по результатам тестирований, баллы, соответствующие высокому уровню интеллекта и креативности, указывающие на высокую одаренность.

Отсутствие единых стандартов обучения

Одаренная и талантливая молодежь в силу своей природы нуждается в специализированном индивидуальном образовании. На современном этапе в РФ существует лишь общие программы, рассчитанные на группы, и не разработан индивидуальный подход. В нашей стране нет практики оказания образовательных услуг в зависимости от уровня знаний, градация имеется только по физиологическому возрасту в рамках школьной или другой программы.

Для эффективного оказания образовательных услуг одаренной и талантливой молодежи необходим индивидуальный подход к каждому одаренному ребенку, а также соблюдение элементарных психологических требований при общении. Каждый отдельный ребенок уникален по обладанию знаниями, уровню интеллекта, креативности и пр. Поэтому стандартизированные общие программы не под-

ходят для его обучения, это связано как с психологическими особенностями одаренной личности, так и с химическими мозговыми процессами. В целях оптимизации предоставления образовательных услуг, оказываемых на современном этапе, необходима разработка единых стандартов специального индивидуального обучения одаренной и талантливой молодежи.

Также требуются стандарты для учителей, обновленные в соответствии с новыми критериями и инструментами выявления, на основании результатов научных исследований в области одаренной психологии, педагогики и нейробиологии. Автор рекомендует Министерству просвещения поставить соответствующую задачу перед научным блоком и разработать такие стандарты.

Отсутствие специализированного государственного учреждения, оказывающее нацеленную поддержку в развитии одаренной и талантливой молодежи

Для осуществления целенаправленной деятельности в области воспроизводства человеческого капитала, посредством предоставления образовательных услуг для одаренной и талантливой молодежи, необходим специализированный центр, оказывающий образовательные услуги одаренной и талантливой молодежи. Автор предлагает создать стратегический центр для одаренной и талантливой молодежи с критерием отбора, учитывающим и явную одаренность, и скрытую. Отбор для обучения – посредством всероссийского тестирования и собеседования на финальном этапе.

Более строгие критерии отбора позволят выявить не пласт одаренных, а отдельные личности, действительно обладающие всеми качествами одаренности на высоком уровне. Какой процент на практике будет он составлять? Прогнозировать сложно. Но основная идея состоит в том, что данный центр не ориентирован на массовость. Для начала он может быть рассчитан на не более чем 100 воспитанников со всей страны. Для более точного подсчета необходимы результаты промежуточного тестирования. Возможно, воспитанниками станут один или два человека, но, тем не менее, именно они могут принести большие плоды в развитии инновационной экономики.

Обучение в данном центре, при высоких интеллектуальных способностях учащегося, позволяет совмещать его с обучением в ВУЗе, при том, что физиологический возраст не должен иметь значения, уровень знаний определяет необходимый курс подготовки. Обучение производится по направлениям в соответствии с утвержденным перечнем стратегических приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации [1]. В процессе обучения в центре, воспитанники работают над реальными проблемами в науке, обществе, экономике. Обучение проходит совместно с проживанием в центре. По окончании обучения выдается аттестат и специализированный диплом и гарантируется трудоустройство в НИИ, госструктурах на высокооплачиваемую должность. Выпускники данного центра не имеют права уезжать на постоянное место жительства за границу.

Непродуктивное управление на федеральном уровне

Краеугольным камнем в развитии любого процесса является управление. Именно с помощью менеджмента подбираются специалисты. Для продуктивного управления необходим новый орган, который будет 100% своего функционала уделять вопросам одаренной и талантливой молодежи, совершенствованию системы выявления и развития, заниматься вопросами ускорения обучения, эффективного выявления. Автором предлагается создать новый департамент по вопросам одаренной и талантливой молодежи.

В обязанности департамента будут входить следующие задачи: сотрудничество с ведущими НИИ и университетами страны; курирование фундаментальных исследований одаренной личности с точки зрения нейробиологии, педагогики, психологии; закрепление критериев выявления на федеральном уровне; курирование разработки стандартов одаренного образования; разработка индивидуальных специализированных программ обучения; проведение процедуры отбора одаренной молодежи (всероссийское тестирование); контроль и координация зачисления детей в стратегический центр и их обучения там; курирование работы стратегического центра развития одаренной молодежи РФ; взаимодействие с ведущими компаниями – ключевыми игроками экономики для постановки научных проблем в центре, контроля их решения; взаимодействие с другими подобными мировыми центрами.

При совместной поддержке современных научных исследований, данный департамент способен курировать и разработку стандартов, и разработку обучающих программ, и развитие отдельно взятого одаренного ребенка – воспитанника нового стратегического центра.

Заключение

Статья рассматривает воспроизводство человеческого капитала через призму совершенствования общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи путем предоставления специализированного образования одаренной и талантливой молодежи на территории РФ. В статье были освещены основные проблемные механизмы общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи.

Камнями преткновения в развитии Системы являются: использования неэффективных инструментов выявления и критериев отбора; отсутствие единых стандартов обучения; непродуктивное управление на федеральном уровне; отсутствие специализированного государственного учреждения, оказывающего нацеленную поддержку в развитии одаренной и талантливой молодежи.

Автором предложены пути оптимизации механизмов Системы: внедрение нового инструмента выявления – всероссийского тестирования, разработанного в соответствии с современными научными исследованиями, определение новых критериев отбора, согласно результатам научных исследований и разработанного теста; разработка стандартов обучения и стандартов для преподавателей в соответствии с результатами современных научных исследований; создание нового стратегического центра развития и поддержки одаренной и талантливой молодежи; создание нового департамента при Министерстве просвещения по вопросам одаренной и талантливой молодежи.

При внедрении авторских предложений мы получим следующие положительные эффекты: современные инструменты выявления и отбора одаренной молодежи, соответствующие результатам научных исследований; эффективное оказание образовательной услуги в соответствии со стандартами обучения одаренной молодежи, грамотно разработанные программы образования в соответствии с результатами научных исследований; логичная организационная структура с продуманным подчинением и обратной связью между звеньями; упорядоченное управление, реальное развитие и контроль над ситуацией в развитии системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в РФ.

Ранее выявление, обучение и воспитание одаренных и талантливых детей составляет новую задачу совершенствования системы народного образования. Развитие одаренных и талантливых детей решает насущную задачу формирования человеческого капитала общества, обеспечивает возможности интенсивного социального и научно-технического прогресса, дальнейшего развития науки и культуры, всех областей производства и социальной жизни. Рассмотрение краеугольным камнем одаренной и талантливой молодежи в воспроизводстве человеческого капитала страны, как инструмента в достижении стратегических целей государства послужит залогом успеха в наращивании инновационной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642).
2. Психология одаренности и творчества / под ред. Л.И. Ларионовой, А.И. Савенкова. СПб.: Нестор-История, 2017.
3. *Пылаева О.А.* Одаренность у детей и ассоциированные проблемы. Феномен двойной исключительности. Одаренность и трудности обучения. Одаренность и синдром дефицита внимания и гиперактивности (обзор литературы) // Русский журнал детской неврологии. 2015. Том 10. № 3. С. 15-36.
4. *Рубцов В.В., Марголис А.А.* Государственная политика в сфере образования одаренных учащихся // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 5-14.
5. *Мяжгих А.А.* Проблемы и механизмы совершенствования общенациональной системы выявления и поддержки одаренной и талантливой молодежи в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 227-248.
6. *Colom R., Karama S., Jung R.E., Haier R.J.* Human intelligence and brain networks // *Dialogues Clin Neurosci.* 2010. № 12 (4). P. 489-501.
7. *Colom R., Burgaleta M., Román F.J., Karama S., Alvarez-Linera J., Abad F.J., Martínez K., Quiroga M.Á., Haier R.J.* Neuroanatomic overlap between intelligence and cognitive factors: morphometry methods provide support for the key role of the frontal lobes // *Neuroimage.* 2013. May. P. 52.
8. *Grigorenko E.L.* Gifted Education in Russia: Developing, Threshold, or Developed // *Cogent Education.* 2017. № 4. P. 1–12.

9. *Kalbfleisch M. L.* Educational neuroscience, constructivism, and the mediation of learning and creativity in the 21st century // *Frontiers in psychology*. 2015. Vol. 6. P. 1-2.
10. *Kulivets S.G., Ushakov D.V.* Modeling relationship between cognitive abilities and economic achievements // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. Vol. 13. № 4. P. 636-648.
11. *Wendelken C., Lee J.K., Pospisil J., Sastre M., Ross J.M., Bunge S.A., Ghetti S.* White matter tracts connected to the medial temporal lobe support the development of mnemonic control // *Cerebral Cortex*. 2014. P. 1-10.
12. *Yap Q.J., Teh I., Fusar-Poli P., Sum M.Y., Kuswanto C., Sim K.* Tracking cerebral white matter changes across the lifespan: insights from diffusion tensor imaging studies // *Journal of Neural Transmission*. 2013. Vol. 120. P. 1369-1395.
13. World Development Report (WDR): The Changing Nature of Work. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019> (дата обращения 27.08.2019).
14. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: World Bank, 2019.

Некрасова Т.Н.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРАКТИК НА РЫНОК ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье представлен анализ влияния недобросовестных практик на рынок финансовых услуг. В качестве наиболее опасных и масштабных недобросовестных практик, негативно влияющих на состояние рынка финансовых услуг, выделены: кибермошенничество, финансовые пирамиды, безлицензионная деятельность, мисселинг. Приведена авторская классификация недобросовестных практик на рынке финансовых услуг.

Ключевые слова. Недобросовестные практики, рынок финансовых услуг, кибермошенничество, финансовые пирамиды, безлицензионная деятельность, мисселинг.

Nekrasova T.N.

INFLUENCE OF UNFACILITATIVE PRACTICES ON THE FINANCIAL SERVICES MARKET

Abstract. The article presents an analysis of the influence of unfair practices on the financial services market. The most dangerous and large-scale unfair practices that negatively affect the state of the financial services market are: cyber fraud, financial pyramids, unlicensed activities, misseling. The author's classification of unfair practices in the financial services market is given.

Keywords. Unfair practices, financial services market, cyber fraud, financial pyramid, unlicensed activity, misselling.

Введение

Одним из приоритетных направлений в деятельности Банка России и других государственных органов является развитие финансового рынка. Но процессы, направленные на становление и развитие эффективного финансового рынка, сопряжены с проявлением недобросовестных практик. В связи с чем возникает необходимость в анализе недобросовестных практик, которые во многом мешают формированию цивилизованного облика финансового рынка.

В рамках данной статьи под недобросовестными практиками понимаются любые умышленные действия на финансовом рынке, связанные с обманом, злоупотреблением доверием или бездействием с целью получения выгоды [3, с. 175].

Оценка влияния недобросовестных практик на состояние рынка финансовых услуг

На сегодняшний день наиболее опасным явлением, подрывающим экономику страны, остается кибермошенничество в финансовой сфере. Ущерб, который несут физические и юридические лица в России от различных киберугроз и кибератак, исчисляется несколькими миллиардами рублей. Вредоносное программное обеспечение (ВПО) по-прежнему остается одним из основных инструментов компьютерных преступников. Рассылки писем с зараженными вирусами файлами или ссылками

ГРНТИ 06.73.02

© Некрасова Т.Н., 2020

Татьяна Николаевна Некрасова – адъюнкт кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России.

Контактные данные для связи с автором: 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1 (Russia, St. Petersburg, Letchika Pilyutova str., 1). Тел.: +7 921 142-24-99. E-mail: nkrtn@bk.ru.

Статья поступила в редакцию 27.11.2019.

на сайты с ВПО активно используются для атак на финансовые организации и их клиентов. Центр мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России (ФинЦЕРТ) с 01.09.2018 по 31.08.2019 гг. выявил около 780 тыс. сайтов с вредоносным программным обеспечением [4].

В этом периоде зафиксирован значительный (почти в 7 раз) рост количества сайтов в категории мошеннических (лжеопросы, лжекомпенсации, лжевыигрыши и так далее). ФинЦЕРТ инициировал снятие с делегирования 9778 фишинговых доменов – на 486% больше их числа годом ранее (1668 доменов). Рост количества запросов на разделегирование обусловлен развитием данного направления деятельности ФинЦЕРТ.

В 2018 году Банк России отметил также рост числа организаций, деятельность которых имеет характерные для финансовых пирамид признаки. В частности, выявлено 168 таких компаний, ущерб от действия которых достиг 2,42 млрд рублей. В 2017 году было установлено 137 финансовых пирамид, по которым ущерб составил 800 млн рублей. Указанные данные отражены в годовом отчете Банка России за 2018 год. За девять месяцев 2019 года Центробанк выявил 240 организаций с признаками финансовых пирамид. Значительная часть выявленных организаций, 90, существовала в виде интернет-проектов, 71 – в форме обществ с ограниченной ответственностью, другие позиционировали себя как потребительские кооперативы и прочие финансовые институты.

Безлицензионная деятельность также часто встречается в качестве недобросовестной практики на рынке финансовых услуг [2, с. 137]. В целом, за первые три квартала 2019 года Банк России разоблачил 2165 организаций, действовавших на финансовом рынке нелегально. Подавляющее большинство из них, 1576, это – нелегальные кредиторы. Страховая отрасль также уже долгое время страдает от действий недобросовестных клиентов и страховщиков. Они используют разные способы обмана: подделывают полисы, устраивают фиктивные ДТП и кражи, намеренно вредят своему здоровью, предоставляют неверные данные и так далее. Ущерб от действий страховых мошенников достигает 3,5 млрд рублей за квартал. Представленная информация зафиксирована Всероссийским союзом страховщиков.

По статистике Банка России, острой остается проблема мисселинга – недобросовестной продажи финансовых продуктов и услуг, поэтому с февраля 2019 года регулятор выделил ее в отдельную категорию жалоб и распределил по двум критериям: по типу поднадзорной организации и по тематикам [5]. Всего за январь-сентябрь 2019 года было зафиксировано 185,2 тыс. жалоб от потребителей финансовых услуг. Лидирующую позицию занимают жалобы в отношении кредитных организаций (62,3%), доля жалоб в отношении субъектов страхового дела – 30,0%. А остальные 7,7% жалоб фиксируются в отношении профессиональных участников рынка ценных бумаг, управляющих компаний (инвестиционного фонда, ПИФ и НПФ) и микрофинансовых организаций.

Рассмотрим тематику жалоб: 44,4% приходится на реализацию инвестиционного страхования жизни, 15,2% на реализацию векселя, 14,1% на реализацию накопительного страхования жизни, 9,9% на реализацию продуктов и услуг доверительного управляющего, 5,1% на реализацию прочих страховых продуктов и услуг, а также, в меньших долях, встречаются жалобы на реализацию кредитных продуктов НФО, инвестиционных паев ПИФ и пр.

Таким образом, приведенные статистические данные позволяют сделать вывод, что недобросовестные (мошеннические) практики являются одним из глубоко укоренившихся незаконных действий, пронизывающих всю финансовую систему страны. Без надлежащей классификации недобросовестных практик трудно определить способы выявления, а, следовательно, и методы противодействия им, поэтому очень важно понять природу и особенности недобросовестных практик на рынке финансовых услуг.

Классификация недобросовестных практик на рынке финансовых услуг

Мегарегулятор отмечает, что недобросовестные практики на финансовом рынке являются противоправным или преступным действием, хотя не исключает ситуации, когда недобросовестные практики не подлежат юридической ответственности. В связи с чем имеет место противоречие, связанное с двойственным подходом к определению сущности недобросовестных практик на рынке финансовых услуг в правовом аспекте.

Спектр форм недобросовестных практик постоянно трансформируется, поэтому существует необходимость в определении критериев (классификационных признаков) для разделения их на группы

и принятия эффективных управленческих решений для противодействия. При противодействии данным финансовым преступлениям следует отметить, что их субъектами могут быть как профессиональные участники рынка, так и потребители (страхователи, инвесторы, заемщики), посредники (агенты, страховые брокеры, финансовые консультанты), а также третьи лица, напрямую не взаимодействующие с участниками рынка финансовых услуг [1]. Эти же категории могут выступать и потерпевшими, что заставляет всех участников рынка быть бдительными и постоянно повышать свой уровень финансовой грамотности.

Одним из осложняющих факторов в выявлении и противодействии данным негативным действиям является рассредоточение их в пространстве и времени. Некоторые случаи недобросовестных действий выявляются в момент их совершения, а иные после реализации мошеннических действий, когда уже наступили последствия и необратимость ситуации. Особую опасность несут как раз последние. Борьба с недобросовестными практиками в сфере рынка финансовых услуг осложняется еще и применением нетривиальных способов их совершения через личный контакт либо посредством технических средств, в том числе сети Интернет. Особую сложность вызывают последние, ввиду масштабности и доступности.

Еще одним моментом, определяющим сложность в раскрытии и пресечении данных видов негативных действий, является уровень скрытности, данный критерий вытекает из предыдущего, но более характеризует правовое положение и указывает на обращение большего внимания при их противодействии.

Финансовый рынок имеет сегментарную природу, в связи с чем и распространение недобросовестных практик подразделяется на: совершающие на всем финансовом рынке и на совершающие в отдельных сегментах рынка. Проанализировав влияние недобросовестных практик на рынок финансовых услуг, учитывая специфику их совершения и распространения, автор предлагает классифицировать недобросовестные практики на рынке финансовых услуг по 9 признакам. Результаты исследования отражены в таблице.

Таблица

Классификация недобросовестных практик на рынке финансовых услуг

Классификационный признак	Вид недобросовестной практики
По видам ответственности	подлежащие юридической ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной)
	не подлежащие юридической ответственности
По статусу субъекта недобросовестной практики	совершаемые сотрудниками финансовых организаций
	совершаемые физическими лицами (потребителями)
	совершаемые третьими лицами
По объекту нанесения вреда	наносящие вред физическому лицу
	наносящие вред финансовым организациям
	наносящие вред государству
По способу реализации	посредством личного контакта
	с использованием технических средств, сети Интернет
По масштабности распространения	распространенные
	нераспространенные
По сроку выявления	выявляемые в момент совершения недобросовестной практики
	выявляемые после реализации недобросовестной практики
По уровню скрытности	открытые
	латентные
По размеру причиненного ущерба	не причиняющие ущерб
	причиняющие незначительный ущерб
	причиняющие средний ущерб
	причиняющие крупный ущерб
	причиняющие особо крупный ущерб

Окончание табл.

Классификационный признак	Вид недобросовестной практики
По сегменту распространения	совершающиеся на рынке ценных бумаг
	совершающиеся на рынке банковских услуг
	совершающиеся на рынке страховых услуг
	совершающиеся на рынке микрофинансирования
	совершающиеся на рынке коллективных инвестиций
	совершающиеся на рынке доверительного управления
	совершающиеся на рынке лизинговых услуг
совершающиеся на рынке факторинговых услуг	

Представленная классификация, безусловно, не является исчерпывающей, но вместе с тем, выделенные классификационные признаки позволяют более достоверно идентифицировать конкретные виды недобросовестных практик на рынке финансовых услуг. При этом стало очевидным, что не все существующие виды недобросовестных практик законодательно зафиксированы. По некоторым из них не дана правовая оценка.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что рынок финансовых услуг остается уязвимым к недобросовестным практикам, которые ежегодно наносят колоссальный ущерб населению и дестабилизируют экономику страны. Несмотря на меры, предпринимаемые органами государственной и исполнительной власти по сдерживанию распространения недобросовестных практик на рынке финансовых услуг, масштабы их совершения не сокращаются, а происходит модификация и адаптация недобросовестных практик под экономические реалии.

Предложенная автором классификация позволит комплексно анализировать выделенные виды недобросовестных практик на рынке финансовых услуг; она может использоваться в целях принятия эффективных управленческих решений для противодействия им.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/48603/concept_countersing_unfair_actions.pdf (дата обращения 09.11.2019).
2. Литвиненко А.Н., Феофилова Т.Ю., Воронев А.С. Финансовая безопасность государства: проблема управления рисками. СПб.: ИВЭСЭП, 2006. 216 с.
3. Некрасова Т.Н. Недобросовестные практики на рынке финансовых услуг: понятие и инструменты противодействия // Сборник научных трудов 59-й Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов с международным участием Ярославского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; в 2 т. Т. 1. Ярославль: Канцлер, 2019. С. 174-178.
4. Отчет центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере департамента информационной безопасности Банка России 01.09.2018 – 31.08.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/84354/FINCERT_report_20191010.PDF (дата обращения 20.11.2019).
5. Отчет о работе с обращениями январь – июнь 2019 г. Служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/collection/collection/file/21127/2019_2.pdf (дата обращения 20.11.2019).

Сморудов И.Е.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Современное управление вузом представляет собой многоаспектный процесс, который позволяет провести мониторинг его эффективности посредством использования различного рода рейтингов. Участие в большинстве из них и занятие в них лидирующих позиций обеспечат вузу не только эффективность его текущей деятельности, но и перспективность его деятельности по различным направлениям развития.

Ключевые слова. Управленческий инструментарий, руководство подразделением вуза, рейтингование, лидирующие места в ведущих рейтингах.

Smorudov I.E.

IMPROVEMENT OF MANAGEMENT TOOLS OF THE HIGHER EDUCATION ORGANIZATION

Abstract. Modern University management is a multifaceted process that allows monitoring its effectiveness using various ratings. Participation in most of them and taking a leading position in them will ensure the University not only the effectiveness of its current activities, but also the prospects of its activities in various areas of development.

Keywords. Management tools, management of the Department of the University, ranking, leading places in the leading rankings.

Введение

В 2014 году была утверждена Дорожная карта образования. Данный документ затрагивает все уровни образования. В частности, в сфере высшего образования основные направления развития сводятся к следующему: совершенствование структуры государственных вузов; оптимизация деятельности сети государственных вузов; совершенствование структуры ОПОП; рост результативности деятельности вузов с учетом их специализации; использование определенных инструментов при оценке качества работы сферы образования в целом; проведение действенной политики в сфере высшего образования; развитие кадрового потенциала в сфере высшего образования [1].

Указанные выше направления направлены на рост как эффективности деятельности сферы образования в целом, так и качества услуг в этой отрасли. В свою очередь, данные ориентиры должны согласовываться с процессом перехода к эффективному контракту, который должен осуществляться в несколько этапов.

Совершенствование структуры и сети государственных вузов, согласно [1] должно быть осуществлено за счет: проведения ежегодного мониторинга эффективности вузов; реорганизации и присоединения образовательных организаций высшего образования и их филиалов. Результатами прово-

ГРНТИ 06.52.17

© Сморудов И.Е., 2020

Игорь Евгеньевич Сморудов – аспирант кафедры экономики труда Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 188410, Ленинградская область, г. Волосово, ул. Красных Командиров, 14 (Russia, Leningrad reg., Volosovo, Krasnyh Komandirov str., 14). Тел.: +7-905-233-66-58. E-mail: igorsmorudov@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 20.11.2019.

димых мероприятий должно стать формирование сбалансированной сети образовательных организаций высшего образования. Деятельность такой сети должна, с одной стороны, удовлетворять потребности работодателей в высококвалифицированных кадрах, а, с другой, быть ориентированной на развитие научно-технологического потенциала российских регионов. Таким образом, территориальный аспект в процессе распределения высококвалифицированных кадров становится в современных условиях определяющим [2].

Материалы и методы

Автор использовал методы сравнительного анализа, классификации, системного подхода при исследовании процесса управления и проведении мониторинга его эффективности посредством использования различного рода рейтингов.

В [3] даются пояснения относительно того, какие именно цели преследует мониторинг эффективности образовательных организаций высшего образования, а также что является его объектом и каковы его этапы. Кроме того, дается оценка деятельности образовательных организаций. Так, цель мониторинга заключается в том, чтобы сформировать информационно-аналитические материалы, основанные на результатах деятельности отдельных вузов. В мониторинге должны принимать участие все вузы страны, которые рассматриваются как объекты мониторинга [3].

На различных этапах мониторинга определяются ключевые направления деятельности вузов, вырабатываются показатели их оценки, подготавливаются соответствующие предложения, рассчитываются показатели эффективности их деятельности, а также определяются пороговые значения, публикуются результаты мониторинга и, в конечном итоге, полученные результаты могут быть использованы для формируемых информационно-аналитических материалов. Пороговые значения определяются на основе медианных значений показателей в рамках референтных групп.

В качестве таких групп могут выступать федеральные округа РФ, группы регионов, группы организаций, которые обладают требуемой спецификой отраслевой направленности деятельности. Использоваться результаты мониторинга могут: учредителями для принятия соответствующих решений; Рособрнадзором для планирования контрольно-надзорных мероприятий в области образования.

В мониторинге могут принять участие вузы, отвечающие следующим условиям: образовательная организация выполнила четыре и более показателей; образовательная организация выполнила менее четырех показателей; образовательная организация находится в стадии или сразу после реорганизации; информационно-аналитические материалы по показателям эффективности деятельности вуза в открытом доступе не публикуются.

В основу мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования должны быть положены такие принципы, как: открытость и публичность мероприятий и данных; преемственность и сопоставимость показателей; учет специфики деятельности вузов; возможность документального подтверждения качества данных; возможность получения данных об образовательных организациях из внешних по отношению к ним источников.

Для того, чтобы наиболее корректно использовать принципы, заложенные в основу мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования, при проведении мониторинга, становится необходимым разделение образовательных организаций по специфике их деятельности, в частности выделяются вузы военной и силовой направленности; медицинской направленности; сельскохозяйственной направленности; творческой направленности; спортивной направленности; транспортной направленности [1].

Тем не менее, уже в 2017 году при проведении мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования в процедуру его проведения были внесены изменения: пороговое значение показателя «Трудоустройство» приведено в соответствие с рассчитанным средним значением указанного показателя в 2017 году; установлено пороговое значение показателя «Трудоустройство» для образовательных организаций Республики Крым и г. Севастополя на уровне соответствующего значения показателя для вузов ЮФО; установлено пороговое значение показателя «Заработная плата профессорско-преподавательского состава» на уровне 150% от средней заработной платы в субъекте РФ. Другие пороговые значения остались на уровне 2016 года.

Результаты и обсуждение

Всего в 2017 году в мониторинге эффективности приняли участие 770 государственных, негосударственных, муниципальных и региональных образовательных организаций высшего образования и 691 филиал образовательных организаций высшего образования [5]. Таким образом, направления, обеспечивающие рост, как эффективности, так и качества услуг в сфере образования, определенные в Дорожной карте образования для того, чтобы быть реализованными, должны корректироваться согласно изменяющимся условиям. В результате, ежегодно Минобрнауки РФ требуется утверждать нормативно-правовые положения, в которых регламентируются формы предоставления данных и показатели мониторинга.

Так, в 2018 году Методика расчета показателей мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования включала следующие из них (см.: https://mic-sedu.ru/p/monitoring_vo.html): образовательная деятельность; научно-исследовательская деятельность; международная деятельность; финансово-экономическая деятельность; заработная плата профессорско-преподавательского состава (ППС); трудоустройство; контингент студентов; дополнительные показатели образовательных организаций.

Методика расчета базировалась на основе данных формы № 1-Мониторинг за 2017 год и предусматривала использование 8 показателей, которые были отнесены Минобрнауки РФ к целевым показателям эффективности деятельности. Однако, в реальности мониторинг эффективности деятельности вузов 2018 строился на основании 6-ти показателей (см.: <https://msd-nica.ru/rejting-monitoringa-effektivnosti-vuzov>). При этом, показатель «заработная плата ППС» не оценивается, а показатель «контингент студентов» отсутствовал. Всего в этот год в мониторинге приняли участие 1298 вузов, которые по результатам оценки были поделены на лиги: с первой по седьмую включительно вошли вузы, признанные эффективными, с восьмой по десятую – неэффективными.

При этом, сам показатель эффективности мог характеризоваться достаточно высоким количественным значением, однако прямой связи между этим значением и признанием вуза эффективным не существует. Прежде всего, вузам было необходимо превысить порог в три показателя, которые бы оценивались положительно высоко. И именно это позволяло принять решение о том, что вуз будет признан эффективным.

Таким образом, при грамотно отлаженном механизме управления, руководство вуза должно стремиться к преодолению 50% -ого рубежа в показателях, ежегодно определяемых Минобрнауки при проведении мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. Учитывая, что методика текущего периода строится на форме за предыдущий год, количество оцениваемых показателей будет заранее определено. Кроме того, будет известна и методика расчета этих показателей. Следовательно, на уровне отдельно взятого подразделения будет стоять задача по преодолению поставленных показателей по более, чем половине показателей [4].

Если такому курсу будут следовать все подразделения, то, в конечном результате, будет достигнута цель – признание вуза эффективным. Отметим, что в настоящее время получило широкое распространение использование подобного подхода во многих рейтингах, например, при подсчете индекса цитирования. Согласно [7], мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования также относится к рейтингам.

Заключение

Рейтингование становится одним из актуальных современных методов. В такой ситуации руководству подразделением, вузом в целом необходимо использовать такой управленческий инструментарий, который позволит образовательной организации высшего образования занимать лидирующие места в ведущих рейтингах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2014 года № 722-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки».

2. Евменов А.Д., Фирова И.П., Редькина Т.М. Институциональные и инфраструктурные аспекты развития процесса территориальной интеграции. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002.
3. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения 11.10.2019).
4. Менеджмент / Глазов М.М. и др. СПб., 2014.
5. Минобрнауки России подвело итоги очередного ежегодного мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nstar-spb.ru/news/federal/minobrnauki_rossii_podvelo_itogi_ocherednogo_ezhegodnogo_monitoringa_effektivnosti_obrazovatelnykh_o (дата обращения 11.10.2019).

Хайрутдинов И.Р.

НЕФТЕХИМИЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье анализируется положение нефтехимической отрасли в структуре промышленности России на базе данных официальной статистики. Дана оценка структурным изменениям в промышленности России за период 2013-2018 гг. Показано положение и роль нефтехимической отрасли на примере развитых стран. Тенденции развития отрасли проанализированы на основе динамики объема отгруженной продукции, инвестиций в основные фонды и численности занятых в нефтехимической отрасли. Дан сравнительный прогноз объема отгруженной продукции нефтехимической отрасли, основанный на трех моделях, и определен основной драйвер роста отрасли.

Ключевые слова. Нефтехимическая отрасль, структура промышленности, объем отгруженной продукции, инвестиции, численность занятых, регрессионная модель, прогнозирование.

Khayrutdinov I.R.

PETROCHEMICAL INDUSTRY IN RUSSIA: TRENDS AND FORECASTS

Abstract. The article analyzes the position of petrochemical industry in the structure of Russian industry based on official statistics. Structural changes in the Russian industry for the period 2013 - 2018 are assessed. The position and role of the petrochemical industry are shown on the example of developed countries. Trends in the industry development are analyzed based on the dynamics of the volume of products shipped, investments in fixed assets and the number of employees in the petrochemical industry. The comparative forecast of the volume of shipped products of the petrochemical industry based on three models is given and the main driver of the industry growth is determined.

Keywords. Petrochemical industry, structure of industry, volume of shipped products, investments, number of employees, regression model, forecasting.

Введение

После обвала мировых нефтяных котировок в 2014 г., государство начало искать пути для развития несырьевого экспорта; одной из «точек роста» представляется нефтехимическая отрасль. Нефтехимия – одна из базовых отраслей промышленности, включающая производство различных материалов и изделий, таких как синтетические материалы, прочно вошедшие в жизнь современного человека, полиэтиленовые пакеты, бытовая техника, автомобильные шины, пластиковые окна, непромокаемая обувь, подвесные потолки, одноразовая посуда, каучук, химические волокна, красители и минеральные удобрения. Нефтехимия несет в себе научно-технический прогресс и является поставщиком сырья для других отраслей промышленности, строительства, сельского хозяйства, оборонного комплекса [6].

Отрасль оказывает воздействие на всестороннее развитие экономики. Ежегодно растет количество нефти, отправляемой на нефтепереработку, по сравнению с нефтью, отправляемой на экспорт. В 2013 г. разница между нефтепереработкой и экспортом нефти составила 26 млн тонн, в 2014 г. этот показатель

ГРНТИ 83.31.23

© Хайрутдинов И.Р., 2020

Ильдус Ринатович Хайрутдинов – аспирант кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Контактные данные для связи с автором: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел.: +7 981 718-97-23. E-mail: ildus_11@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 11.11.2019.

увеличился до 37 млн тонн, а в 2015 г. достиг 67 млн тонн. Интересным фактом является оценка доли нефтехимической отрасли в экономике страны, которая по данным официальной статистики в 2015 г. составила лишь 1,5% ВВП [1], что является весьма незначительным значением по сравнению с другими странами.

В своей статье Демидова Е.В. [2] отметила основные факторы и тенденции развития нефтегазохимической промышленности в России и в мире, анализируя мировой опыт государственной поддержки развития предприятий данной отрасли, а также показала возможности применения этого опыта в нефтехимии Российской Федерации. В 2014 г. Министерство промышленности и торговли РФ и Министерство энергетики РФ утвердили стратегию развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г. с целью повышения конкурентоспособности химического комплекса России за счет повышения производственной мощности продукции высоких переделов, высокой эффективности предприятий и улучшения инвестиционного климата отрасли. В рамках стратегии было принято решение применять механизмы долгосрочного финансирования в рамках развития государственно-частного партнерства [4].

Стоит отметить роль нефтехимии в зарубежных развитых и развивающихся странах. Традиционными лидерами отрасли являются США, Япония и Европейский Союз, которые используют преимущества сланцевой революции и развитой инфраструктуры, а также применяют закрытие базовых производств и движутся по новой стратегии – это переход в другие рыночные ниши (продукты с высокой добавленной стоимостью – специальная химия и биотехнологии) [1]. Новым крупным производителем этилена стал Китай, который развивает производство в первую очередь для покрытия внутреннего спроса, но в перспективе остается крупным импортером. Южная Корея и Сингапур, не имеющие собственного углеводородного сырья, стали крупнейшими производителями и экспортерами нефтехимической продукции, поставив за рубеж и внутренний рынок полимеры и продукты оргсинтеза, превышающие импорт больше, чем в 2 раза [1].

Целью статьи является анализ тенденций в нефтехимической отрасли в России и оценка перспектив ее развития.

Тенденции в нефтехимической отрасли

Получить визуальное представление о роли нефтехимии в структуре промышленности России можно, обратившись к рисунку 1, на котором представлена структура российской промышленности по отраслям до обвала нефтяных котировок и девальвации рубля в 2013 г.; доля химической и нефтехимической отрасли – 10% промышленности [5]. В 2018 г. этот показатель относительно 2013 г. вырос всего на 1%.

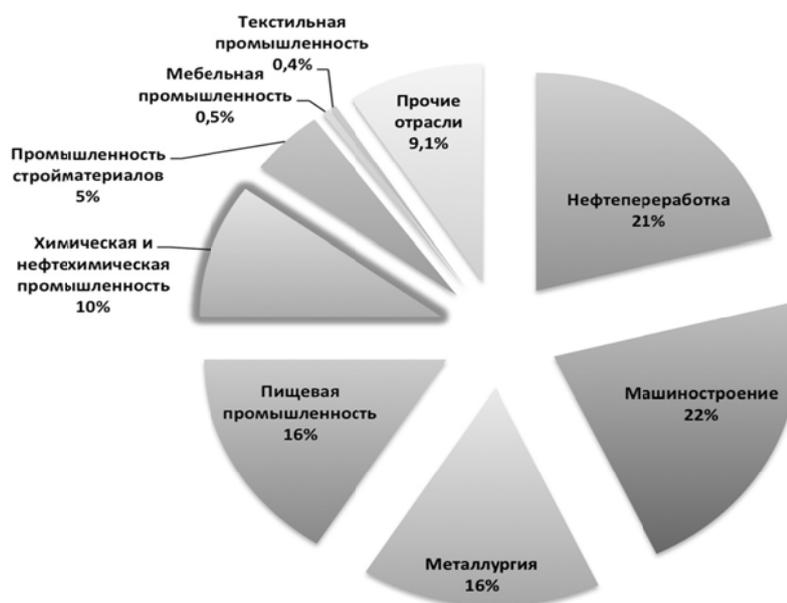

Рис. 1. Структура промышленности России по отраслям, 2013 г., %

Оценка существенности изменений в структуре промышленности была проведена на основе средне-квадратического коэффициента структурных сдвигов, который составил 0,25 процентных пункта, что указывает на отсутствие существенных изменений в структуре промышленности в период 2013-2018 гг.

Объем отгруженной нефтехимической продукции (V) в постоянных ценах 2018 г. демонстрирует неустойчивую тенденцию роста со значительными снижениями в кризисные периоды, так в 2009 г. объемы упали на 18% относительно 2008 г., а в 2013 г. – на 7% относительно 2011 г., что можно видеть на рисунке 2 [5]. Однако, возрастающая тенденция в период 2000-2018 гг. может быть описана следующим линейным уравнением тренда:

$$V = 1952,41 + 128,94t + \varepsilon_t,$$

где t – момент времени; ε_t – случайные остатки.

Коэффициент детерминации тренда составил $R^2 = 0,88$. Уравнение статистически значимо в целом и по параметрам: F -критерий Фишера $F_{(1,17)} = 126,6$ (p -значение = $2,7 \times 10^{-9}$); t -статистика Стьюдента $t_{(0,05;17)} = 2,1$; $t_{1952,4} = 14,95$; $t_{128,94} = 11,25$. Автокорреляция в остатках отсутствует согласно статистике Дарбина – Уотсона $DW = 1,4$ (p -значение = 0,05). В рассматриваемый период ежегодно средний объем отгруженной продукции возрастал на 128,94 млн руб.

Рис. 2. Динамика объема отгруженной нефтехимической продукции в постоянных ценах 2018 г., млрд руб.

Прогноз динамики объема отгруженной продукции на основе регрессионной модели

Для анализа динамики объема отгруженной нефтехимической продукции отобраны факторы, которые тесно коррелируют с объемом выпуска – это инвестиции в основные фонды, как один из драйверов повышения эффективности любого предприятия, и занятость в нефтехимической отрасли. Уравнение регрессии зависимости выпуска продукции от инвестиций (I) в постоянных ценах 2018 г. по данным за 2000-2018 гг. имеет следующий вид:

$$V_t = 1354,69 + 5,7I_t + \varepsilon_t.$$

Коэффициентом детерминации $R^2 = 0,78$. Уравнение статистически значимо в целом и по параметрам: F -критерий Фишера $F_{(1,17)} = 59,3$ (p -значение = $6,11 \times 10^{-7}$); t -статистика Стьюдента $t_{(0,05;17)} = 2,1$; $t_{1354,69} = 5,2$; $t_{5,7} = 7,7$. Автокорреляция в остатках отсутствует согласно статистике Дарбина – Уотсона $DW = 2,15$ (p -значение = 0,54). Остатки распределены нормально: Хи-квадрат = 0,2, p -значение = 0,9. Ошибка аппроксимации составила 9,81%. Таким образом, модель пригодна для дальнейшего прогнозирования.

Динамика инвестиций в основной капитал нефтехимической отрасли демонстрирует неустойчивую тенденцию роста со значительными снижениями в период 2008-2009 гг. Тенденция динамики инвестиций в ценах 2018 г. в период 2000-2018 гг. может быть описана линейной моделью с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,86$ вида:

$$I_t = 133,82 + 19,79t + U_t,$$

где U_t – случайные остатки модели.

Оно статистически значимо в целом и по параметрам: F -критерий Фишера $F_{(1;17)} = 108,8$ (p -значение = $8,3 \times 10^{-9}$); t -статистика Стьюдента $t_{(0,05;17)} = 2,1$; $t_{133,82} = 6,18$; $t_{19,79} = 10,43$. Автокорреляция в остатках отсутствует: критерий Дарбина – Уотсона $DW = 2,42$ (p -значение = $0,75$). Остатки распределены нормально: Хи-квадрат = $2,48$, p -значение = $0,28$. Интервальный прогноз на 2019 г. инвестиций по уравнению тренда составил (423,75 .. 635,55) млрд руб. Большой доверительный интервал прогноза объясняется недостаточно близким к единице коэффициентом детерминации уравнения тренда. С целью сократить границы доверительного интервала была построена интегрированная модель авторегрессии – скользящего среднего инвестиций в основные фонды нефтехимической отрасли $ARIMA(0,1,1)$, уравнение выглядит следующим образом:

$$I_t = 19,79 + I_{t-1} - \varepsilon_{t-1} + \varepsilon_t,$$

где I_{t-1} – инвестиции в основные фонды в предыдущий момент времени; ε_{t-1} – случайные остатки предыдущего момента; ε_t – случайные остатки текущего момента времени.

Параметры модели статистически значимы в целом и по параметрам: z -статистика $_{19,79} = 10,73$ (p -значение = 7×10^{-27}); z -статистика $_{-1,0} = 6,3$, (p -значение = $2,3 \times 10^{-10}$). Автокорреляция в остатках отсутствует согласно тесту Льюинга-Бокса $Q = 2,4$ (p -значение = $0,11$). Остатки имеют нормальное распределение: Хи-квадрат = $1,63$, p -значение = $0,44$. Доверительный интервал прогноза находится в границах (442,01 .. 614,55) млрд руб., что несколько меньше, чем доверительный интервал по тренду. Поэтому прогноз объема отгруженной нефтехимической продукции был построен по модели $ARIMA(0,1,1)$.

Надо отметить, что точечный прогноз инвестиций по авторегрессионной модели на период 2019-2020 гг. составил, соответственно, 2528,28; 2548,07 млрд руб., что подтверждает восходящий тренд. Следовательно, доверительный интервал прогноза объема отгруженной нефтехимической продукции на 2019 г. составил (3491,55 .. 5228,10) млрд рублей.

Численность рабочих в нефтехимической отрасли, наоборот, имеет нисходящий тренд, это связано с постоянной модернизацией и автоматизацией оборудования; человек сегодня уже является оператором автоматизированной машины. Уравнение регрессии зависимости выпуска продукции (V) от занятости (Z) по данным 2000-2018 гг. можно представить следующим образом:

$$V_t = 7510,7 - 5,9Z_t + \varepsilon_t.$$

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,81$. Уравнение статистически значимо в целом и по параметрам: F -критерий Фишера $F_{(1;17)} = 75,39$ (p -значение = $1,18 \times 10^{-7}$); t -статистика Стьюдента $t_{(0,05;17)} = 2,1$; $t_{7510,7} = 15,09$; $t_{-5,9} = -8,68$. Автокорреляция в остатках отсутствует согласно статистике Дарбина – Уотсона $DW = 1,97$ (p -значение = $0,37$). Остатки распределены нормально: Хи-квадрат = $3,77$, p -значение = $0,15$. Ошибка аппроксимации составила 8,04%. Таким образом, модель пригодна для дальнейшего прогнозирования.

Уравнения тренда для занятости в отрасли в рассматриваемый период представляет линейную зависимость с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,90$ и имеет вид:

$$Z_t = 921,86 - 19,93t + U_t.$$

Оно статистически значимо в целом и по параметрам: F -критерий Фишера $F_{(1;17)} = 155,46$ (p -значение = $5,59 \times 10^{-10}$); t -статистика Стьюдента $t_{(0,05;17)} = 2,1$; $t_{921,86} = 50,57$; $t_{-19,93} = -12,47$. Автокорреляция в остатках отсутствует: критерий Дарбина – Уотсона $DW = 2,02$ (p -значение = $0,42$). Остатки распределены нормально: Хи-квадрат = $1,95$, p -значение = $0,37$. Интервальный прогноз на 2019 г. занятости по уравнению тренда равен (433,95 .. 612,43) тыс. чел. Аналогично проведенному анализу динамики инвестиций, была построена интегрированная модель авторегрессии – скользящего среднего динамики занятых в нефтехимической отрасли $ARIMA(1,1,0)$, уравнение выглядит следующим образом:

$$Z_t = -18,04 + 0,46Z_{t-1} - \varepsilon_{t-1} + \varepsilon_t.$$

Модель статистически значима в целом и по параметрам z -статистика $_{-18,04} = -2,65$ (p -значение = $0,008$); z -статистика $_{0,46} = -2,89$, (p -значение = $0,004$). Автокорреляция в остатках отсутствует согласно тесту Льюинга – Бокса $Q = 2,41$ (p -значение = $0,11$). Остатки имеют нормальное распределение: Хи-квадрат = $0,77$, p -значение = $0,67$. Доверительный интервал прогноза составил (485,98 .. 656,62) тыс. человек, что несколько меньше интервала по тренду. Поэтому прогноз объема отгруженной нефтехимической продукции был построен по модели $ARIMA(1,1,0)$.

Надо отметить, что точечный прогноз численности занятых по авторегрессионной модели на 2019 г. и 2020 г. подтверждает нисходящую тенденцию и соответственно равен: 571; 561 тыс. чело-

век. Прогноз объема отгруженной нефтехимической продукции на 2019 г. составил (3367,36 .. 4906,75) млрд руб. с точечным прогнозом 4137,06 млрд руб. Снижение выпуска продукции по точечному прогнозу основано на сокращении числа занятых в нефтехимии в 2019 году.

Третья регрессионная модель была построена на основе двух факторов (инвестиции и занятость). Она оказалась статистически значимой, все необходимые статистические критерии находятся в пределах нормы, ошибка аппроксимации составила 7,24%. Уравнение имеет следующий вид:

$$V_t = 5008,7 + 2,6I_t - 3,64Z_t + \varepsilon_t.$$

Точечный прогноз по модели для 2019 г. и 2020 г. составил, соответственно, 4483,6 млрд руб., 4607,82 млрд руб., что подтверждает тенденцию роста. В таблице для сравнения представлены прогнозы по трем построенным моделям и их основные характеристики.

Таблица

Сравнительная таблица прогнозных моделей объема отгруженной нефтехимической продукции (в постоянных ценах 2018 г.)

Модель	2019 г. (млрд руб.)	2020 г. (млрд руб.)	Средняя ошибка аппроксимации, %	Коэффициент детерминации R^2
$V_t = 1354,69 + 5,7I_t + \varepsilon_t$	4 359,82	4 472,41	9,81	0,78
$V_t = 7510,7 - 5,9Z_t + \varepsilon_t$	4 137,06	4 196,14	8,04	0,81
$V_t = 5008,7 + 2,6I_t - 3,64Z_t + \varepsilon_t$	4 305,90	4 393,90	7,24	0,86

Выводы

Таким образом, нами построены три прогнозные модели для объема отгруженной нефтехимической продукции, которые приведены в таблице. Первая модель дает наиболее оптимистичный вариант развития отрасли, однако, она имеет и наибольшую ошибку аппроксимации. Вторая модель показала пессимистичный прогноз, так уже в 2019 г. прогнозный уровень отгруженной продукции на 4% ниже уровня 2018 г. Третья модель имеет наименьшую ошибку аппроксимации и прогнозирует рост меньшими темпами, чем первая модель, что вызвано отражением убывающего тренда занятых.

Основным драйвером роста отрасли будут являться инвестиции, которые дают наилучший прогноз для возрастающей тенденции развития нефтехимии. Следует отметить, что государственной стратегией является импортозамещение, в результате чего ожидается повышение конкурентоспособности и освоение новых видов нефтехимической продукции высокого передела с относительно высокой добавленной стоимостью [4]. Обновление оборудования – необходимость номер один в сложной отрасли, в связи с износом основных фондов до 80%. Со временем модернизация будет вытеснять трудовой, что и подтверждает убывающая тенденция численности занятых. В совокупности оба рассмотренных фактора сформировали незначительный рост объема отгруженной продукции. Помимо абсолютных факторов, на уровень мощности предприятий влияют политические решения. Нефтехимическая отрасль способна стать новым драйвером ухода от экспортно-сырьевой экономики России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишин Д., Тыров Е. Нефтехимическая отрасль России: стоит ли ждать перемен. М.: VYGON Consulting, 2018.
2. Демидова Е.В. Ключевые факторы конкурентоспособности и основные направления развития нефтегазохимической отрасли: мировой опыт и российские тенденции // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 15.
3. Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. 2014. № 11 (109). С. 38-47.
4. Приказ Минпромторга России № 651, Минэнерго России № 172 от 08.04.2014 (ред. от 14.01.2016) «Об утверждении Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года».
5. Статистический сборник «Россия в цифрах». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 (дата обращения 01.10.2019).
6. Хорохорин А.Е. Стратегия развития современных нефтехимических комплексов, мировой опыт и возможности для России. М.: Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина, 2015.

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием модели устойчивого развития на национальном уровне. Изучена взаимосвязь и взаимообусловленность концепции устойчивого развития и зеленой экономики. Показана определяющая роль зеленой экономики в достижении целей устойчивого развития. На примере Палестины автор рассмотрел институциональные особенности разработки и реализации государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики. Были выделены направления этой политики и проблемы ее реализации. Автором предложена методика расчета приоритетов указанной политики. Ее применение позволяет осуществить рациональное распределение ограниченных бюджетных ресурсов.*

***Ключевые слова.** Устойчивое развитие, зеленая экономика, государственная политика, сбалансированность развития, экономика Палестины.*

Khalil M.R.A.

PRIORITIES OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND GREEN ECONOMY FORMATION IN THE STATE REGULATION

***Abstract.** This article discusses the problems associated with the formation of a model of sustainable development at the national level. The relationship and interdependence of the concept of sustainable development and the green economy is studied. The decisive role of the green economy in achieving sustainable development goals is shown. On the example of Palestine, the author considered the institutional features of the development and implementation of state policies to regulate sustainable development and stimulate a green economy. The directions of this policy and the problems of its implementation were highlighted. The author proposed a methodology for calculating the priorities of this policy. Its application allows for the rational distribution of limited budget resources.*

***Keywords.** Sustainable development, green economy, public policy, balanced development, Palestinian economy.*

Введение

Устойчивое развитие (sustainable development) является одной из базовых концепций современной экономической политики. По мере роста масштабов хозяйственной деятельности и увеличения численности населения, возрастает антропогенная нагрузка на окружающую природную среду. Это требует адекватной реакции со стороны публичной власти, противодействия нарастающим и все более углубляющимся экологическим вызовам [1-7 и др.].

Следует отметить двойственность политики регулирования устойчивого развития, под которым понимается такой тип развития, при котором достигается сбалансированность экономических, соци-

ГРНТИ 06.52.17

© Халил М.Р.А., 2020

Мусаб Рушади Ахмад Халил – преподаватель-исследователь департамента экономики и менеджмента университета Аль Истиклал (г. Иерихон, Палестина).

Контактные данные для связи с автором: Палестина, г. Иерихон, ул. Хишам Палас (Palestine, Jericho, Hisham Palace str., University Al Istiqlal). E-mail: dr.musab1999@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 24.12.2019.

альных и экологических подсистем, создание таких условия жизнедеятельность социума и ведения хозяйственной деятельности, которые не только благоприятны для ныне живущего поколения людей, но и создают предпосылки для воспроизводства и благоприятного существования будущих поколений. Эта двойственность состоит в том, что основные документы регулирования устойчивого развития приняты на международном уровне, под эгидой ООН. С другой стороны, без имплементации принципов устойчивого развития на национальном и региональном уровнях, успех в реализации этой концепции невозможен. Таким образом, складывается определенное противоречие между глобальными и национальными (региональными) интересами в рассматриваемой предметной области.

При этом политика устойчивого развития не сводится к экологической политике, проведению различных природоохранных мероприятий. Она гораздо шире. Хотя в ней обращается внимание на важность решения вопросов охраны окружающей среды, но основной акцент все же делается не на них, а на развитие в целях обеспечения будущего человечества (или какого-либо сообщества – населения страны, региона, коммуны и т.д.), т.е. на согласованность и сбалансированность мер регулирования в социальной, экономической и экологической областях. В этой связи, по нашему мнению, международные требования должны рассматриваться в качестве некоторых рамочных условий и требований для реализации государственной политики регулирования устойчивого развития на национальном и региональном уровнях.

Предметом рассмотрения и научного анализа в данной статье является изучение такого рода политики, особенностей ее осуществления и приоритетов реализации.

Механизм устойчивого развития и зеленая экономика

В рамках концепции устойчивого развития, как мы указывали ранее, развитие рассматривается в совокупности его социальных, экономических и экологических компонент. При этом, несмотря на многообразие и сложный характер взаимосвязей между ними, условно (упрощенно) эту систему взаимосвязей, по мнению автора, можно представить следующим образом:

- социальная компонента является исходным началом всего процесса развития. Количественное возрастание и структурное многообразие потребностей людей вызывают необходимость их удовлетворения;
- это удовлетворение потребностей осуществляется за счет наращивания объемов и структурного развития экономической компоненты. Она реализуется через воспроизводственный процесс, объединяющий закономерно следующие друг за другом стадии производства, распределения, обмена и потребления продукта. При этом, как справедливо принято считать в современной экономической науке, наиболее важной является стадия производства, которая, собственно, и инициирует воспроизводственный процесс. Производство, в свою очередь, в общетеоретическом смысле, принято определять как «воздействие человека на вещество природы с целью получения экономических благ»;
- таким образом, развитие экономической компоненты базируется, в конечном счете, на эксплуатации природных ресурсов, то есть на экологической компоненте, на ее возможностях, которые, в рамках естественно-природных процессов, возникают, развиваются и трансформируются без участия человека. В то же время, изъятие природных ресурсов и их использование могут нарушить, изменить ход течения этих естественно-природных процессов;
- изменения в экологической компоненте, вызванные компонентой экономической, ее нарастающей динамикой, могут оказывать негативное влияние на общество, т.е. на социальную компоненту, вызывая неблагоприятные изменения в ней (деградация ландшафтов, загрязнение атмосферного воздуха, шумовые загрязнений, снижение качества питьевой воды и т.д. снижают качество жизни населения). Эти негативные эффекты требуют преодоления. Если этого не сделать, качество жизни людей может существенно снизиться, да и сам факт существования человека как биологического существа (по крайней мере, в некоторых регионах земного шара) может быть поставлен под угрозу.

Для «разрыва» описанного выше цикла развития требуется внесение корректив на некоторых из его этапов. И, по большому счету, это может быть сделано двумя способами. Первый из них – разумное ограничение потребностей. Отказ от т.н. «симулякров» в потреблении [8]. Но реализация этого способа, несмотря на активное обсуждение его в научной литературе (например, в рамках концепции

т.н. «ноономики» [9]), нам представляется весьма проблематичной. В рамках этого же подхода в научной литературе ведется активная дискуссия относительно необходимости отказа от концепции экономического роста, замещения ее концепцией экономического развития, как более комплексной и адекватной современным реалиям. Но нам представляется, что в условиях, когда мир разделен на «золотой миллиард» и «периферию», а большинство человечества живет в весьма стесненных материальных условиях, массовое самоограничение потребностей в современных условиях является утопией.

Второй способ является менее радикальным. Он основан на пересмотре организационных и технологических основ ведения хозяйственной деятельности, придание ей экологически ориентированного (в англоязычных источниках используется термин *eco-friendly*, т.е. буквально – «экологически дружелюбный») характера. Такая модель экономики получила название «зеленая экономика» [1]. Развитие зеленой экономики, как нам представляется – более предпочтительный способ обеспечения устойчивости развития, т.к. он более реалистичный (не требует изменения сознания и поведения миллиардов людей).

Программа ООН по охране окружающей среды (UNEP) выделяет следующие принципы зеленой экономики: «справедливость и объективность, как в рамках одного поколения, так и между поколениями; согласованность с принципами устойчивого развития; превентивный подход к социальным воздействиям и воздействиям на окружающую среду; оценка природного и социального капитала, например, интернационализации внешних расходов, зеленого учета, расходов на протяжении всего срока эксплуатации и совершенствования управления; устойчивое и эффективное использование ресурсов, потребление и производство; потребность в достижении существующих макроэкономических целей посредством создания «зеленых» рабочих мест, искоренения нищеты, повышения конкурентоспособности и роста в ключевых секторах» (цит. по: <http://greenecconomy.minpriroda.gov.by/ru/zelenaya-economika>).

Из приведенного перечня принципов, которые довольно хорошо характеризуют сущность зеленой экономики, можно сделать вывод о ее тесной связи с концепцией устойчивого развития. По сути, если обратиться к марксистскому пониманию организации социально-экономической системы, зеленая экономика представляет собой «базис» для «надстройки» современного общества, ориентированного на устойчивое развитие. Как указывал К Маркс, «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания» (цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд. Т. 13. С. 6-7).

Таким образом, можно сделать вывод, что стимулирование создания и опережающего развития зеленого сектора в национальной экономике является важной компонентой государственной политики государств, принявших ориентир на обеспечение устойчивого развития. В то же время, в современном мире, где имеется почти две сотни независимых государств и территорий (государственных и квазигосударственных образований), подходить к реализации подобной политики на некой универсальной основе будет не вполне правильно, т.к. не позволит учесть особенности конкретной ситуации. Итогом такого неучета может оказаться низкая результативность проводимой политики. Следовательно, необходим учет в государственной политике регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики имеющейся институциональной специфики.

Институциональная специфика реализации концепции устойчивого развития на национальном уровне (на примере Палестины)

Безусловно, каждая страна мира имеет собственные особенности институционального устройства. Поэтому, для придания содержательного характера дальнейшему изложению, мы рассмотрим конкретное государственное образование – Палестину. Это де-юре независимое и частично признанное государство. Его суверенитет (данные на август 2018 г.) признают 137 из 193 государств-членов ООН.

Если обратиться к историческому аспекту, то это – сравнительно молодое государство, юридически созданное после Второй Мировой войны. В 1947 г. был принят план раздела Палестины (резолюция Генеральной ассамблеи ООН № 181), который предполагал разделение этой исторической области на ближнем Востоке Палестины на два государства – арабское и еврейское. Но в дальнейшем, вследствие конфликтов,

в том числе военных, сопровождавших реализацию этого решения, палестинское государство создано не было. Лишь с формированием Палестинской национальной администрации в 1994 году, она взяла на себя обязательство создать государственные институты на территориях в границах 1967 года.

Определенная неполнота палестинской государственности, определяемая тем обстоятельством, что процесс создания данного государства все еще продолжается, определяет приоритеты проводимой им экономической политики. В частности, Палестине требуется ускорение экономического развития для устранения экономической зависимости от Израиля, отношения с которым остаются весьма напряженными. Процесс развития в Палестине сталкивается со многими трудностями и препятствиями, имеющиеся административно-политические ограничения негативно влияют на уровень жизни большинства населения из-за нестабильности и прямых вмешательств израильских оккупационных властей и систематически наносимого инфраструктуре и общественным объектам ущерба.

Одним из наиболее важных препятствий на пути развития палестинской государственности и арабского палестинского народа является то, что израильские власти вели непрерывные войны против всех институтов государства Палестины, в частности в секторе Газа в 2008, 2012 и 2014 годах, причем агрессивные действия были направлены не только против сугубо военных объектов и группировок, но и на правительственные, гражданские и институты безопасности, в том числе университеты, школы, больницы, международный аэропорт Газа и т.д.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся трудности государственного строительства и социально-экономического развития, сохраняющийся высокий конфликтный потенциал, власти и экспертное сообщество Палестины поддерживают концепцию устойчивого развития и прилагают усилия для формирования и развития элементов зеленой экономики на территории этого государственного образования. При этом, проводимая политика должна учитывать институциональную специфику Палестины, которая выражается, главным образом, в незавершенности процесса создания суверенного Палестинского арабского государства.

Показатели развития зеленой экономики и устойчивого развития в Палестине

Анализ проводимой Палестинской национальной администрацией политики позволил установить, что она проводится в отношении следующих элементов: контроль загрязнения атмосферного воздуха; ведение экологичного сельского хозяйства; охрана природных комплексов прибрежной и морской среды, водных ресурсов; поддержание биоразнообразия. Рассмотрим ситуацию в этих областях.

1. Контроль загрязнения атмосферного воздуха.

Загрязнение воздуха является одной из самых старых экологических проблем, известных людям. Загрязнение воздуха отличается от других видов загрязнения. Оно не ограничивается только исходной областью, но также распространяется на соседние и отдаленные районы. Загрязнение воздуха не может контролироваться после совершения выхода в атмосферу загрязняющих веществ из источника, поэтому его необходимо контролировать перед выбросом в атмосферу. Хотя Палестина не является индустриальной страной, малая территория с ограниченными природными ресурсами, высокая плотность населения ставит проблему загрязнения воздуха очень остро (см. табл. 1).

Таблица 1

Загрязнение атмосферного воздуха в Палестине

Год	Выбросы, тонн / год						
	Двуокись углерода	Метан	Закись азота	Оксиды азота	Угарный газ	Органические соединения	Диоксид серы
2009	2,991,694	15,115	814	26,881	213,567	35,867	3,278
2010	2,463,168	13,943	760	29,800	213,513	37,187	3,533
2011	2,401,835	13,584	706	26,815	137,805	37,019	1,722
2012	2,260,916	13,198	689	29,229	242,765	36,200	3,903
2013	2,643,222	13,119	682	28,223	152,276	38,171	1,966
2014	3,271,227	13,983	712	31,412	158,158	44,123	1,515
2015	3,100,538	14,853	782	40,112	283,19	46,552	4,480

Составлено автором по данным Центрального статистического бюро Палестины.

В качестве мер регулирования в рассматриваемой области предлагается проведение инспекций и периодического мониторинга, а также принятие ограничивающего выбросы законодательства. Также мы полагаем, что требуется реализация информационного сопровождения указанных мероприятий, для чего необходимо использование ресурсов средств массовой информации. Также необходимо усиление межгосударственного взаимодействия, т.к. большое количество токсичных и вредных газов, эмитируемых заводами в Израиле, попадает в воздушное пространство Палестины из-за близости географического положения этих стран.

2. Ведение экологичного сельского хозяйства.

Сельское хозяйство играет жизненно важную роль в экономике развивающихся стран, в том числе Палестины, и является основным источником продовольствия, доходов и занятости для сельского населения. Развитие сельского хозяйства и землепользования имеет важное значение для обеспечения продовольственной безопасности и борьбы с нищетой. Устойчивое развитие сельского хозяйства является важной формой устойчивого развития и означает способность поддерживать производство при сохранении природных ресурсов. Устойчивое и ориентированное на использование зеленых технологий развитие сельского хозяйства особенно важно в Палестине из-за отсутствия национального и регионального планирования в палестинских районах, а также, вследствие израильской оккупации, конфискации земли и запрета доступа к земле, конфискации земель для строительства израильских поселений и строительства дорог. В настоящее время, к сожалению, в проводимой государственной политике меры стимулирования использования зеленых технологий не предусмотрены.

3. Охрана природных комплексов прибрежной и морской среды, водных ресурсов.

Разработка программ, связанных с устойчивым использованием морских и прибрежных районов, требует учета экологических, социальных и экономических аспектов и постоянного взаимодействия между ними. Одной из проблем, с которыми сталкивается Палестина в районах побережья в секторе Газа, является добыча песка и неизбирательное строительство на палестинском побережье. Пляж Газы загрязнен из-за потока сточных вод и сброса отходов. В исследовании Helles (2012) «Загрязнение окружающей среды, вызванное перекачиванием сточных вод в район пляжного района Газы» было обнаружено, что он заражен инфекционными кишечными паразитами. Биологические загрязнения были обнаружены в образцах морской воды (21,6%) и в образцах песка (21,2%).

Восточный водоносный горизонт, часть бассейна реки Иордан, является самым важным источником возобновляемой, в том числе питьевой, воды в Палестине. Около 80% этой зоны находится на Западном берегу. При этом более 90% объемов перекачивания воды осуществляется на израильской территории. В этой связи, большая часть воды не используется палестинцами. Одной из причин этого являются строгие меры израильские оккупационных властей по количеству и глубине колодцев. Доля воды, получаемой палестинцами из подземных вод, оценивается в 15%, а израильтяне получают 85% воды из рассмотренного бассейна.

Еще одной проблемой является неразвитость в Палестине инженерных канализационных сетей. Согласно имеющимся официальным оценкам, лишь 40,6% домохозяйств на Западном берегу подключены к канализационной сети. Палестинцы в секторе Газа находятся в несколько лучшем положении, здесь 83,1% домохозяйств подключены к канализационной сети. Естественно, что неочищенные стоки загрязняют и без того скудные ресурсы пресной питьевой воды. Для решения этой проблемы требуется привлечение инвестиций (в том числе – по линии Всемирного банка) для реализации инвестиционных проектов, связанных с созданием и модернизацией коммунальной инфраструктуры.

4. Поддержание биоразнообразия.

Поддержание биоразнообразия является важным компонентом устойчивого развития, а его сохранение является не только моральным и экологическим обязательством, но и ключом к обеспечению устойчивого развития. Биоразнообразие, в реализуемой государственной политике, можно количественно измерять двумя основными показателями: площадью охраняемых районов относительно общей площади страны (региона); доле находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений [10].

Несмотря на сложности с государственным строительством, которые наличествуют в Палестине, вопросам поддержания биоразнообразия уделяется значительное внимание. Так, на Западном берегу насчитывается более 20 заповедников, среди которых: Умм-эль-Райхан, Дженин, Вади-эль-Каф в Хевроне, Вади-аль-Зарка аль-Алави в Сальфите, Салман аль-Фарси в Тулькарме и Джабаль-эль-

Кабьер в Наблусе. По официальным данным, в Палестине площадь заповедников в 2011 году составила 514,7 км², а площадь лесов – 101,4 км².

Около 2 750 видов диких растений в Палестине были идентифицированы и разделены на 138 семейств. В Палестине насчитывается 2076 видов растений, из которых 91 вид угрожает исчезновением, а 626 видов были зарегистрированы как очень редкие [11]. Необходимо, по мнению автора, принятие срочных мер по охране исчезающих видов. Решить эти задачи Палестинская национальная администрация в полном объеме не в состоянии, поэтому здесь необходимо привлечение ресурсов международных организаций, так как Всемирный фонд дикой природы и др.

Итак, требования устойчивого развития и формирования зеленой экономики направлены на улучшение качества жизни населения. В Палестине необходимы инвестиции в сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство, энергетику, рыболовство, лесное хозяйство, промышленность, туризм, транспорт, утилизацию и переработку отходов, управление водными ресурсами и другие отрасли экономики для более полного и своевременного выполнения мероприятий, связанных с устойчивым развитием [12].

Одновременно с этим, требуется активизация государственной политики, в том числе определение ее приоритетов, т.к. ресурсная недостаточность, наблюдаемая в системе госуправления Палестины, требует четкого и точного распределения скудных имеющихся ресурсов между направлениями госполитики.

Определение приоритетов государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики

Для определения приоритетов мы воспользуемся методом анализа иерархий Т. Саати (см., например: <https://axd.semestr.ru/upr/hierarchies.php>), при этом, в качестве основания для их назначения, мы используем те направления рассматриваемой политики, которые де-факто сложились в стране и рассмотрены ранее. Примем обозначения для этих направлений: Н1 – контроль загрязнения атмосферного воздуха; Н2 – ведение экологичного сельского хозяйства; Н3 – охрана природных комплексов прибрежной и морской среды, водных ресурсов; Н4 – поддержание биоразнообразия.

В таблице 2 приведена матрица попарных сравнений для рассмотренных направлений. Ее анализ позволяет определить предпочтительность элементов (направлений).

Таблица 2

Матрица предпочтений

	Н1	Н2	Н3	Н4
Н1	1	3	2	3
Н2	1/3	1	1/4	4
Н3	1/2	4	1	5
Н4	1/3	1/4	1/5	1

Составлено автором.

Стандартные преобразования позволили нам получить вектор приоритетов (при этом, отношение согласованности составило 0,24, что является удовлетворительным значением данного показателя):

$$W = (0,335; 0,208; 0,391; 0,066).$$

Экономический смысл полученного вектора состоит в том, что он численно определяет приоритетность каждого из направлений государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики в Палестине (Н1-Н4). Исходя из численных значений приоритетов, могут быть рационально распределены объемы бюджетных ресурсов между соответствующими направлениями государственной политики. Безусловно, и перечень предложенных направлений, и численные показатели их приоритетности отражают текущую ситуацию, при изменении которой указанные параметры предложенной нами модели могут быть скорректированы.

Заключение

Дебаты об окружающей среде и устойчивом развитии не должны ограничиваться экологическими показателями, а должны осуществляться в комплексных рамках, включающих показатели социального,

экономического и экологического измерения устойчивого развития. Достижение устойчивого развития требует глубоких изменений в системах государственного управления, в механизмах, методах и инструментах соответствующей политики. При этом, надо понимать, что эти изменения происходят не только в управленческой системе общества, но также реализуются через неправительственные организации, корректировку общественных стереотипов, изменение поведения населения.

Устойчивое развитие и формирование зеленой экономики имеет ярко выраженную страновую, институциональную специфику. В статье эти процессы рассмотрены на примере Палестины. Институциональная особенность этой страны состоит в том, что процесс создания суверенного палестинского государства пока не завершен, что накладывает существенные ресурсные и управленческие ограничения на проводимую Палестинской национальной администрацией политику. Планы устойчивого развития и формирования зеленой экономики Палестина вынуждена осуществлять в условиях политических препятствий, наложенных израильской оккупацией. Поэтому для данного государства непереносимыми условиями реализации успешной политики в рассмотренной области является скорейшее разрешение арабо-израильского конфликта, а также помощь международного сообщества.

Для достижения целей государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики в Палестине выделены ее основные направления, к которым отнесены: контроль загрязнения атмосферного воздуха; ведение экологичного сельского хозяйства; охрана природных комплексов прибрежной и морской среды, водных ресурсов; поддержание биоразнообразия. В статье предложена и апробирована методика определения приоритетности этих направлений. Исходя из полученных численных значений приоритетов, могут быть рационально распределены объемы бюджетных ресурсов между соответствующими направлениями государственной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. Б.Н. Порфирьева. СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. 327 с.
2. Казанцева А.Н., Плотников В.А. Политика регулирования рынков экопродукции и специфика её осуществления // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 1 (39). С. 11-15.
3. Казанцева А.Н. Вопросы разработки и реализации государственной политики в сфере производства и обращения экологически чистой продукции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 16-20.
4. Пролубников А.В. К вопросу о факторах экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 3 (41). С. 5-8.
5. Положенцева Ю.С., Вертакова Ю.В. Направления формирования парадигмы устойчивого регионального развития // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2008. Т. 4. № 1. С. 12-17.
6. Vertakova Y.V., Plotnikov V.A. The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. Vol. 9 (4). P. 194-201.
7. Vertakova Y., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Economic Annals XXI. 2017. Vol. 166 (78). P. 4-10.
8. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015.
9. Бодрунов С.Д. Ноономика / ИНИР им. С.Ю. Витте. М., 2018.
10. Health conditions in the occupied Palestinian territory, including east Jerusalem, and in the occupied Syrian Golan. World Health Organization, 2010.
11. Palestinian Economic Prospects: Aid, Access and Reform. World Bank, Sep. 2008.
12. Халил М.Р.А. Влияние устойчивого экономического развития на государственную и экономическую политику в Палестине // Экономика и управление народным хозяйством: генезис, современное состояние и перспективы развития: материалы II Международной научно-практической конференции / Воронежский экономико-правовой институт. Воронеж, 2018. С. 230-238.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Наш журнал открыт для публикации по любому из направлений деятельности университета. Автором журнала может быть любой преподаватель, научный сотрудник, докторант, аспирант, соискатель, а также тот, кто сотрудничает с университетом в рамках научной или педагогической деятельности. Статьи студентов (уровни подготовки – бакалавриат, специалитет, магистратура), а также лиц без высшего образования, в том числе подготовленные в соавторстве, не рассматриваются и не публикуются. Обращаем Ваше внимание, что в действующий с 01.12.2015 г. Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, журнал включен по отраслям: 08.00.00 Экономические науки; 10.00.00 Филологические науки; 22.00.00 Социологические науки.

Все представленные материалы в обязательном порядке рецензируются членами редакционной коллегии и привлекаемыми специалистами по направлениям науки.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

К рассмотрению принимаются только комплектные материалы, которые включают:

1. Статью, оформленную в соответствии с приведенными ниже требованиями. Используется только (!) книжная ориентация страниц. Также обязательно наличие оформленного по ГОСТ списка литературы (использованных при разработке статьи источников), в котором источники должны быть упорядочены по алфавиту (сначала – источники на русском языке, затем – на иностранных языках); на все включенные в список источники обязательно должны быть ссылки в тексте статьи; рекомендованное количество ссылок – не менее 5–7; не рекомендуется, чтобы в списке литературы количество ранее изданных работ авторов составляло более 10–15%. Недопустимо наличие в статье неотредактируемых материалов (например, сканированных рисунков или формул). Статья должна быть снабжена кодом ГРНТИ (Государственный рубрикатор научно-технической информации). Статья должна быть снабжена заголовком (наименованием) на русском и английском языке;
2. Аннотацию статьи на русском и английском языке, объемом 400–500 знаков;
3. Ключевые слова, отражающие основные идеи статьи (5–8 слов и словосочетаний на русском и английском языке);
4. Сведения об авторе, включающие:
 - Ф.И.О. полностью на русском и английском языке;
 - учёная степень, учёное звание (при наличии);
 - должность и место работы / учебы (обязательно);
 - контактные данные для публикации в журнале на русском и английском языке (адрес с почтовым индексом, номер контактного телефона, e-mail);
 - контактные данные для переписки с редакцией (номер домашнего, мобильного и рабочего телефонов, e-mail, а также другую контактную информацию, по усмотрению автора – на русском языке), которые приводятся в сопроводительном письме.
5. Все материалы присылаются в редакцию по электронной почте: plotnikov.v@unescon.ru. Рекомендуется в названиях файлов использовать фамилию и инициалы автора, а в заголовке письма указывать, что в нем содержатся материалы статьи, предлагаемые для публикации в журнале «Известия СПбГЭУ».

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Объём статьи (включая аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах, список использованной литературы) для лиц с ученой степенью / званием – от 4 до 7 страниц, для лиц без ученой степени / звания – от 3 до 5 страниц.
2. Формат страницы А4, ориентация – книжная. Поля: верхнее 3,1 см, нижнее 2,9 см, левое 2,2 см, правое 1,7 см. Без колонтитулов, расстояние от края страницы до верхнего колонтитула 2 см, до ниж-

него – 1,27 см. Функция «Автоматическая расстановка переносов» должна быть отключена. Страницы не нумеруются. Не допускается использование в тексте статьи автоматически нумерованных списков. Общие свойства абзацев для всего материала: без отступов до и после абзаца, межстрочный интервал – одинарный.

3. Все материалы статьи должны быть оформлены шрифтом Times New Roman.

4. На первой строке без абзацного отступа с выравниванием по правому краю, через запятую размещаются фамилии и инициалы соавторов (первая буква прописная, остальные строчные) на русском языке. В статье рекомендуется наличие не более чем 3–4 соавторов. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное.

5. После пропуска пустой строки, без абзацного отступа, с выравниванием по центру размещается название статьи на русском языке. Размер шрифта 12 пт, начертание полужирное. В конце наименования делается сноска, в которой указаны сведения об авторах (см. далее).

6. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещается аннотация статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится слово «Аннотация» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сам текст аннотации.

7. После пропуска пустой строки, с абзацным отступом 0,6 см, с выравниванием по ширине размещаются ключевые слова статьи на русском языке. Размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. Сначала приводится словосочетание «Ключевые слова» (дополнительное свойство шрифта – полужирный), затем, после точки – сами ключевые слова (словосочетания), разделенные запятыми.

8. Две пустые строки.

9. Повторяется информация, указанная в пп. 4–7 на английском языке, с теми же правилами оформления. В англоязычном блоке вместо слова «Аннотация» указывается слово «Abstract», а вместо словосочетания «Ключевые слова» – «Keywords».

10. Две пустые строки.

11. Текст статьи оформляется на русском языке с абзацным отступом 0,6 см (самый первый абзац статьи – без абзацного отступа), с выравниванием по ширине. Размер шрифта 11 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование без крайней необходимости других типов шрифтов. При необходимости, в тексте статьи могут быть выделены разделы (например, «Введение», «Анализ литературы», «Методика исследования», «Основные результаты и их обсуждение» и т.п.). Если статья подготовлена при финансовой поддержке какого-либо фонда, выполнена в рамках государственного задания и т.д., то это указывается в последнем абзаце, завершающем статью (перед списком использованной литературы). Порядок оформления этого абзаца: отступ 0,6 см, выравнивание по ширине, размер шрифта 11 пт, начертание наклонное. В тексте могут приводиться рисунки и таблицы, которые размещаются непосредственно после их упоминания, либо на следующей странице. На все рисунки и таблицы должны быть ссылки. При необходимости в тексте статьи приводятся формулы. Статья оформляется без приложений.

12. По тексту статьи должны иметься ссылки на все позиции, приведенные в списке литературы. Ссылки по тексту оформляются в квадратных скобках, с указанием номера позиции в списке литературы. Например: [11]. Если ссылка идет на конкретную страницу (диапазон страниц), это указывается. Например: [2, с. 12] или [4, с. 8–9]. Если ссылка идет на несколько позиций списка литературы, то они перечисляются в общих квадратных скобках, по возрастанию номеров, с разделением точками с запятой. Например: [3, с. 78; 4; 8, с. 11–14; 10] (неправильно: [3], [5]). Если ссылка на литературу стоит в конце предложения, то оканчивающий предложение знак препинания ставится после закрывающей квадратной скобки (правильно: «... ряда авторов [7; 8].» неправильно: «... ряда авторов [7; 8]»).

13. При необходимости в статье могут быть приведены постраничные ссылки, которые оформляются без абзацного отступа, с выравниванием по ширине. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. Не рекомендуется использование постраничных ссылок без особой необходимости.

14. Рисунки оформляются только в черно-белом варианте, рисунки должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все рисунки должны быть пронумерованы, если рисунок в статье один, то он не нумеруется. В тексте статьи рисунки подписываются снизу, без абзацного отступа, с выравниванием по центру. Размер шрифта 10 пт, начертание обычное. В подписи сначала идет сокращение «Рис. X.» (где X – номер рисунка), наклонным

шрифтом. Затем приводится наименование рисунка, без точки в конце. До и после наименования рисунка пропускается одна пустая строка, рисунок сверху от текста также отделяется одной пустой строкой.

15. Таблицы должны быть представлены в виде (формате), позволяющем их редактирование при подготовке журнала к выпуску. Все таблицы должны быть пронумерованы, если таблица в статье одна, то она не нумеруется. Размер шрифта таблиц 10 пт, начертание обычное. В тексте статьи таблицы подписываются сверху, без абзацного отступа. Таблица отделяется от текста сверху и снизу пустой строкой. Над таблицей с выравниванием по правому краю, размер шрифта 10 пт, начертание наклонное пишется: «Таблица X» (где X – номер таблицы). Затем приводится наименование таблицы, без точки в конце (выравнивание по центру без абзацного отступа, шрифт 10 пт, начертание полужирное).

16. Рекомендуется в таблицах и рисунках указывать источник информации.

17. Формулы оформляются с использованием встроенного средства оформления формул программы текстового редактора.

18. Список литературы оформляется в конце статьи. Сначала оформляется его заголовочная часть (выравнивание по центру, без абзацного отступа, шрифт 11 пт, начертание обычное): пустая строка; слово «ЛИТЕРАТУРА»; пустая строка. Затем в виде нумерованного списка приводится сам список литературы (шрифт 10 пт), выравнивание абзаца – по ширине.

19. Сведения об авторах приводятся в обязательной сноске внизу первой страницы. Они оформляются шрифтом 10 пт, начертание обычное; выравнивание абзаца – по ширине, без абзацного отступа. Эти сведения содержат (каждая позиция с новой строки):

- код ГРНТИ статьи, который указывается без точки в конце. Например: «ГРНТИ 06.81.12»;
- авторский знак, затем через запятую фамилии и инициалы соавторов, затем год публикации. Например: «© Попович А.А., Янгелова Е.А., 2016»;
- сведения об авторах (каждый автор – с новой строки), включающие имя, фамилию, отчество и, после тире, ученую степень (при наличии), ученое звание (при наличии), наименование должности и организации (для высших учебных заведений и других организаций не рекомендуется использовать без крайней необходимости сокращенное обозначение организационно-правовой формы, например не рекомендуется использовать аббревиатуру «ФГБОУ ВО»), если из наименования организации неочевидно, в каком населенном пункте она находится, в скобках приводится название города. Например: «Николай Федорович Иванов – кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента Южно-Сибирского института стратегического анализа (г. Темиртау)»;
- контактные данные для связи с автором. Если авторов несколько – указываются данные только одного из них, при этом в скобках указывается его фамилия и инициалы. Они включают адрес с почтовым индексом на русском и английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Например: «Контактные данные для связи с авторами (Плотников В.А.): 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21 (Russia, St. Petersburg, Sadovaya str., 21). Тел. 8 (812) 310-47-60. E-mail: plotnikov.v@unecon.ru».

Некомплектные статьи, статьи, оформленные не по установленным правилам и с неправильно оформленным списком литературы, НЕ ПРИНИМАЮТСЯ!

Более подробная информация представлена на сайте издания:

<http://unecon.ru/zhurnal-izvestiya/trebovaniya-k-predstavlyaemym-/trebovaniya> и

http://unecon.ru/sites/default/files/shablon_oformleniya_stati.docx.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ

«ИЗВЕСТИЯ СПбГЭУ»

Периодичность выхода издания – 6 номеров в год.
Подписаться на журнал можно по каталогу агентства «Роспечать». Индексы 15395 и 37154.
Подписная цена журнала: 1950 руб. – на полугодие и 3900 руб. – на год.

Приобрести журнал за наличный расчет или оформить редакционную подписку можно по адресу:
**191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21,
редакция журнала «Известия СПбГЭУ»**

Зам. главного редактора
Плотников Владимир Александрович

Контактный телефон: +7 (911) 949-13-21 (редакция)
E-mail: plotnikov.v@unecon.ru

Редакторы:
С.С. Алмаметова, Ю.А. Безуглая
Обложка художника *А.А. Сивакова*
Оригинал-макет *Ю.К. Трубкиной*

Подписано в печать 07.02.2020 г. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 23,25. Тираж 1000 экз. Заказ 122.

Адрес редакции журнала «Известия СПбГЭУ»: 191023, С.-Петербург, Садовая ул., д. 21.
Адрес издателя и типографии: 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21
Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ.
Цена номера – 650 руб.